

The image features a central silhouette of a knight in full plate armor, standing on a rocky outcrop. The knight is holding a sword upright in his right hand. The background is a dark, cloudy sky with a large, bright full moon. The text is overlaid on the image in a white, serif font.

Меч нерожденного

Часть 1: упрямец

Алексей Галактионов

Люди давно потеряли право жить. Стоя на краю бездны, последние обитатели мира пытаются сохранить хрупкий баланс и отсрочить неминуемое. Казалось, в стремлении сохранить осколки умирающей реальности они давно забыли о прежних распрях. Однако людская порода неизменна. На пороге конца пламя раздора вновь поднимает голову. Один из владык юга подло предает своих собратьев. Верные сыны Иерархии собираются в карательный поход. Однако никто не знает, что за неповиновением Императору стоит нечто куда более зловещее...

Он бежал и бежал. Вкладывая последние силы, едва отрывая окостеневшие от усталости ноги от земли неся через пустые коридоры дворца. Некогда богатый и шумный дом благородной семьи Ардес опустел за несколько часов. Отец умер первым, оно выпотрошило его, размотало внутренности и развесило словно украшение. Подношение темному богу. Мать и сестры умерли следующими. Затем оно принялось за остальных. Слуги, гости, верные друзья семьи. Их нечеловеческие вопли до сих пор насильовали разум, грозили сломать и без того изломанный, потрясенный ум.

Он бежал по длинному коридору. Синеватые лучи лунного света погребальным фонарем выхватывали лежащие на полу куски мяса, оторванные руки и головы. Лица несчастных, походившие на гротескные восковые маски, выражали глубокую муку и ужас. Тут и там валялись изуродованные тела, смердело кровью, испражнениями и кишечным содержимым. Так пахла смерть.

Стараясь сберечь остатки рассудка, он запретил себе смотреть на изувеченные останки. Сзади послышалось шлепанье босых ног по залитому кровью полу. Утробное, хриплое дыхание. Он едва сдержал приступ накатившего ужаса, резко свернул налево и дернул ручку первой попавшейся двери. Замок не поддавался.

Мерные шаги становились все ближе. Он ощутил леденящий холод, который шел из соседнего коридора. А за ним — нечто темное и пугающее, чему не было выражения в человеческом языке.

В панике он дернул ручку еще раз, толкнул дверь. Та вновь не поддалась.

Преследователь неумолимо приближался. В свете луны на стене зловеще заплясала бесформенная тень.

Он навалился всем весом и что было сил толкнул. Дверь поддалась. Наконец, беглец заскочил внутрь. Торопливо, тихо, чтобы не издавать лишнего шума, заперся.

Он повернулся и тут же отшатнулся, закрыл нос и рот руками. В ноздри ударила отвратительная вонь гнили, крови и содранной с костей плоти. На полу там и тут валялись куски тел. Одного из слуг разорвало пополам. Его размотанные внутренности беспорядочным зловещим узором обрамляли убранство комнаты.

За дверью что-то грохнуло. От неожиданности он резко повернулся, а затем бросился к ближайшему громоздкому шкафу. Юркнул внутрь.

Оказавшись внутри, он пытался отдышаться. Дыхание предательски сбивалось, легкие горели. Он не помнил, сколько времени прошло с того момента, как все началось. Несмотря на молодость, силы его не были безграничны. Он оставался простым человеком. Его преследователь — дело другое. Оно не знало усталости.

За грохотом сердца юноша услышал, как с обреченным стоном скрипнула дверь. Послышался неспешный шлепающий звук. Он прикрыл рот ладонью, чтобы сдержать шум спешного измученного дыхания. Оно протиснулось в комнату и с хриплым гортанным бульканьем принялось бродить.

Юноша не мог его видеть, но темное присутствие снаружи было слишком сильным. Ноги едва держали беглеца, дрожь сотрясала все тело. От судьбы отделяла тонкая дверца старого шкафа. Это осознание заставило сердце колотиться так, словно в грудь засунули бешеный барабан.

Шаги раздавались то там, то тут, время от времени сменяясь чавканьем. Оно сделало последний круг. Затем раздался новый скрип и щелчок замка.

Юноша постоял еще с минуту, только потом опустил руку и принялся дышать, хватая ртом живительный кислород.

«Ушла...»

Его губы скривились в болезненной улыбке. Хотелось смеяться от облегчения.

Оставалось продержаться совсем немного. Бойня во дворце не могла пройти без внимания. Наверняка кто-то слышал безумные крики, исходящие отсюда. По другому быть не могло. Теурги должны прибыть и очень скоро.

— Еще совсем немного... — произнес он губами, не издавая ни звука.

Едва эта мысль промелькнула, раздался короткий грохочущий удар.

— Агх!

Из легких вырвался весь воздух. Он ощутил толчок, а затем тело охватила волна мучительной разрывающей боли, которая сконцентрировалась где-то в районе живота. Вот рту появился противный металлический привкус. Он посмотрел вниз. Глаза юноши расширились в недоумении. Из тела торчали костяные придатки. Они пробили дверь и теперь отвратительными колыями подцепили его словно добычу на охоте. За дверью раздалось довольное утробное ворчание.

Оно потянуло на себя. Юноша охнул, ноги, скользкие от собственной и чужой крови, поехали по деревянному полу. Он вцепился в проем дубового шкафа. Мышца задрожали от невероятного усилия. Создание снаружи потянуло сильнее.

Он зажмурился, в напряжении закрыл глаза так, что сквозь темноту век замелькали разноцветные пятна. Руки онемели. От боли, потери крови и накатившего ужаса мучительно затошнило. Внезапно в глазах потемнело. Раздался хруст. Изувеченные пальцы сорвались, отдавая юношу на милость тому, что ждало с той стороны. Новая волна ужаса ушатом ледяной воды окатила его с ног до головы. Затем была боль, безмерная агония. А потом все закончилось.

— Шеренга, выше копьа! Правый край, подтянуть строй! Готовься, мужики!

Одноглазый офицер не терял времени даром. Каждую свободную минуту, что выдавалась между бросками, он посвящал муштре. Пока командир обходил строй, солдат в доспехе медного цвета поставил копье и утер пот. Несмотря на поздний час, зной только начинал слабеть, уступая место вечерней прохладе. Опершись на древко, он посмотрел на дорогу. Последние лучи заходящего солнца окрасили изможденную жаром землю в зловеще красный цвет.

Воин прищурился, вглядываясь вперед. Между шатрами неспешно проплывала фигура в темно-сером, почти черном балахоне, наподобие монашеской сутаны. Кожа коня, хвати кому смелости или глупости назвать это существо конем, отливала болезненным блеском, просвечивая молочно белыми венами. С пояса таинственного путника свисал меч в добрую половину его роста. Черные как уголь ножны и такого же цвета рукоять жадно поглощали малейшие частицы света, создавая ощущение ненасытной пустоты в пространстве. Лица человека было не разобрать. Солдат поморщился и недовольно сплюнул в сторону.

— Эй, тебя мои слова не касаются!? — Раздался резкий голос офицера.

Нокс двигался неспешно. Мицелан осторожно ступал по жесткой, изрытой мелким узором трещин земле.

— Раз, два! Левую ногу назад, плечо выше! Раз, два!

— А я слышал Ольнийские девки отдаются за медный пятак!

— Ринулась черная рать на последний оплот человечества! И пробил последний час! Пора отчаяния и время гибели! Разверзлись небеса, загрохотала земля в праведной ярости! И явил в великой скорби спаситель нам недостойным пламенного посланника своего! И вознесли неверующие молитвы, прокляв ложных богов!

Оттуда и отсюда раздавались голоса солдат. Церковники в который раз за день читали проповеди. Офицеры выкрикивали команды. Хор голосов и бряцание железа прерывались только свистом ветра да хлопками камлота шатров, что колыхались от бурных порывов.

Нокс мельком взглянул на собравшихся: малиновые плащи, медные вороны, магниканты. Сборище пестрое, как павлиний хвост. Гвардейцы, обычные солдаты, несколько рот из Кларидены. В лагере неподалеку от столицы владений Аластрии собрались далеко не все. Явились представители Центрального пояса. Не было разве что воинов Ольнии и земель, что к ней примыкали. Из тех, которые славились своей боевой мощью и отменной выучкой, Ольнийцы были лучшими. Костяк армии приходился на воинов Синистрии — тоже не худший из вариантов.

Десять рот по тысяче воинов. Шел третий день, а сбор уже завершился. Но пришла лишь малая часть южан. Отчасти из-за спешки, частью по причине буйства запретных земель в это время года: представители окраин явиться не пожелали. Винить их он не мог: перебираться через пустоши без поддержки теургов было чистым самоубийством. Скорее всего, этот путь не пережила бы и сотая часть воинов. Отчасти же из-за завесы тайны, которая покрывала предстоящее дело. Прохибитор Рем свою работу знал.

Хотя явились лишь некоторые, притаившейся в тени Аластрии армии хватило бы, чтобы без передышки вырезать несколько городов. Солдаты в полном доспехе отрабатывали

маневры, оттачивали мастерство, чтобы в решающий момент без всякой пощады уничтожить врага. Даже без теургов: у тех хватало своих забот, это была мощная сила. Да, мощная, грозная...

«...и совершенно бессмысленная», — подумал Нокс.

В раздумьях остаток пути прошел быстро. Теург приблизился к высокому шатру из красной ткани, спрыгнул с мицелана и похлопал скакуна по кожистому боку. Привязал зверя к одной из жердей, которые частоколом стояли по сторонам от палатки. Подойдя чуть ближе, он услышал срывающийся тенор. Ему вторил басовитый голос.

Теург откинул полог и шагнул в полутьму шатра.

— А я говорю, атаковать нужно немедленно, прямо сейчас! — Воскликнул пожилой человек в белом наряде и невысокой конической шапочке. — И бить нужно без утайки!

— Опять начинается... И нарваться на укрепленную стену добрых двадцать метров высотой? Вы в своем уме? — Ответил коренастый мужчина тех же лет с густыми усами, бакенбардами и необычайно живыми, ястребиными глазами цвета ореха. — Лобовой атакой! Да нас перебьют раньше, чем мы пернуть успеем!

Нокс незаметно обошел вокруг большого дубового стола и занял свободное место, кивнул всем присутствующим. На его жест ответил только молодой человек в красном. Еще один, совсем юноша лет шестнадцати с коротко стриженными волосами, неуверенно потупил глаза. Двое других были слишком заняты спором и не обращали внимания на прибывшего.

— Сейчас нападения он как раз не ждет! — Не унимался человек в белом, — такой шанс дается лишь единожды, истинно говорю, мне было видение! Наши солдаты в блестящих доспехах, стены, что пали словно сделана из пепла и череп предателя под пятой прекрасного воина, облаченного в железо! Нас ведет сам Владыка! Кто мы такие, чтобы сомневаться в его мудрости и несравненной милости?!

— Да, да, ну тогда я стройная храмовая девственница воот с такими грудями! — Рыцарь сделал выразительный жест, изображая неестественно преувеличенные изгибы женского тела во всех анатомических подробностях.

Тот, что в белом, недоверчиво расширил глаза, а потом покраснел как кровяная колбаса.

— Кошунство! Кошунство! Да вы богохульник! — Старик ударил кулаком по столу. Раздался звон стоявших кубков. Красное содержимое сосудов засуетилось, едва не расплескавшись по отполированной глади дерева. Мужчина резко вскочил с места. — Теперь мне все ясно! Ваш брат и вы... не иначе дурная кровь взывает к дурной крови! Истинно говорю! Семейство Латвер должно нести клеймо еретиков!

С каждым словом одетый в белое тыкал пальцем в своего оппонента да так, что тряслись обвисшие как у собаки брыли. Для полноты образа не хватало разве что обильно брызгающей слюны.

— Что ты сказал? — Дородный мужчина в доспехах сверкнул острыми как лезвие клинка глазами и медленно поднялся. Он положил руку на рукоять широкого меча, намереваясь одним рывком обнажить оружие.

В воздухе густым, липким иxorом разлилась жажда крови. Юноша вскочил из-за стола, подбежал к дородному рыцарю, разверз руки и перекрыл своим телом путь.

— Отец, умоляю вас, остановитесь! Вы не смеете!

Рыцарь смерил его суровым взглядом и презрительно хмыкнул.

— Ишь ты, будешь еще отцу указывать, что он смеет, а чего не смеет! От горшка два

вершка, а туда же! У тебя уши законопатило? Этот мерзавец только что нас оскорбил! — Прорычал рыцарь и ткнул толстым мозолистым пальцем в церковника, который ответил полным презрения взглядом, — шлющий сын, бесполезный груз на моей шее. Ни силы в дряблых ручонках, ни тактического гения, ни на худой конец, проблеска умишка! Болван болваном! И куда смотрел магистрат, когда навьючивал нас такими бездарями? Так еще и языкаст сверх всякой меры. Я никому не позволю поносить славный дом Латвер! А теперь...

Рыцарь попытался обнажить клинок, но его руку перехватила изящная молодая рука, которая подошла бы скорее деве, чем крепкому на вид юноше.

— Убери руку.

— Нет, отец.

— А ну с дороги, сопляк!

— Я сказал нет! — Упрямо повторил юноша. Казалось, он источает уверенность, но дрожащие колени говорили совсем о другом.

Нокс наблюдал за разворачивающейся баталией, которая рисковала перерасти в смертоубийство, со смесью раздражения и разочарования. Он понимал, чего стоило собрать в одном месте такую пеструю компанию, однако не мог смириться с их глупостью. Разве они не понимают, что стоит на кону?

Еще больше его раздражала предстоящая миссия. Церковники умело раздували пламя религиозного пыла, многие из собравшихся воинов уже назвали поход священным. Что они, служители в белом, понимали в священном... Что могли знать о том, как служить Его воле? Сам факт того, что его призвали сюда, был нелепым и оскорбительным. Он не солдат. Он не прохибитор и уж тем более не обыкновенный палач. Ни он, ни его братья никогда не были тупыми орудиями смерти, что бы ни думали другие. Теперь, однако же, предстояло вернуть безумцев на путь разума, к здравому суждению.

— Тогда как пить дать сейчас получишь по первое число!

— Владыка! И этот человек называет себя бароном! Недостойный, что готов поднять руку на глас рассудка, — воздев руки к небу, воскликнул одетый в белое.

— Достаточно, — произнес молодой человек в красном. Все это время он наблюдал за перепалкой с безразличным видом. Голос был глубоким и на удивление спокойным, — хватит этого фарса, викарий Ледер.

Ледер перевел взгляд на говорившего. На его лице застыло удивление. Наконец, церковник опустил руки.

— Как пожелаете, прохибитор... — сказал викарий, насупившись.

Прохибитор удовлетворенно кивнул.

— Что же до вас, господин Магнус, — он встал с резного стула, поправил алую сутану, — сатисфакцию за оскорбление семьи вы можете получить позже и иным способом. Сейчас у нас есть более насущные дела. Мы потеряли день в пустую, но так ни к чему и не пришли. Ваши распри делу не помогают.

— Но, господин Рем! — начал было Магнус, однако прохибитор поднял палец вверх, призывая к тишине. Единственным жестом он дал понять, что не потерпит препирательств. Спорщик немедленно замолчал.

Нокс едва заметно усмехнулся: молодой человек приструнил пару вздорных стариков вдвое старшего его самого. Но дело казалось вполне естественным. По крайней мере для таких как он: ведь у теургов не было возраста.

— Теперь выскажусь я. Его превосходительство Магнус прав, идти на укрепления

грудью вперед — идея неразумная. Как и десяток предыдущих. Я бывал в городе еще до того, как его барон решил бросить вызов Иерархии. Лично видел стены Ольнии. Сам взбирался на укрепления. Мы потеряем сотни в первые же минуты.

Магнус хмыкнул и с победным видом скрестил руки на груди. Самодовольная физиономия рыцаря засияла как начищенная золотая посуда.

— Но и сидеть на месте мы не можем, — прохибитор покосился на рыцаря, — скрывать такую толпу долго не удастся. Барон Лангос очень скоро прознает о наших планах и начнет готовить оборону. Действовать все же придется. Как — вопрос, ради решения которого мы здесь собрались. С радостью выслушаю ваши мысли, уважаемые господа.

— Окружим город с трех сторон! Отвлечем его внимание и пробьем форт! Тогда гадине не сдобровать! — воскликнул Магнус, нависая над столом. Для пущей убедительности рыцарь ударил кулаком по столу. Наполненные кубки вновь жалобно взвизгнули.

— Нужно что-то большее, чем общее намерение, — ответил прохибитор.

— Ох! Об этом не беспокойтесь!

Следующие минут 10 прохибитор, викарий и рыцарь обсуждали план предстоящего штурма. Молчали только двое: сын Магнуса и молодой человек с бледной кожей, черными глазами и такой же темной короткой бородой на узком угловатом лице.

— Хм. С этим планом я спорить не стану. Что ж, тогда, наконец, решено, — сказал прохибитор, — есть возражения у присутствующих?

Юноша робко поднял руку.

— Я, я бы хотел высказаться...

— Мы вас внимательно слушаем, молодой человек, — покровительственно ответил прохибитор.

— Я хочу сказать, нет, скорее даже спросить. Неужели штурм — единственный выход?

Шатер погрузился в молчание. На юношу устремились пристальные взгляды. Сколь удивленные, столь и раздраженные. Это была не светская встреча и отнюдь не дружеские посиделки. Ситуация приближалась к критической точке. Каждый из присутствующих знал, почему он здесь и зачем явились все остальные. Вопрос звучал абсурдно. Тем не менее, Рему стало интересно.

— Что вы имеете в виду?

— Я думаю... нет, я настаиваю! — Мальчишка твердым взглядом посмотрел на Рема, но на сей раз уверенность не была напускной, — с дядей нужно поговорить.

В воздухе вновь повисла тишина. Магнус и викарий Ледер вперились в парня огромными как монеты по десять денариев глазами. Прохибитор же смотрел с любопытством, хотя и сохранял внешнюю невозмутимость, какой позавидовал бы последний стоик.

— Вы с ума сошли, юноша? — Спросил ошарашенный викарий.

— Тут я с этим шутком соглашусь. Ты спятил! — Воскликнул Магнус. — Старый ублюдок достоин позора и смерти!

— Отец! Должен ли я напомнить вам, что случилось в поместье пять лет назад? Что бы стало с вашей честью, не вмешайся дядюшка? Сколькие приходили за помощью? Сколькие получали ее без подлостей и упреков? Как много он внес в фонды церкви, которая теперь так упорно призывает к скорой расправе? Нет! Он достоин милости!

— Единственной милостью этому псу станет кол в его поганую глотку или веревка на шею, будь он трижды проклят! — Проревел Магнус.

— Он — добрый и милосердный человек! Он не мог опорочить имя семьи без причины! Магнус хотел было возразить, но его прервал прохибитор.

— Заслуги вашего дяди мы под сомнение не ставим. Но это не отменяет факта его преступлений в настоящий момент. Старые благодеяния не покрывают грехов дня сегодняшнего, юноша.

— Но...

— Он виновен и должен понести наказание. — Стальной голос и твердый взгляд бледно голубых глаз Рема не оставляли простора для возражений. На мгновение юный Латвер растерялся.

— Я прошу лишь о снисхождении, господин Рем. Отсрочьте кару. Уверен, всему есть причина. Он заслуживает того, чтобы объясниться!

Рем отвернулся, прикусил большой палец, подумал и, наконец, произнес:

— Мнение юного Аргуса принято к сведению. А что скажете вы, брат Нокс?

Рыцарь и церковник посмотрели на последнего участника совета. Того, что не проронил ни слова с самого начала бурного обсуждения. Ни тот, ни другой не старались скрыть своего отвращения. На презрение теург отвечал безразличием. Все это время Нокс следил за руганью, подбирая подходящие слова. Аргус бросил на теурга умоляющий, полный надежды взгляд.

— Господин Рем, разве стоит слушать подобных ему? Неужели мнение палача так необходимо? — Ледер скривил физиономию.

— Я предпочитаю видеть предмет целиком, прежде чем принимать решение и не привык пренебрегать ценным мнением.

Рем кивнул Ноксу, призывая того высказаться.

Нокс почесал подбородок, чуть взъерошив короткую черную бороду, задумчиво прикрыл глаза, а потом ответил.

— Я тоже считаю, что с Лангосом стоит поговорить.

Теург был человеком действия, но на сей раз не разделял преступного рвения двоих воинственных членов совета.

Магнус открыл рот и застыл на месте, словно не поверил своим ушам. Церковник же выглядел так, будто сейчас завизжит, как деревенская баба на сносях.

— Здравствуйте, приехали. Еще один безумец... — выдал наконец Магнус. После чего плюхнулся на свой стул. Дерево напряжно затрещало под весом тучного мужчины в латном доспехе.

— Ты предлагаешь простить еретика!? — Викарий то бледнел, то краснел. — Это... это неслыханно! Ты....

— Нет, вовсе нет, — перебил его Нокс, — я предлагаю действовать сообразно нашей добродетели. Как и подобает праведным служителям Владыки.

— Добродетели!? — Оживился Магнус, который мновение назад сидел в меланхолии.

— Именно. Добродетели.

— Еще один святоша выискался! Я те щас расскажу о добродетели, о вере и о кротости в придачу! Хольвик!

В шатер вбежал старичок с седой бородой.

— Неси донесения!

— Опять?

— Да, опять. Чего встал? А ну живо, болван!

Хольвик кивнул и как-то раболепно, чуть ли не на цыпочках бросился прочь. Вернулся меньше чем через минуту. В его руках был кусок пергамента.

— Читай.

Старик поклонился и развернул бумагу.

— Я, почтенный Дантон, управитель Пернанта, Элтии и...

— Короче, старый дурак! Переходи к сути! — Рывкнул Магнус.

Эм... Считаю должным сообщить, что 12 сентября по календарю Иерархии почтенный Лангос, барон Ольнии, шестнадцатый сын семьи Латвер издал запрет на подготовку золотого денария для выплаты церковной десятины. А равно запретил платить зерном, шкурой, святым металлом и далее по списку. Под угрозой смерти велел подписаться всем управителям, к коим отношусь и я.

— Читай дальше. Мы умираем от любопытства, — сказал Магнус.

— На третий день управитель Палон просил аудиенции, в чем ему было отказано. Четвертого дня достопочтенный Палон удостоился разговора с его превосходительством, пока тот шел ужинать в свои покои. Обозначенный вопрошал о причинах отказа от выполнения святейшего долга, взывал к богобоязненности и добродетели, чем страшно разозлил его превосходительство. Был бит палками, пинан сапогами и оплеванный выгнан прочь под угрозой казни.

Вечером седьмого дня ко двору явились сборщики податей его преосвященства. На призывы и угрозы обруганы нехорошими словами, а после короткой беседы — отведены на личную конюшню барона Лангоса. Пороты кнутом, облиты нечистотами из общественной уборной и нагими выгнаны взащей.

— Просто красота... — прошептал викарий.

Хольвик протер глаза и продолжил.

— Пятнадцатого дня по календарю прибыл ко двору барона Элгус, отпрыск двенадцатого сына... так...хм..., — пробормотал Хольвик, — был обруган нехорошими словами, на что обозвал того...так и читать?

— Читай как есть, — отмахнулся Магнус.

— На что обозвал того плешивым оборотнем, шелудивым псом, демоновой отрыжкой, ребенком инцеста и в красках описал процесс зачатия барона, не забыв при этом упомянуть его уважаемую матушку (да возрадуется она в садах Владыки). За оскорбление раздет донага, обмазан ослиными фекалиями и повешен за шею на площади, покуда не задохнулся.

— Достаточно.

— И что все это значит? — Спросил Нокс.

— А то, что мой брат бандит, который позорит имя семьи!

— Но есть ли причина такой враждебности?

— Если верить донесениям, он проклинает церковь, а нас, — прохибитор кивнул на Нокса, — клеймит предателями. Просителей не принимает и каждого пришедшего гонит. Поговаривают, никто кроме свиты его не видел уже с месяц. Может всему виной безумие. Возможно, колдовство. А быть может, он просто искал повода для мятежа. Есть предположения, что Лангос собирается объединить Ольнию с Синистрией.

— Тем более не вижу причин действовать сломя голову.

— Не раздражай меня! — Заорал Магнус, — он наплевал на закон! Он выпорол сборщиков, убил собственного племянника! Тебе мало? Он собирается идти на меня войной!

— Мы этого точно не знаем. У нас есть веская причина скорее разрешить проблему, но

мы не можем действовать силой.

— Владыка! Ты продолжаешь нести эту чушь даже после того, что услышал!?

— Ни к чему лить большую кровь, если можно отделаться малой.

— Ахах, — викарий издал короткий смешок, — и кто это говорит! Человек, профессия которого — резня! Вот уж не думал, что доживу до этого дня!

Теург нахмурился. Людер и подобные ему смотрели на малефикантов как на палачей. Тупых головорезов, отбросы. Его хотели видеть убийцей. Фасадом для легитимации расправы и одновременно страшным демоном, живым напоминанием тому, что станет с предателями. И вот молчаливое орудие выступает миротворцем. Насмешка вполне ожидаемая.

— Здесь мы с вами похожи, викарий. — Нокс посмотрел на церковника своим черными глазами. Пospорить было сложно. Тот ожидаемо промолчал. Представители культа вешали, жгли люд и предавали попавших к ним в руки более ужасной смерти, прерываясь разве что на обед, и то не всегда. — Я предпочитаю не чинить смертоубийство там, где возможно мирное решение. В этом и есть воля Владыки, которую все мы признаем высшей истиной. — Он снова посмотрел на церковника, который скривил физиономию, все еще не находясь, что ответить. — Не позволяйте доктринам и мелочному солдафонству затуманить здравые суждения. Если вас не убеждает гарантированная смерть сотен, а может и тысяч людей, есть более...осязаемые вещи.

— Тебя сюда позвали не умничать! Ты здесь только как... — начал было Магнус, но его грубо прервали.

— Поясните, какие же? — Спросил прохибитор.

— Нападение на владения барона означает войну. Бои быстро перекинутся за пределы города и его окрестностей: насколько я помню, тут полно недовольных властью церкви и так же много тех, кто боготворит барона, — заметил Нокс, после чего краем глаза взглянул на викария. Ледер скривился в отвращении, его физиономия говорила больше всяких слов. — Теурги стоять в стороне тоже не станут. Заполыхают молнии эмпирея, землю на лиги вперед искалечит эфирное пламя. Пара недель и все кончено — пробоина на приграничье, толпы темников, орды мертвяков, Владыка знает какой еще нечисти. И это не считая вероятности, что на месте боя образуется Высота. Тогда мы наверняка потеряем весь юг.

Его довод был массивен как молот запретителя. Казалось, об этом никто раньше не думал. Но теперь осознание медленно касалась их разумов. Оно пробиралось в мозг сквозь повисшую тишину. По выражению лиц присутствующих было понятно — они согласны. Сбудется половина или даже четверть сказанного — не имело значения. Сценарий граничил с катастрофой.

— Колдуны не станут вмешиваться, они не будут... у Лангоса нет своих колдунов, — неуверенно проговорил Магнус.

— Что это меняет? И что остановит других? Я слышан, что заклинатели из Ольнии, как и другие выходцы с юга отличаются обостренным чувством справедливости и ослиным упорством. Они свято чтут заветы Нисса: никто не имеет права казнить без доказательства вины. Теурги потребуют объяснений. И если мы не сможем подобрать убедительные слова, не важно, кто победит. То, что начнется после, ввергнет нас в хаос. Такой, что предательство Лангоса покажется мелкой блажью капризной дворянки.

И вновь в самую точку. Лица присутствующих менялись, вытягивались в подлинном страхе. В их поведении Нокс находил какое-то мрачное удовлетворение.

— Что ты предлагаешь? — Спросил викарий с кислой миной.

— Прежде чем хвататься за орудия смерти будет лучше снарядить дипломатическую миссию. Использовать слово вместо меча.

— У тебя проблемы со слухом или ты просто безумен? Ходоки к моему братцу плохо заканчивают, — сказал Магнус, — время дипломатии закончилось, когда он поднял руку на сборщиков.

— Дипломатия хороша, когда пришедший готов слушать и слышать. Теперь мы возьмем дело в свои руки.

Нокс поймал на себе недоуменный взгляд Магнуса, но остановил того жестом и продолжил.

— Так мы убьем сразу двух зайцев. Если Лангос окажется сговорчивым, проблема решится сама собой. Если нет, что ж, по крайней мере мы поймем, что им движет, какие настроения царят за стенами города и куда ударить, чтобы сломить оборону барона с малыми потерями. Возможно, мы что-то упустили. Нам не помешает большая осведомленность. А доводов за штурм будет более, чем достаточно, чтобы убедить последнего упряма. Зная правду, никто даже из самых лояльных югу теургов не решится бросить вызов объединенным силам.

— Это очень рискованно, — прохибитор поджал губы, обдумывая предложение, — барон не будет рад ни теургам, ни тем более служителям церкви. Если дипломатическая миссия провалится, кто бы ни отправился в Ольнию, шансов вернуться у него не много. Весь поход будет скомпрометирован.

— Значит нам нужен тот, кто, осознавая риски, все равно возьмется за это дело. Кто-то способный добраться до барона и попытаться убедить его с минимальной угрозой для себя и всего похода.

— И кто же это может быть? Я не собираюсь рисковать своей шкурой ради твоих авантур, нелюдь, — с отвращением проскрипел викарий, отвернувшись.

— О, не беспокойтесь, викарий, — отмахнулся Нокс, — думаю, многочасовые проповеди и рассказы о чудесных видениях среди жителей Ольнии сейчас не в чести. Как не востребовано и умение носить пышные наряды. А значит, для вас работы там не найдется.

Викарий вновь покраснел и уже собрался разразиться гневной отповедью. Однако заговорил прохибитор.

— Ольния славится отличной защитой от угроз Пограничья. Даже самый сильный теур в лучшем случае сможет отсрочить момент, когда его сущность станет известна последнему оборванцу. Возможно, я бы смог добраться до Лангоса, но без плана внедрения это пустая трата сил. А времени на планирование у нас уже не остается.

— Значит придется рисковать.

— Разумно ли это? Как я уже сказал, для барона теурги все равно, что порошок гриба-патера для берсерка. Могу ручаться, любой одаренный потратит свою жизнь впустую. А попытка проникнуть в город разгневает его еще больше и, что хуже, Лангос узнает о нашем первоначальном плане. Мы потеряем преимущество.

— В таком случае нужно действовать наверняка. Позвольте пойти мне, одному. Я попытаюсь убедить барона заплатить десятину. А еще принять публичную кару, как того требует церковный закон. Разумеется, с оговорками и поправками на его положение. Если ничего не выйдет — я соберу столько информации, сколько смогу.

— Вы полагаете, что сможете преуспеть? — Спросил прохибитор, — на чем основана

такая убежденность?

— Нет, но я полагаю, что выхода у нас нет. И я считаю, что это разумнее, чем бросаться в бессмысленный бой с заранее понятным исходом. А если все согласны в этом, думаю мы согласимся и в том, что мой Орден — лучшее лекарство от баронова беснования.

— Но хватит ли вам сноровки, брат Нокс? Ваш орден предпочитает, скажем так, более прямые методы.

— Как раз поэтому я предлагаю оставить Лангоса на меня, раз уж вы в своих действиях слишком витиеваты. Формально мы не входим в Совет, нам нет дела до власти и тех, кто вершит судьбы простых людей пока они следуют воле Владыки. Если меня раскроют, поводов для смертоубийства у барона будет меньше. Кроме того, мы куда лучше сопротивляемся силам эмпиреев.

— Вы так уверены, что останетесь в живых?

— Нисколько, но раз уж вы гарантированно провалитесь, ничего другого нам не остается.

Рем непринужденно посмотрел на Нокса и кивнул.

— Полагаю, это так. Малефиканты не замешаны ни в светских, ни в церковных делах, а благодаря природной сопротивляемости колдовству, у вас больше времени. Так действительно проще.

Нокс согласно мотнул головой. В глубине души он был рад, что среди членов военного совета был человек из братского ордена, разумный человек.

— И как ты собираешься с ним говорить? — Насмешливо спросил Ледер. — Иль ты оглох? Еретик спрятался за стенами, сидит себе в теплом поместье в окружении баб, напомаженных слуг да всех пришедших порет, дерьмом поливает и взащей гонит. А иных еще и вешает. Никому к нему доступа нет.

— Я что-нибудь придумаю.

— Он убил моего племянника! — Не выдержал Магнус.

— За публичное оскорбление. Помнится мне, это вполне вписывается в законы славной семьи Латвер, — ответил Нокс с ноткой едва заметного презрения.

Члены совета замолчали, обдумывая его слова. Тишину прервал Рем.

— Допустим, мы одобрим ваше предложение. Скажите, брат Нокс. Если он продолжит упорствовать в своем грехе и у вас будет такой шанс, сделаете ли вы то, что должно? — Спросил прохибитор.

— Если мне представится возможность — не сомневайтесь. Я узнаю все, что могу и поступлю, как велит Его непогрешимая воля.

— Все ли согласны?

Магнус сидел в глубокой задумчивости, опустив глаза на массивные латные перчатки. Все желание спорить он растерял и теперь впал в какую-то меланхоличную апатию, Ледер, недовольно сопя, отвернулся. Ни один, ни другой не издали ни звука против.

— В таком случае будем считать, что решение принято. Постарайтесь не задерживаться. Времени у нас не так много.

Нокс кивнул и направился к выходу.

Безжизненное плато раскинулось на лиги вперед. Много недель не знавшая влаги земля растрескалась, обнажая мелкие камни и сухой глинозем. Мимо столба, сделанного из неизвестного дерева, вымуштрованным шагом прошел солдат в полном боевом облачении.

Лагерь лежал далеко позади: даже самый пытливый взгляд выхватывал лишь очертания шатров, конных и пеших строев, отдельные силуэты людей. Ни один глаз не сумел бы разглядеть, что происходит поодаль. Человеку такое было не под силу. Как только солдат в красном доспехе исчез, из-за массивного черного камня вперед юркнула невысокая фигура.

В существе не было и полуметра роста. Его дряблая, студенистая шкура землистого оттенка в точности повторяла цвет засушливой почвы вокруг. Создание огляделось по сторонам, сделало шаг, затем еще один, неуверенно протянуло руку и тут же со стоном отскочило назад. Путь вперед для него был закрыт. Барьер жалил как скорпион. На безносом лице с огромными желтыми глазами отразилось разочарование. Так могло показаться.

Посмотрев по сторонам, существо ринулось вбок, избегая препятствий. Его скорости позавидовал бы теург, связанный с эйдосом ветра. Едва завидев людей, создание пряталось или мгновенно обращалось горстью земли. Стоило путнику скрыться из виду, оно продолжало путь, двигаясь по затайливой траектории. Обшарив лагерь по периметру, существо внезапно остановилось. Оно резко подняло голову, странно, по-звериному прислушалось к обстановке и на прежней скорости прыгнуло за очередной камень.

Послышался топот копыт. Верхом на мертвенно бледном скакуне, поднимая завесу пыли, промчался всадник в

черном. Из укрытия на путника смотрели два огненно желтых глаза. Существо оскалило ряд острых, тонких как иглы зубов.

— Мунгулус все видел, все слышал! Мунгулус все знает! Хозяин будет доволен! — Тварь удовлетворенно промурчала, дождалась, пока шум галопа не сменился тишиной, а затем бросилась прочь от людской стоянки.

Глава 2

Нокс взмахнул мечом, черный клинок рассек воздух и, не встретив никакого сопротивления, прошел через серую, пепельного цвета плоть. Уродливая лысая голова создания с прожилками темных вен со стуком упала, оросив сухую землю черной кровью. Тело, запутавшись в собственных ногах, на полном ходу рухнуло следом, сделало несколько кувырков и навеки затихло.

Теург оглянулся и выругался. В скорости его преследователи не уступали мицелану. Едва он повернул голову и посмотрел перед собой, слева что-то мелькнуло. Нокс резким движением подался вбок и направил поводья в сторону. Воздух напряженно присвистнул, когда возле лица сверкнули костяные когти.

Попытка убить всадника провалилась, существо без всякого изящества плюхнулось на ноги и продолжило бег. Оно щелкало черными зубами, примеряясь к новому броску.

— Быстрее!

Нокс пришпорил мицелана, скакун заворчал, издал пронзительный визг и ринулся пуще прежнего. Слившись в единую неприглядную картинку, перед глазами мелькали безжизненный пейзажи. Впереди показались еще трое. Теург напряженно сжал зубы и живо осмотрелся по сторонам. Проклятые создания и не думали отставать. Они двигались по обе стороны от скакуна и всадника, готовые настичь добычу. Нокс прикрыл глаза, мерно вздохнул, считая про себя.

Один, два...

Три!

Он дернул поводья, что было сил. Мицелан неистово захрипел и встал как вкопанный, прежде изрыв копытами потрескавшуюся землю.

Нокс перехватил клинок и выставил его лезвием назад. Черный меч рассек шею бегущего монстра, словно гильотина. Не теряя времени теург спрыгнул и ринулся на второго преследователя. Казалось, тот на секунду растерялся. Медлительность стоила ему жизни. Он едва успел поднять руку, когда теург взмахнул клинком и разрубил его надвое.

Блеснули когти. Нокс парировал, отвел когтистую руку в сторону. Ударил ногой второго монстра. Не теряя времени рубанул от плеча, обезглавив еще одну тварь. Он сек и рубил. В движениях теурга не было ни изящества ни красоты. Только расчет: точные, короткие движения. Смертоносные и жестокие. Теург оттолкнул последнюю тварь и вонзил острие точно в грудь. Завершил движение резким взмахом клинка, обезобразил и без того уродливую фигуру врага. В этот момент его отточенные годами инстинкты завывали.

«Темный тебя побери...». Нокс выругался своей неосмотрительности. Он повернулся, чтобы попытаться минимизировать вред (впрочем, на таком расстоянии шансов успеть почти не было). Рука монстра рванулась вперед, он намеревался выпотрошить теурга. До плоти заклинателя оставались считанные дюймы.

Нокс влил эссенцию в туловище и руки. Опустил клинок, готовый отразить движение смертоносных лезвий. Однако, прежде чем костяные клинки коснулись холодного металла, существо издало короткий жалобный рев и исчезло из виду. Взвилась пыль. Что-то грохнуло. Нокс на мгновение прикрыл глаза. Откашлялся и взглянул налево. В ту сторону, куда подалась тварь. Он пытался разглядеть хоть что-нибудь, но воздух вокруг был слишком плотным и грязным. Позади слышались шаги. Теург отскочил и поднял меч, с

напряжением всматриваясь в сторону шума. За слоем пыли показался размытый силуэт.

Через мгновение из-за густой завесы появился мужчина в темном камзоле и с луком наперевес. Он добродушно улыбнулся и кивнул.

— Приветствую, уважаемый путник.

Когда пыль рассеялась, глазам предстала неприглядная картина скоротечного боя. Последний из монстров валялся в добрых восьми метрах от того места, где стоял теург. Из его развороченной груди торчала металлическая стрела. Что за снаряд способен пробить шкуру лимоса и отправить его в полет — Нокс мог только гадать. И все его мысли на этот счет были тревожными.

Новоприбывший, человек среднего роста с невыразительным лицом, появился словно из ниоткуда. Его спокойный, внимательный взгляд скрывался за линзами утонченных очков. Неизвестный посмотрел на Нокса, словно оценивая заклинателя перед собой, перевел взгляд на гору изрубленных трупов. Он медленно подошел к ближайшему мертвецу, носком кожаного сапога потыкал грязно серую плоть, заляпанную черным зловонным ихором, и задумчиво потер подбородок.

Нокс опустил клинок, однако бдительности не ослабил. Путники далеко не всегда помогали из человеколюбия и богобоязненности. Скорее, напротив: это было исключением.

Человек к тому времени склонился над трупом. Вдоволь насмотревшись на нечестивые останки, он повернул голову в сторону теурга. На его гладко выбритом лице цвета оливы проскользнула легкая улыбка:

— Пренеприятнейшие твари, не находишь?

— Сложно не согласиться.

Нокс не спускал глаз с этого человека. Тот довольно хмыкнул, встал, отряхнулся и, словно бы не замечая напряжения теурга, сделал несколько шагов в его сторону. Заклинатель одарил того холодным взглядом. Мужчина внезапно остановился, в его глазах читалось то ли удивление, то ли разочарование. А может это было напряжение.

— Кто ты? Друг или враг? — Спросил Нокс, не слишком рассчитывая на честность.

— Ну, ну, разве же так начинают знакомства?

— Я жду твоего ответа.

Мужчина печально покачал головой:

— Давно я не видел такой параноидальной настороженности. Или ты всех, кто приходит на помощь, записываешь в недруги?

— Это зависит от обстоятельств.

— Стало быть не веришь в добросердечность ближнего своего? А как же законы Пути и те дары, что путники преподносят друг другу в знак доброй воли?

— Порой дары стоят много дороже своей цены. Настолько, что взявшийся ее заплатить ломает хребет.

Мужчина понимающе кивнул.

— В твоих словах есть доля смысла. Ну, на мой счет можешь быть спокоен. Следуй я недостойным путям, мне бы было проще дождаться, пока одна из этих тварей, — он кивнул в сторону трупов, — тебя выпотрошит. Или подтолкнет к границе между нашими миром и садами Владыки. Ослабленную добычу проще прикончить. Однако я предпочитаю взаимную помощь взаимной ненависти. А посему...

Он изящно поклонился, приложив руку в черной перчатке к груди.

— Ластер Стиреан. Рад приветствовать.

Нокс посмотрел на мужчину перед ним. Логику его случайного помощника было сложно опровергнуть. Больше не было причин держаться настороженно. По крайней мере настолько. Его осторожность близкая к паранойе вернулась к прежним здоровым границам. Клинок с лязгом вернулся в ножны.

— Нокс.

— И все? — Ластер поднял брови. — Ни титула, ни фамилии?

— Нет.

— Ни, на худой конец, прозвища?

— Ничего из этого.

— Хм. Что ж, ладно. Мне этого достаточно. Думаю, навыки человека говорят больше слов, имени и прочих условностей. — Он снова покосился на распластанных по дороге мертвецов. — Особенно, когда он так красноречив в своих талантах.

— Очень щедрый комплимент. Но уверяю тебя, это всего лишь случайность и немного везения.

— Я не верю ни в везение, ни в случайности. А вот в суровую школу — поверю охотно. Нелегко приходилось?

— Ты даже не представляешь.

Ластер покосился в сторону где лежали тела и покачал головой:

— Тогда я им почти сочувствую.

— У тебя странное представление о сочувствии. — Нокс невесело ухмыльнулся. — Кроме того, разве отвратительные монстры его заслуживают?

— Я сказал "почти". Мною двигало врожденное чувства прекрасного. Эти создания... неприятны глазу. — Ластер поморщился. — А еще мне хотелось помочь собрату-путешественнику, который оказался в беде — здешние места кишат лимосами. Впрочем, ты и сам уже видишь.

— Сложно не заметить. Проклятые твари преследуют меня уже несколько дней. Не думал, что путь будет настолько хлопотным.

— Да, господин Нокс, ничего не дается задаром. Даже жизнь. Но это все лирика. Что привело тебя в наши гостеприимные края? Куда тебя ведет Владыка?

Нокс с мгновение подумал, посмотрел на землю.

— Я в некотором роде путешественник. За неимением лучшего описания можно сказать так. Сейчас моя дорога лежит в ближайший город, где бы я мог собраться с мыслями.

— Ольния, да? Не худшее место для раздумий. А дальше?

— Сложно сказать. Думаю отправиться на юг, ближе к тракту. А там — как сложится судьба. Пусть дорога ведет сама. Я склонен верить Владыке и его путям.

— Звучит на удивление безрассудно, — усмехнулся Ластер, — тут обитают не только лимосы.

— Не ты ли только что восхвалял мой талант к смертоубийству? — сказал Нокс с ответной усмешкой. — А что насчет тебя?

— Дела. Будь оно все неладно. Путешествия никогда меня не привлекали. Я человек более конкретный. Практичный, можно сказать. Подобных мне влечет к тому, что приносит материальный достаток. Сейчас мой интерес сосредоточен здесь. Вот и все.

Нокс посмотрел на Ластера с некоторым удивлением.

— Так ты торговец? — Он тут же засомневался. Нокс едва заметно посмотрел на лук из

белого дерева. Оружие слегка рябило в ткани реальности. Колдовская энергия была скудной, но стабильной в своем круговом движении: не худшее творение демиургов. Хозяин же, судя по всему, ничем не отличался от обычного человека. Разве что неплохими умениями. Краем глаза Нокс заметил, что тот его тоже оценивает. — Или, быть может, охотник?

Ластер хотел было ответить, когда сбоку послышались тяжелые шаги и недовольное фырканье. К ним приближался пегий конь. Справа и слева к жеребцу хозяин приторочил тюки из черной ткани. Судя по виду, они были тяжелыми. Нокс учуял легкий запах спирта, почвы и каких-то горьких трав. Он напоминал аромат алкоголя, разлитого на разогретую землю в знойный день. Такой же пьянящий и терпкий.

Запах был притягательным. Нос щекотала удивительна симфония, сотканная из десятков полутонов, какой он не чуял даже в ранние годы. Когда был человеком. Или, точнее, казался человеком. Из глубины души поднималась смесь тоски по чему-то далекому, недостижимому и в то же время ощущение разрывающей ненависти. Он мгновенно отринул странное чувство, которое и сам до конца не понял.

— Нашелся, наконец, старый пройдоха, — сказал Ластер. Он подошел к коню и похлопал того по лоснящейся шкуре. Скаун был хорош. Таких лошадей Нокс видел разве что у богатых купцов или у аристократов.

— Что у тебя в мешках? — спросил Нокс как бы между делом.

Ластер саркастически прищурился, — это коммерческий секрет. Пусть у каждого останутся свои тайны, Нокс. Как того требует закон Пути.

— Что ж, справедливо.

Покуда тот никому не угрожал, Ноксу не было дел до его секретов. Теург молча смотрел, как Ластер поправляет седло.

— Не желаешь объединить силы? — спросил Нокс. — Вдвоем путь будет быстрее, а с твоими навыками и меткостью, держу пари, много безопаснее.

Ластер расхохотался.

— Ответная лесть, да? Я как и ты вынужден держаться начеку. Хвалиться тут нечем. Мне просто хочется жить. — Он посмотрел вдаль, — вдвоем действительно проще. Однако мне придется отказаться. Путь мой лежит в другом направлении.

— В таком случае желаю удачи. Благодарю и пусть Владыка бережет тебя.

— Возможно, наши пути еще пересекутся. У Того-кто-Знает свои планы. Свои планы на каждого из нас.

Ластер отсалютовал и запрыгнул в седло. Через несколько мгновений единственным напоминанием о путнике было лишь облако пыли.

Дело поворачивалось не так, как он планировал. В городе было на удивление много стражников, причем не самых любезных. Замок барона отгородился от окраин прочной стеной. Он располагался особняком ото всех. Даже от некоторых помпезных резиденций местных аристократов. Все усилия убедить охрану прошли даром. Попытки подкупа через третьи руки — тоже. Либо они были законченными тугодумами либо же кто-то приказал не впускать посторонних под угрозой смерти. Нокс склонялся ко второму.

Он шел по оживленной улице, не обращая внимания на плотные толпы людей. Теург остановился и полупустым взглядом уставился на обшарпанный дом из темного камня.

— Возможно, стоит попробовать по-другому... — пробормотал он, ухватившись пальцами за короткую черную бороду.

Стена на границе внутреннего города, где стояла резиденция, была едва ли меньше той, которая защищала город. Что там внутри — он мог только гадать. Возможно, еще больше стражи. А может и что похуже. Кроме прочего, он совершенно не представлял, как устроен и чем защищен сам замок, насколько тот велик и сколько внутри обитателей.

— Нет, так не пойдет..., — вновь пробормотал теург, прикусив палец. Из раздумий его вывел бодрый голос.

— Чего понурый такой, возьми веночек, подругу свою порадовать, одна монетка всего!

Горбатая старуха в драном заплатанном балахоне протянула вязь белых цветов. Нокс поднял ладонь, помотал головой и отправился дальше. Теург на время отвлекся, неспешно осмотрелся. Крыши домов, печные трубы, деревья, скамейки: везде виднелись изящные орнаменты галатерий всех цветов и размеров. Бутоны колыхались на легком ветру. Вокруг разносился запах ванили. К его удивлению, украшения отдавали легкими нотками колдовства.

— А я тебе говорю Гилион его прибьет!

— Как же, держи карман шире! Твой Гилион слабак! Как баба! Крон его одной левой!

Мальчишки лет десяти с жаром о чем-то спорили. Едва не дошло до драки.

— Ваша ставка, господин! Кто желает побиться об заклад? Клянусь своей матушкой, выгоднее условий не найдете!

Теург с интересом смотрел за странным движением. Люди нестройными рядами шли в одну сторону, куда-то вглубь внутреннего города. В воздухе витала всеобщая эйфория. Девы кокетничали с юношами, смеялись с подружками. Женщины делились секретами. Парочки шептались, парни несдержанно гоготали, напевали неприличные песни, а мужи и старики — пили, делясь историями одна невероятнее другой.

Нокс остановился, уставившись на процессию, когда вдруг почувствовал тычок.

— Что-то ты опоздал, мил человек, — упитанный розовощекий бородач ростом метра полтора с широким деревянным подносом наперевес толкнул Нокса в бок, — а, впрочем не расстраивайся. На-ка лучше выпей. Один медяк всего.

Толстяк протянул жестяную кружку, наполненную красноватой жидкостью. Нокс машинально взял предложенную выпивку и залпом осушил все до капли. Бормотуха была на редкость неплохой. В меру сладкой, богатой на вкус и, что важно — не слишком крепкой. Хотя опьянеть он все равно не мог.

— Ого, да ты смотрию не промах! — торговец хлопнул Нокса по плечу, — не смотри, что худосочный, хе-хе!

— Годы практики творят чудеса. — Сказал Нокс, утирая усы.

— За практикууу! — воскликнул толстяк и со знанием дела выдул полную кружку одним махом. Медные струйки напитка побежали по толстой красноватой от солнца и жары шее.

— Я вижу ты и сам человек опытный.

— Праздник как никак! — Ответил торговец, смахивая с бороды пену и крупные капли.

— Что же за торжество? — Нокс показал на украшенные цветами дома. — Не припомню, чтоб сейчас были поводы к таким гуляниям.

По правде говоря, он ожидал чего угодно: потускневших от страха взглядов, стражников, которые внушали горожанам ужас своей жестокостью, массовых казней, а если барон перешел на службу ненавидящим силам — жертвоприношений и морей крови. Чего угодно, но не подготовки к празднику. Это сбивало с толку.

— Ну ты даешь, мил человек! Приперся и даже не понял, куда тебя нелегкая несет! Турнир, разиня, турнир! Будут молодцы удалью мериться, у кого мускулы крепче, грудь волосатее да корешок длиннее!

Нокс посмотрел в сторону пары девушек, на головах которых красовались венки. Они заливисто смеялись, но слов из-за общего гама и гула голосов было не разобрать.

— Не потому ль народ так доволен?

— А как же! Не каждый день нас зрелищем таким балуют! Сейчас как раз идут глядеть, как мутузить друг друга парни будут. За зрелища!

В ход пошла вторая кружка.

— Уж не барон ли постарался?

— А кто ж еще! Он конечно. Его превосходительство охоч до двух вещей: мясистой титьки да красивого боя. Хотя нет, до трех. Еще не прочь покутить. Порой такие гулянки закатывал, что королевская свадьба бедняцким застольем покажется. А теперь заскучал старик. Ох заскучал. Глядишь развеселится. То и дело его серая хандра за зад кусает.

— И что же, частенько хандрит?

— Частенько, мил человек. Твоя правда. Порой так долго, что не разобрать, жив он или душу Владыке отдал. Ни слуху от него, ни духу. Потом глядишь выходит какой-нить надушенный хмырь из дворца и давай приказы рассылать, да молодцев кликать. Живой значит. Мертвецы-то указов не пишут.

— Это верно. Да и церковников по матери не посылают.

— Тсс. Шибко ты разговорчивый. — торговец выпивкой схватил Нокса за рукав и слегка потянул. Оглянувшись, он убедился, что никто не слушает, а затем подался вперед и заговорил, понизив голос. — Мой тебе совет: об этом лучше не болтай. Его превосходительство добрый, да нет-нет кого и обласкает своей государевой лаской. Да так, что человек дух испускает. Особенно, если очередная любимица нервы трепать начинает.

— Смотрю неплохо ты осведомлен.

— Ну так. Все-таки двадцать лет как по всем значным местам хожу. А в лучшие годы и во дворец был вхож. Эх. Были времена. Ладно, заболтался я с тобой. Ну, бывай, мил человек. Пора мне. Пойло само себя не продаст, а торговля идет не ух как бойко.

"Вхож во дворец?"

В голове Нокса закружилась безумная мысль.

— Беру всё и пять монет в придачу за пару дружеских советов.

— Десять.

— Семь.

— Вот это уже разговор.

Нокс склонился к толстому торговцу.

— Как переговорить с его превосходительством знаешь?

Тот на мгновение смутился, даже не пытаясь скрыть своей растерянности.

— До коли б знал... Я ж ему бормотуху гнал в количествах, что за год целой толпе не выхлебать, пока он окончательно не расклеился, — торговец говорил взволнованно и с каждым словом его душевное смятение только росло. — Я ж в туфлях сафьяновых ходил, кожи дранитовые носил. А теперь одну капусту жру, да в тряпицы трухлявые наряжаюсь. А что делать? Тут такие люди к нему приходили...

— И что?

— И то! Пинком под жопу и вон из славного града. Весь разговор. Так то вельможи!

Станет он с нами, оборванцами, лясы точить.

Нокс вздохнул и посмотрел на толпу, которая все не уменьшалась.

— Говорю ж, припозднился ты, мил человек. Пришел бы раньше. — Торговец обошел его, осмотрел как кобылу на рынке, — парень ты видный, ладный.

Нокс задумался.

— Догадываюсь, что кумекаешь. Ты это, братец, брось коли жизнь дорога. Поймают — как пить дать распнут. Если б ты в турнире победил, вот тут дело другое.

— И что тогда?

— Аи, аю, аудиенция, во! Старик самолично обещался победителя в свой дворец позвать. А еще три тысячи золотом в придачу. Как бы помоложе, да покрепче был, сам бы надавал всем этим щеголям по мордасам.

Нокс ухмыльнулся.

— Так ты пойло-то брать будешь или как?

На площади собралась толпа. Импровизированная каменная арена возвышалась над землей, доходя до пояса. На углу, сложив ноги под собой, сидел человек лет тридцати с черными, завязанными в длинный хвост волосами и тонкими как линии, начертанные тушью, усами. Проходя мимо, Нокс услышал, как тот с закрытыми глазами бормочет молитву на сунрийском: Владыку прославляли на всех наречиях.

С четырех сторон место будущего боя окружали трибуны. Лучшие места предназначались для господ. Богатые горожане коротали время за светской беседой. Дамы притворно смеялись, пряча напудренные белилами лица за ладонями в бархатных перчатках. Мужчины в дорогих тканях отпускали остроумные шуточки. Народ попроще столпился плотной грудой между башенного вида конструкциями. Места хватило не всем. Мальчишка едва по колено отцу взобрался папаше на шею, радостно кричал и махал руками.

Те, кому не повезло прийти поздно, забирались куда придется. Окрестные деревья были увешаны людьми. Издали те походили на плодовые гроздья.

— Славные господа и не менее достопочтенные дамы! Сегодня мы станем свидетелями...

Герольд распевал дифирамбы, рассказывая, какое дивное зрелище ждет всех присутствующих. Но Нокса интересовало другое. Его внимание привлекло странное ощущение. Воздух вокруг тела слегка искажался и вибрировал.словно танцевал в такт неведомой силе. Он пытался, много раз, но не мог описать точнее, хотя чувство было очень знакомо. Иногда оно приходило как странный аромат или отвратительный смрад. Порой — в форме движений, дрожи в ткани реальности. А иногда как видение, призрачный образ. Теург зажмурился, потер глаза, а затем вновь взглянул на каменную арену.

— Первый претендент прибыл к нам издалека, но уже успел заслужить славу и почет. Сможет ли он закрепить за собой статус сильнейшего? Узрите Крона черногривого!

Толпа возликовала в ожидании грандиозного финала. Сидевший на камне арены человек встал и небрежно поклонился.

— Второй претендент из славного города Эшт. Его сила и мастерство соперничают лишь с его красотой. А вот и он, приветствуйте же мастера Гиλιона, непобедимого повелителя клинка!

На арену изящным движением взобрался парень в белом одеянии. Его блондинистые волосы до плеч развевались на ветру. Теург невольно поморщился когда в носу противно

защекотало. Разносился аромат галатерий вперемешку с приторным запахом гниющих яблок.

Блондин отсалютовал девушкам, стоявшим возле арены. Те густо покраснели и начали шушукаться. Затем повернулся и поклонился присутствовавшим на одной из трибун.

— Сегодня свершится судьба главного приза! Кто же получит право выполнить волю нашего славного владыки и три тысячи золотом? Пусть же решит холодная сталь! Да начнется битва!

Раздались торжественные фанфары, которые были сигналом к бою.

Крон достал два длинных кинжала, встал в низкую стойку. Гилион с нарочито скучающим видом вытащил меч с узким, в два пальца лезвием и опустил клинок. Заостренный кончик коснулся камня.

Крон нахмурился, сделал шаг в сторону, еще один. Его противник зеркально повторил движения, словно двойник, но в другом направлении. Бойцы обошли полукругом, примеряясь друг к другу. Крон начал первым. Восточный воин бросился вперед, одним рывком преодолел половину арены, вмиг оказался перед лицом Гилиона. Чуть склонившись, вложил силу в ноги и пружинящим движением тела словно живой хлыст попытался полоснуть противника по груди.

Гилион отклонился назад и вбок, когда последовала новая атака, на сей раз сверху. Блондин сделал легкий шаг в сторону, изящно, словно кот, и тут же взмахнул рукой. Тонкий клинок описал дугу снизу, едва не пропоров восточного воина от паха до шеи. Крон отскочил, но тут же пошел в новое наступление.

Гилион скривил губы в улыбке, приосанился и принял стойку. Парировал боковой удар ребром клинка, резким движением отбросил руку Крона, сбил темп противника, вновь уклонился. Второй кинжал ожидаемо промахнулся мимо цели. Черноволосый воин оступися, инерция движения гнала вперед и вниз, когда под ребра ему прилетел нос белого сапога.

Крон кашлянул, схватившись за бок, но тут же развернулся в сторону врага. Принял удар сверху, остановил его скрещенными кинжалами. Металл надрывно заскрежетал. Черноволосый зарычал и оттолкнул противника. Двое ринулись друг на друга. Один в остервенении, другой же — в садистском возбуждении.

— Крон, не проиграй! — Кричали одни.

— Давай, златовласка! Мы в тебя верим! — Вторили им другие.

— Гилиоооон! — Визжали девушки наперебой.

Воины обменивались быстрыми ударами. Воздух наполнил звон оружейного железа. Казалось, противники равны. Удар, отскок, и новый удар, парирование и контратака.

Нокс знал, что это не так. Сокращение мышц, дыхание, ритм сердца, точность движений, общий темп боя. Все указывало на близкий исход.

Гилион заблокировал очередную атаку. Крон изловчился и что было сил ударил противника ногой в живот. Гилиона отбросило. Он резко выдохнул и склонился, казалось открылся для новой атаки. Все кругом ахнули в ожидании неминуемого и предрешенного конца. Крон победно взревел и бросился вперед, чтобы завершить начатое. Но за момент до решающего удара случилось что-то невероятное.

Гилион, секунду назад пораженный внезапной атакой, теперь стоял позади черноволосого: прямо, с самодовольной ухмылкой. Сталь окрасилась в алое. Струйка крови сбегала с острия. На спине Крона виднелась косая резаная рана. Воин обернулся, расширив глаза от удивления. На его лице читалось недоумение.

Он издал новый боевой клич и ринулся на врага. Гилион с ухмылкой качнулся в сторону. Затем еще раз и еще. Блондин вихлял: изящно, коротко, точно, так что едва замечал глаз. Кинжалы беспомощно резали воздух. Очередной взмах тонкого меча прервал град отчаянных ударов, оставил глубокую рану на груди, вспорол свободную рубаху, кожу и мышцы.

Восточный воин задохнулся от боли, схватился за грудь. Толпа разразилась овациями. Гилион горделиво обвел людей глазами. И вновь Крон атаковал. Лишь для того, чтобы получить другой удар.

Атаки черноволосого становились все слабее, он ужасно замедлился.

Белобрысый сек и преувеличенно кланялся толпе, сек и снова кланялся, как заправский артист, избегая наносить действительно смертельные раны. Девушки ликовали, парни требовали продолжения битвы не на жизнь, а на смерть. Нокс нахмурился. Бой все больше превращался в избиение, извращенное театральное представление.

Израненный черноволосый упрямо кинулся на врага, пока тот рассыпался в поклонах и жеманных жестах. Кинжал был направлен прямо в спину Гилиону. Белобрысый слегка повернул голову, злобно покосился назад. Сверкнула сталь меча. Раздался приглушенный звук, что-то ударилось о камень арены. Крон заорал и рухнул на колени, зажимая руку. Вернее то, что от нее осталось: клинок отсек запястье, которое теперь лежало на земле, все еще сжимая кинжал.

Измученный боем и ранами Крон тяжело дышал. Несмотря на предстоящий исход, он поднял голову и бросил на врага твердый, полный ненависти взгляд. Гилион неспешно подошел, положил ногу тому на плечо и грубым движением толкнул раненого противника. Восточный воин опрокинулся на спину и охнул от боли.

Белобрысый горделиво ухмыльнулся:

— Что мы сделаем с проигравшим, достопочтенные горожане и вы, высокая публика?

Толпа взревела:

— Смерть ему!

— Так тому и быть. Святое дело исполнить волю славного люда!

Гилион мерзко ухмыльнулся и уже примерился, чтобы нанести финальный удар. Сталь угрожающе зависла в каких то паре десятков сантиметров от шеи Крона.

— А я думал, что тут случится настоящий бой. Вот же не повезло... Притащиться в такую даль, чтоб увидеть драку двух хилых выродков, один из которых рычит как зверь, а другой душится точно дешевая шляха.

Нокс сказал это как бы между делом, но достаточно громко, чтобы слышали все. Для пущего эффекта он со скучающим видом поковырялся мизинцем в ухе и зевнул. Толпа вытаращилась. Гилион остановил клинок и кинул взгляд в сторону теурга. Его улыбка превратилась в приторный оскал.

— Я не удовлетворил вас, уважаемый господин?

— А ты, поди, не баба, чтоб меня удовлетворять. Хотя, по тебе и не скажешь. Вот же время пришло. Не поймешь что там у кого в штанах припрятано.

Гилион соорудил подобие новой улыбки.

— Тогда почему бы нам не познакомиться поближе?

— А ты еще и извращенец, как я посмотрю? Благодарю покорно. Я не любитель лапать не пойми кого.

— Или вы трусили, любезный? Я вызываю вас на бой! Пока один из нас не останется

лежать на этом самом месте, — острое клинка уперлось в твердый камень и приглушенно звякнуло. — Вы ответите за мою поруганную честь, за грязные и недостойные слова, произнесенные при уважаемых господах. Клянусь именем!

Зрители горячо приветствовали слова своего фаворита, раздался оглушительный гам из голосов, свиста, аплодисментов. Под всеобщее ликование Нокс вразвалочку подошел к арене, запрыгнул на камень и размял плечи.

В это время стражники уносили раненого Крона.

— Экий ты индюк. Полегче. Честь твоя давно в бордели осталась. В том самом, где кое-чья достопочтенная матушка солдат вшивых обслуживала.

Гилион скривился в гаденькой ухмылке.

— Живым ты отсюда не уйдешь, — произнес он вполголоса так, чтоб не услышал никто, кроме Нокса.

— Убей его, прикончи ублюдка!

Толпа вошла во вкус, требуя больше крови.

«Будет вам кровь, поганцы».

Гилион пригнулся, отвел руку в сторону и, не теряя ни секунды, скакнул в сторону Нокса. Движение было легким, словно его подгонял ветер и таким быстрым, что едва видел глаз. Белобрысый сделал короткий взмах. Теург без труда уклонился. Не попала и следующая атака.

Лицо Гилиона исказила гримаса ярости. От миловидной насквозь деланной маски не осталось и следа. Он зло оскалился и принялся махать клинком. Нокс отражал каждый удар, даже не вынимая оружия из ножен.

Гилион попытался пронзить теурга, но тот изящно вильнул и отвел меч вбок. Он махнул снизу, но теург небрежно отбил клинок наотмашь. Каждый удар встречался со сталью ножен или беспомощно рассекал воздух.

— От этого не уклонишься!

Белобрысый схватил меч двумя руками и рубанул по диагонали, от плеча. Нокс парировал, обвил оружие противника своей рукой и рывком выхватил меч, словно это был леденец в руках ребенка. Отшвырнул его в сторону, не глядя. Брошенный прочь длинный и узкий клинок жалобно зазвенел, признавая поражение.

— А мне и не нужно, — сказал теург.

Гилион стоял и тупо смотрел в сторону, куда улетело его оружие. В следующий момент мир завертелся перед глазами: Нокс схватил белобрысого за голову и саданул носом о колено. Ударил под дых. Гилион с безумно вытаращенными глазами кашлянул и согнулся пополам, хватая ртом воздух. Он попытался распрямиться, когда по спине прилетело навершием черного меча, который все еще оставался в ножнах.

Повелитель клинка, как его назвал герольд, повалился на живот, отхаркиваясь кровью из разбитого носа. Бой закончился за пару минут.

Нокс толкнул его в бок и перевернул на спину. Оседлал сверху.

— Ну что, ваше благородие. Желаете продолжить? — спросил он.

Гилион что-то пробормотал, отгораживаясь от Нокса дрожащей рукой.

— А впрочем, — угрожающе сказал Нокс, — ты мне еще послужишь.

Кроме белобрысого его слов никто не слышал. Теург улыбнулся, сжал кулак и ударил Гилиона в лицо. Раздался отвратительный хруст. Белобрысый вскрикнул, попытался ударить голой рукой, но Нокс быстро отвел кулак поверженного противника и ответил сильнее

прежнего. Затем еще и еще. Камень вокруг окрасился в красное и потемнел от крови. Удары сыпались один за другим. Кулак с мерзким звуком врезался в плоть. Белобрысый выл и визжал как раненый зверь, то умоляя своего противника о пощаде, то изрыгая последние проклятья.

Толпа, опьяненная жестокостью, ликовала, быстро забыв своего недавнего фаворита.

— Хватит уже, — раздался спокойный, ровный, но от того не менее сильный голос. Он принадлежал мужчине, тон звучал подозрительно знакомым. Шум резко смолк.

Теург остановился и, не удосужившись обтереть окровавленную руку, посмотрел наверх. Он внутренне напрягся, однако не показал вида. С ближайшей трибуны смотрело молодое лицо цвета оливы.

— Похоже, я не ошибся. Владыка внял моим словам. Хотя, должен признаться, не ожидал, что все случится так скоро. Видимо, это наша судьба. — Хотя человек на трибуне скрывал свои чувства, в его голосе отчетливо проскакивали нотки саркастического веселья.

— Промысел Владыки непостижим. Возможно, наша встреча — Его работа, а может это плод людской воли. Вот только пока не уверен, злой или доброй. — парировал Нокс. — Похоже, твой маршрут оказался короче, чем планировалось.

— Как и твое путешествие на юг, — ухмыльнулся Ластер.

Нокс, наконец, все понял. Ощущение дрожи в воздухе усилилось. Всмотревшись, он увидел слабое свечение в эфирной проекции Ластера.

"Теург".

— Наша встреча была случайной? Или тебя кто-то послал? — спросил Нокс напрямую.

Ластер пожал плечами.

— Я бы предпочел говорить не о воле, а о невероятном стечении обстоятельств. Кто мог меня послать? Я служу только одному человеку. Но мой господин — человек занятой и у него нет времени гоняться за случайными людьми. Мы, его слуги, тоже не склонны шнырять где-попало без дела, ради забавы выслеживая незнакомцев и случайных путников.

— Значит, у нас нет причин для вражды и взаимных подозрений. А раз так — не будешь ли любезен проводить меня к своему господину?

— К сожалению, не могу.

— Отчего же? Каждый из присутствующих уверен в обратном. Я победил и имею законное право увидеть того, кому ты служишь.

— Но этого мало, Нокс. Победа бывает разной.

— Я победил и имею право на аудиенцию. — Повторил теург с нажимом. Шума вышло много, как он и предполагал. Теперь оставалось импровизировать, полагаясь на мудрость Владыки. — Пусть герольд и люди вокруг будут тому свидетелями. Или же вы отрекаетесь от правил, которые сами же установили? Чего же стоит слово барона и его верных слуг?

Народ начал шептаться и роптать. Ластер осмотрел толпу, прищурился и сжал губы в одну линию.

— Ни в коей мере. Но кто лезет без спроса и машет мечом без разбора — не может уповать на законы и правила. Я не могу тебя пропустить. А поскольку ты нарушил порядок, то и отпустить тебя не могу. Ластер сделал жест двумя пальцами.

— Взять его!

Нокс обвел глазами толпу. Увидел вооруженных латников, которые спешно окружали арену.

— Ни одной душе не позволено вмешиваться в дела его превосходительства. Тем более

так небрежно.

Ряды стражей начали смыкаться. Нокс нахмурился и крепче сжал клинок, приготовился к атаке.

— А ты все такой же зануда, Ластер.

Из-за трибуны с противоположной стороны вышел богато одетый человек в возрасте и с лысиной. Фрак цвета горчицы и такого же оттенка жилет гармонировали с аристократическими, пусть и изрядно потускневшими от лет чертами лица, скрытыми за седой бородой. Нокс вздрогнул: человека с похожими чертами он видел несколькими днями раньше. Этот, разве что, был старше. Оставшиеся редкие волосы тоже поседели. Сопровождающие его стражи шли чеканным шагом, держа в руках копья. Двое латников по бокам придерживали барона, который едва переставлял ноги. Каждый шаг аристократа был неуверенным. Его болезненный вид дополнялся неестественной бледностью и огромными фиолетовыми мешками под глазами.

— Ваше превосходительство! Барон Лангос!

— Разве я давал указания нападать на участников? — Спросил Лангос тихим голосом, бросив грозный взгляд, — м, Ластер?

— Но...

— Помолчи. Рассказы твои мне не нужны. Я еще при глазах и все видел сам.

— Но он не участник! Это противоречит всем правилам, кроме того...

— Я велел помолчать. — Отрезал барон тоном, который не предполагал возражений. — За своеволие будешь наказан. А ты, победитель, — он указал на Нокса пальцем в перстне с изумрудом, — пойдешь со мной.

Лангос произнес последнюю часть так, словно это не терпело возражений.

— Я тебя не забуду! Ты, проклятый выродок! — Воскликнул Гилион.

Нокс сжал челюсти. Он резко повернулся и коротким ударом саданул белобрысого в бок так, что затрещали ребра.

Гилион сдавленно вскрикнул.

— Тому, кто поставил на кон жизнь и проиграл, стоит молчать и смиренно благодарить победителя за дарованную милость. Прибереги свои угрозы пока я не передумал.

Поверженный мастер меча был и жалобно скулил точно побитый пес. Левый глаз заплыл, губы распухли и покраснелись как лоскуты говяжьей вырезки, физиономия отекала и посинела, покрылась лиловыми кровоподтеками. Нос потерял вздернутую форму. Теперь красавец больше походил на жертву роя веспинов.

Теург повернулся к Лангосу.

— Почту за честь, барон.

В полутьме сырой комнаты на разваленном от старости топчане лежала фигура, закутанная в темно серую ткань. То, что когда-то было изящными одеждами, превратилось в грязные трухлявые лохмотья. Из складок старой ткани высунулась пара перепачканных, обмазанных дорожной пылью ног с длинными желтоватыми ногтями.

Воздух в пустоте завибрировал и принял бестелесные очертания. Это был не физический образ. Скорее ощущение присутствия в полной пустоте пространства. Среди тишины заброшенного дома раздался голос. Он не был ни мужским, ни женским и, казалось, принадлежал нечеловеческой сущности.

— Любовь моя.

Ответа не последовало.

— Ты слышишь?

Фигура слегка покачнулась. Из оборванной ветоши показалось изможденное бледное лицо. Черты молодой девушки можно было назвать милovidными, если бы не огромные мешки под глазами и тусклый, почти безжизненный взгляд.

— Я...слышу. Слышу тебя.

— Ты так бледна. Так слаба. Тебе опять нездоровится.

— О, все в порядке, не беспокойся. Твое последнее подношение исполнило меня сил. Рождение дается мне нелегко. Но скоро все будет хорошо. Очень скоро мы станем свободны. Как прежде.

— Мы вновь будем свободны, — повторил некто с другой стороны, в голосе послышалась задумчивость, — но прежде нам придется столкнуться с большой опасностью. В город прибыл потусторонний.

— Потусторонний, — она мучительно вздохнула. — Он силен? Этот человек достоин?

— Я не знаю. Пока не могу сказать. Его сущность туманна, как и его намерения.

— Быть может, эта потусторонняя сила станет тем, что предложит мне новый шанс на искупление. Ах, как жаль, что у меня не осталось ни капли крови...

Она прикрыла веки и еще раз мучительно вздохнула.

— А что насчет тебя? Сможешь ли ты дать мне надежду?

— Я буду стараться изо всех сил, — ответил голос.

— Другого я от тебя и не ожидала. Иди же. Я должна отдохнуть.

— Как пожелаешь.

Бестелесное присутствие растворилось, и девушка осталась лежать без движения.

— Благодарю, нет. — Нокс ответил в который раз, даже не глядя на юную горничную. Девушка настойчиво пыталась проводить его в трапезную.

— Но, господин! Мне велено устроить вас как следует, так его превосходительство сказал!

— Разве у вас нет других обязанностей?

Девушка заметно смутилась непокорностью гостя, простой вопрос заставил ее на мгновение озадачиться.

— Дел много, господин, по-другому и не бывает. Но ведь его превосходительство приказал...

— Тогда не буду вас задерживать. Я сообщу ему о вашем рвении. Уверен, он не будет сердиться. А теперь, пока его превосходительство приходит в себя, я хотел бы провести это время в покое. — Ответил Нокс.

Горничная с досадой поклонилась и засеменила прочь.

Нокс поерзал в мягком кресле и посмотрел вперед. В зале кипела жизнь. Перед глазами мелькали черные бархатные камзолы слуг, платья горничных. Обслуга бросала любопытные взгляды, а оказавшись подаль от него, мужчины и женщины, которые несли на своих плечах весь дворцовый быт, нетерпеливо перешептывались. О чем они говорили — оставалось только предполагать. Не будь он тут инкогнито — догадался бы сразу.

Обычно все контакты с людьми были до тошноты похожи один на другой. Мало кто смотрел на теургов как на людей, еще меньше было тех, кто считал их за равных. В большинстве своем народ относился к заклинателям в лучшем случае со смесью брезгливости, суеверной неприязни и страха. Впрочем, высказывать свое истинное отношение к колдунам не решался почти никто. Теурги выполняли свою работу, не лезли в дела простого народа, предпочитая свои изолированные сообщества, а люди не мешали и делали вид, что тех не существует. Этот негласный пакт действовал везде, создавая хоть какую-то видимость упорядоченной жизни среди зловещего, расползающегося хаоса мира. Он же помогал избегать лишней напряженности.

Однако никто не знал об истинной сущности гостя. А раз так, досужая болтовня его не интересовала.

Порой мимо проходили надушенные аристократы в богатых одеждах. Эти вели себя по-другому. Завидев Нокса, они бледнели, напрягались всем телом и ускоряли шаг, избегая встретиться с ним глазами.

Теург вздохнул с легким раздражением отер лоб. Ожидание затягивалось. Отвлечшись от нарастающего ощущения усталости, он прислушался. Послышались шаги. Из дальней части залы спешно выбежала еще одна горничная. Она подошла и вежливо поклонилась.

— Господин, вас зовет его превосходительство.

Нокс спешно встал.

— Тогда идем.

Теург стоял на пороге кабинета барона. Если он и удивился то не показал вида. А он определенно был удивлен. Перед ним сидел не крепкий на вид аристократ, не мятежник, которому не терпелось вести в бой солдат, не владыка, готовый бросить весь юг к ногам

Темного, лишь бы утолить свои властные амбиции. Нет. Перед ним сидел жалкий дряхлый старик. Бледный, изможденный и порядком потрепанный. Теург перевел взгляд в сторону от большого кожаного кресла из тяжелого дерева. Возле подлокотника стояла узкая деревянная стойка длиной не меньше пары метров. К середине стойка расширялась, образуя стеклянную колбу с изящной латунной ручкой сбоку. Судя по всему, она предназначалась для выпуска жидкости.

От прозрачной колбы к руке с обвисшей дряблой кожей спускалась трубка из гибкого материала, скорее всего кишки какого-то животного. Искусственная жила заканчивалась грубоватого вида иглой с двумя ушками по бокам.

— Ну и как тебе мои покои? Доволен?

— Ты очень гостеприимен, барон.

Барон довольно хмыкнул в густые седые усы.

— Будет тебе там стоять. Присядь, только близко не подходи, коли жизнь дорога. — Лангос указал на стул, который стоял возле его стола. Теург подошел и осторожно опустился на сиденье.

— Не подумай, что угрожаю, дело вот в этом, — он указал на стойку. — Лекари до сих пор спорят о природе той дряни, что во мне сидит. Пару часов назад я был не в лучшей форме. Позвал, как только сумел и счел, что это будет безопасно для нас обоих. Эх, силы у меня уже не те. Ну, это ты и сам видишь. Ладно, будет ныть и жаловаться. Надеюсь, тебе не пришлось скучать?

— Скука — болезнь праздного ума. К тому же мне не давали заскучать ваши любезные слуги.

Барон безразлично кивнул и задумчиво посмотрел в никуда. Обратив взгляд на Нокса, он снова заговорил серьезным, холодным тоном.

— Наделал же ты шума. Могу я спросить, кто ты такой, господин хороший? — Спросил барон.

— Нокс.

— Просто Нокс и всё?

— Как я уже сказал вашему слуге, у меня нет ни титулов, ни званий. Прозвищ тоже.

Барон посмотрел с подозрением. Набрякшие веки прикрывали глаза, придавали лицу усталый, сонный вид.

— Что ж, хорошо, просто Нокс. За убедительную победу, — свободной рукой Лангос поднял бокал и без всякого аристократизма опрокинул половину содержимого, оставив немного алой как розовые лепестки жидкости на потом. — Впервые вижу, чтобы кто-то с такой легкостью разоружил противника. А видел я немало. Как ты сумел?

— Практика.

— И много?

— Больше чем хотелось бы.

Лангос посмотрел на часы и постучал пальцем по столу. Пока барон думал, Нокс обвел глазами покои его превосходительства. Обстановка была на удивление скромной. Большие напольные часы, пара шкафов из простого темного дерева, ковры не бог весть какой ценности, кровать, узкий стол и камин. Над очагом висел золотой герб. В центре изображался кабан с изогнутыми клыками, доходившими до самой спины величественного зверя. С обеих сторон изысканными вензелями были начертаны буквы: Л и П. Богатого вида герб был обрамлен двенадцатью меньшими стилизованными пиктограммами: малыми

гербами. Один из них изображал змею с тремя головами, которая оцетинилась шестью клыками. Он, без сомнения, принадлежал наиболее воинственной малой группе, семье Хорстам.

Нокс перевел взгляд.

Самой примечательной вещью в покоях были картины. Один из портретов изображал самого барона в расцвете сил. Другой — женщину в дорогих одеждах. С третьего на Нокса смотрела миловидная девушка с копной рыжих вьющихся волос в пышном платье. Судя по легкому запаху масляной краски, его написали не так давно.

— Спрошу еще раз. Кто ты такой? — Барон снова подал голос. — И на сей раз хорошенько подумай над ответом. Я жду правду.

— Я уже сказал вам, господин. — Нокс сидел, расслабленно положив руки на стол.

— Ну да, ну да.

Раздался скрип дерева, скользящего по полу. Со скоростью, которую никак не ожидали бы от человека в возрасте, барон схватил Нокса за руку, другой рукой вытащил нож, направил сверкающее острие в лицо теурга. Жила капельницы натянулась, продолжая торчать из сухой руки.

— Просто случайный путник, который случайно забрел в мой город и случайно учинил мордобой. За дурака меня держишь? Носит темные тряпки, вмиг разбил харю Гилюону. Да он тут такого шума навел, моих красавцев положил, как посрать сходил! Того, что с раскосыми глазами, словно тушу свиную порубил! И тут появился ты! Голыми руками навешал ему как сопливому пацану, пары мгновений не прошло!

— Польщен, что ваше превосходительство обратили внимание на мои вкусы в одежде. Подобный вид — всего лишь дань удобству. А что касается боя — это умение, выработанное горьким опытом, ничего больше.

— Ах да. А что тогда на это скажешь?

Барон кивнул на край стола. Там лежало подобие рубина размером с кулак младенца. Внутри драгоценности переливалась молочного цвета дымка. Сам камень таинственно светился в полутьме покоев Лангоса.

Теург на мгновение замер в исступлении: трава-рesmения должна была скрыть его присутствие. Он провозился слишком долго. Кроме того, откуда у Лангоса было что-то подобное? Камни-детекторы, да еще такого размера были огромной редкостью.

— Красный хризолит тебе не верит, колдун.

Нокс посмотрел на нож перед лицом, затем покосился куда-то вниз и в сторону. Он планировал неспешно, шаг за шагом подвести барона к сути ситуации, прежде узнав, что с ним такое. Будь Лангос под чарами, раскрывать себя с ходу — чистейшая глупость. Похоже, теперь планы менялись. Одно было хорошо — хризолит вскрывал все чары. Но камень реагировал только на его присутствие — что ж, сомнением меньше. Несмотря на опасность ситуации, Нокс ощутил некоторое облегчение.

— Святой металл. Даже не думай. Я знаю, что ваш брат его очень не любит. Не успеешь. — Сказал барон.

Скрипнула дверь. В покои вбежал молодой человек в черном камзоле. Он с беспокойным видом подскочил к барону.

— Ваше превосходительство, так нельзя! Вы не должны так напрягаться! Это слишком опасно! Я позову лекарей!

Он по-сыновнему, как любящий отпрыск положил руку на плечо Лангоса, попытался

усадить его обратно в кресло.

— Жив я, жив! Пока что. Хватит тебе кудахтать как наседка! Оставь лекарей в покое! Не видишь? Меня уже снадобьем балуют. Ох уж мне эта штука. — Барон с болезненным выражением посмотрел на капельницу. — Их лекарство убьет меня раньше, чем болезнь. Пусть проклятое пойло делает свое дело, а у нас есть дела поважнее, — барон кивнул на Нокса.

Казалось, Ластер за тревогами о своем господине только заметил, что помимо барона в покоях был кто-то еще. Он медленно посмотрел на теурга.

— Действительно, — Ластер поборол нервное возбуждение. Его лицо приняло прежнее спокойное выражение. — И вновь приветствую, Нокс. Хотя, должен сказать, мне было бы приятнее приветствовать тебя как старого знакомого, а не как шпиона.

Хризолит на столе запыхал ярко алым огнем, засветился изнутри словно лампада. Нокс перевел взгляд на Ластера. Его подозрения оказались верными. На шее мужчины мутным орнаментом сияла метка. Светлый оттенок и слабая аура выдавали совсем молодого носителя. По его прикидкам, теургу было лет 25. Немногим младше его самого.

— Должен сказать, это что-то новое, колдунов они еще не подсылали. — Сказал барон с легким ликованием в голосе, его губы искривились в раздражении и едва заметном коварном оскале. — Вот только они меня явно недооценивают.

Барон сильнее сжал руку Нокса. Кисть начала неметь.

— А теперь будь так добр, просвети меня. И отвечай честно, не то получишь дырку в горле.

— Тебя послали убить барона? — Спросил Ластер ровным и каким-то бесстрастным голосом.

Нокс успокоил бушующий разум и пришел к единственно возможному варианту — говорить правду в той мере, в какой это могло привести Лангоса в чувство.

— Нет. Вовсе нет.

— Но ты не отрицаешь, что был послан. Вопрос лишь в нанимателе. Церковники постарались?

— Нанимателе? — Нокс усмехнулся, — я похож на наемника? Церковники могли бы пойти на такой шаг, вы дали им достаточно поводов. Но я не наемник и у меня свой интерес.

— Отвечай как есть, Темный тебя разбери, довольно словесных игр! Я не в настроении разгадывать дурацкие загадки! — Воскликнул барон.

— А я и не играю. Ответы следуют глубине ваших вопросов, — Нокс ответил на раздраженное сопение барона. — Не отрицаю, что они хотят получить твою голову. Не отрицаю и того, что я тут не от своего имени. Однако меня не посылали. Я явился сам. — Ответил Нокс все так же спокойно.

— Ха! И какого тебя сюда занесло!? Девок потискать иль скажешь бормотуху приперся лакать!?

— Я здесь как переговорщик. Можете считать меня нейтральным представителем.

— Мне не о чем говорить с предателями и погаными святошами! — Отрезал барон.

— Не знаю, какие счета у тебя с теургами и служителями церкви, но я не вхож ни к тем, ни к другим. Я сам по себе.

В глазах барона промелькнуло замешательство.

— Я не работаю ни с кем кроме своего малочисленного ордена. Нам безразлично мнение церкви и у других теургов над нами нет ни капли власти.

— Если и так, что это меняет? Ты как вор проник в мои владения! Ты в курсе замыслов моих врагов! Ты с ними заодно! По-моему я понятно объяснил вырождакам, что обо всем этом думаю! Но если не доходит ни с первого, ни с третьего раза, так уж и быть, повторю снова!

Пребывая в возбуждении, барон сжал рукоять ножа. Лангос выходил из себя, его лицо побагровело.

«Упрямый, горделивый — прямо как другой».

— Ты думаешь, что за твоей головой охотятся церковники. Так и есть. Но это только половина правды. У тебя неверный взгляд на вещи. Устаревший, так сказать. И он будет стоить тебе всего, если не выслушаешь.

— Да что ты. Ну так расскажи мне, о чем я не знаю, колдун!

Нокс кивнул и посмотрел барону в глаза.

— Церковь действует не одна. Так было, когда ты порол сборщиков и потчевал их дерьмом на потеху публике, — спокойно продолжил Нокс. — Сейчас все изменилось. За мной переговорщиков больше не будет. Как не будет и ходоков. Или, точнее, будут, но другого свойства. Пока мы говорим, собирается союз. Теурги, прохибиторум и церковь.

— Чего? Они...они готовятся ударить всеми силами? — Барон изменился в лице. Багровый румянец медленно схлынул, уступив место аристократической бледности. Похоже, он наконец понял, какая буря грядет. — У них хватает наглости...после всего...на Ольнию идет отряд?

— Пока нет. Кара отсрочена. Общими стараниями, моими и еще одного человека, который желает тебе добра. Время еще есть. Однако, если переговоры провалятся, они придут. Стены форта крепкие. Но этого мало. Уверен, при поддержке твоей семьи, сокрушить их будет несложно.

Барон расширил глаза в недоверии:

— Семьи? Но кто мог...?

— Магнус Латвер.

Барон отпустил руку теурга и медленно опустился в кресло.

— Проклятый предатель, — прошептал он прикрыв глаза ладонью. Грубо вытер лицо и обратил его к потолку, едва сдерживая новый приступ гнева и разочарования.

— Он полагает, что ты собираешься напасть на его домен. А еще держит обиду за Элгуса, — объяснил Нокс.

— Мальчишка сам нарвался! Слышал бы ты, что он говорил своим поганым ртом! Впрочем, перед кем я оправдываюсь.

— Если утешит, твой племянник настаивает на мире. Его добрый нрав — одна из причин, почему город еще не сравняли с землей.

— Аргус, да? Глупый мальчишка...Он всегда был хорошим малым.

— Но ты никому не оставляешь выбора. Если и дальше будешь упорствовать в своем решении — сюда придут не жалкие попрошайки в рясах. И не самодовольные сопляки, от которых несет материнским молоком. Скоро здесь будет целое войско. Сюда движется не отряд, а целая армия, барон. Они придадут огню Ольнию, разрушат стены города, перебьют твоих подданных. А затем настанет и твой черед.

Барон посмотрел на Нокса тусклыми глазами. Взгляд был каким-то безжизненным. Лангос не походил на кутилу и повесу, как его описывали местные. Вид у него был измотанным как после долгой бессонницы или изнурительной болезни.

Барон сощурил глаза и мрачно засмеялся.

— Видимо, на этом месте я должен испугаться. А коли и так, то что? Пусть приходят. Может оно и к лучшему.

Барон отвернулся куда-то в сторону. Он выглядел намного старше брата, хотя разница, насколько знал Нокс, небольшая. Перед ним сидел уставший и измученный человек.

— Ты готов обречь на смерть тысячи, барон? Ради чего? Ради своей гордыни? — Спросил Нокс.

— Эх, Нокс, что б ты понимал, — отозвался Ластер, — его превосходительство...

— Когда ж ты научишься молчать, Ластер! — Оборвал его барон. — Послал Владыка помощничка.

— Я лишь хотел указать на очевидное. Это несправедливо, господин. Они клеймят вас, хотя сами нарушили все заветы Владыки. Это их должно наказать.

Барон поднял руку, отмахнулся от Ластера.

— Скажи мне, колдун, — произнес Лангос, указывая ножом в сторону Нокса, — что мешает мне повесить тебя прямо сейчас? М? Или велеть содрать с живого кожу? Отсечь голову? Меня не пугают твои угрозы, мне плевать и на церковников, и на моего чокнутого братца. И я не боюсь ни прохибиторов, ни проклятых колдунов вроде тебя.

— Дай-ка подумаю. — Нокс начал загибать пальцы. — У меня нет дурных намерений. Я твой законный гость, ведь ты сам меня пригласил. А еще я ваш единственный и последний шанс решить дело миром. И судя по всему ты сам это знаешь. Кроме того, если б ты хотел, — сказал Нокс, — уже бы сделал все перечисленное. Однако ж мы сидим и беззаботно болтаем. Разве так себя ведет тот, кто желает войны? Значит у нас больше общего, чем кажется: вражда мне не по душе. Иначе б явился тебе в другом качестве. Но я тут не для того, чтобы сеять смуту и раздор.

Барон промолчал.

— Ты волен действовать как хочешь. Но учти, барон. Это может быть последний шанс. Если придется действовать — я не стану сидеть сложа руки. Клятвы, что я принес — дороже жизни. Не заставляй меня доказывать свою решимость делом.

Лангос посмотрел на стоявший бокал, схватил его и осушил до дна.

— Для проклятого ты до одури честен. Составишь мне компанию?

— Куда же ты?

— На охоту. Давненько не гонял зверей по густым ольнийским лесам.

— В такое время? К чему это, барон?

— А ни к чему. Просто душа свободы требует. Не бойсь. Дурного не сделаю. Так ты идешь, колдун?

Кони едва проходили через буреломы. Даже мицелану приходилось непросто. Он то и дело фыркал, шумно укоряя всадника. Внезапно шедшие впереди Ластер и барон остановились, осмотрелись. Лангос поглядел на своего помощника, мотнул головой. Тот кивнул в ответ.

— Думаю, место самое подходящее, — сказал барон.

— Что-то я не вижу тут зверей, — ответил Нокс.

— Их здесь больше, чем ты думаешь. Могло бы быть. Скотины нынче развелось прилично. И не всегда полезной.

Двое слезли с коней. Нокс спешил по их примеру.

— Я не хочу, чтобы нас слышали. Это место идеально подходит для бесед с глазу на

глаз. Все мои слова — не для чужих ушей. Понял? Только между нами. Клянись, колдун! Не то, с живого шкуру спущу!

Нокс покосился на Ластера. Барон это заметил.

— Вернее Ластера человека я не встречал. Ему я доверяю как себе самому. На него не смотри. А теперь жду ответа.

— Клянусь. Вот тебе мое обещание. Ну теперь по твоим словам мы тут одни. Переходи к делу.

— С чего б начать.

— С самого начала.

Барон почесал шею.

— С начала так с начала. Будь по твоему. Жил на свете владыка Ольнии. Платил святую десятину, принимал гостей со всей Душталакии, да бед не знал. Водился с колдунами, иногда кутил, не без этого. Бабенок за зад щипал, налево ходил, чтоб тоску развеять, мужскую силу не растерять. Владел богатствами, такими, что все соседи с зависти давились. Но было у него главное сокровище. Дочка. Красавица. Такая, что принцы сватались. Звали ее Ариадна.

Барон взял с земли веточку и принялся крутить в руках, обрывая кору.

— Умела она и вышивать, и стряпать. И по дворцовым обычаям себя вести, как подобает бароновой дочке. Но больше всего любила сказки сочинять. Такие, что заслушаешься. А веселья и юношеской прыти в ней на десятерых хватало. Бывало сидишь хмурый после какого дерьма, а она зайдет, смехом заливается. Говорит: «что ты, папа, такой печальный». Я ей отвечаю, «да вот, управитель опять дел натворил». А она «А по другому было б жить неинтересно». Посмотришь на нее, поговоришь, глядишь и хандра проходит. Вот так и жили.

— Что-то я не видел твоей дочки, пока был во дворце.

Лангос вздохнул.

— То-то и оно, колдун. Вот и я не видел.

Барон при этих словах помрачнел. Посмотрел на ветку и сосредоточенно начал скрести ногтем, снимая остатки коры.

— Они мне не верят, колдун. Никто. Охают, ахают, реверансы делают, кланяются, а за спиной шушукуются да пальцем у виска крутят. Открыто-то конечно не говорят — понимают, сволочи, что с ними станет. Долго-то думать да размусоливать не буду. Но я не глупец. Представляю, что там за разговоры ходят. Дескать, наследница уже поверх земли лежит, падальщиков услаждает. А этот дурак старый за призраком гоняется, да деньги тратит казенные почем зря. А я знаю, что она где-то рядом. Чувствую, понимаешь, колдун? Чувствую и все. Не могла она так просто...ну не могла!

Барон с силой швырнул ветку и отвернулся от Нокса, сделал несколько тяжелых шагов вперед. За Лангоса заговорил его верный приближенный.

— Дочка его превосходительства бесследно пропала, — мягко сказал Ластер. — Вот уже три месяца как.

Нокс перевел взгляд на теурга.

— Бесследно не пропадают.

— Ты это кому-нибудь другому расскажи, колдун! — Сказал барон.

— Вы пытались собрать людей на поиски?

— А сам как думаешь!? Что б я за отец был!? Первый месяц мы только этим и

занимались. Всех на уши поставили! Город прочесывали, леса обыскивали, по ближайшим селениям шлялись, притоны обшаривали. Как сквозь землю провалилась. Ни следа, ни намека. Ни волоска ее не нашли. На ногах круглый день, много недель подряд. Эх. — Барон в бессильном отчаянии махнул рукой. — Не в настроении я на одном месте стоять. Поехали дальше

Путники оседлали скакунов и углубились в чащу.

Нокс посмотрел на барона.

— Что было дальше?

— На чем я закончил? Ах да. Так мы следов ее и не нашли. Зато нашли кое-что другое. — Лангос с отвращением поморщился, — стали у нас по округе трупы находить. Юноши, мужики крепкие, даже мальчишки. Идет с утра забулдыга, смотрит — а на дороге мертвец валяется. Находили их и в городе, и в полях, и в лесах. Причем все на одинаковый манер. Мы...

— Ваше превосходительство! — Ластер, который ехал впереди, прервал барона, — дальше нельзя.

— Это почему?

Теург кивнул на кусты. Барон приблизился и осторожно, с какой-то брезгливостью коснулся зелени. Будто бы знал, что обнаружит. Лангос вытянул шею, взглянул по ту сторону и с отвращением сплюнул.

— Вспомни отродье темного...

Нокс подобрался поближе, спешился и раздвинул кусты. В зарослях валялось наполовину разложившееся тело. Судя по камзолу — мужчина. В груди зияла глубокая грубая рана. Рядом валялся длинный меч, покрытый землей и засохшей кровью ближе к рукояти. Судя по всему она принадлежала самому хозяину. Вокруг разносился приторный запах разложения и легкий аромат роз, что никак не вязалось с находкой. Нокс вопросительно посмотрел на барона.

— Вот такие подарки мы находим чуть не каждый день. То там, то тут.

— Есть предположения? — Спросил черноволосый теург Ластера. Тот покачал головой.

— Если бы были, мы бы давно разобрались с тем, кто чинит эти жестокие смерти.

— Может бандиты. А может что похуже, — сказал барон.

— Ты считаешь, пропажа твоей дочки и череда трупов связаны?

— Угу.

— А почему ты не просил помощи у теургов? — Спросил Нокс с заметным упреком, вставая и отряхивая руки. — Пока остаются риски, такие случаи — наша забота.

Барон невесело рассмеялся.

— О чем ты? Как ты думаешь, что я первым же делом сделал? Я и к колдунам ходил, и к епископу лично наведывался, унижался, просил, гордость свою попирал, чуть не в ногах валялся. Говорил, что единственный ребенок пропал. Молил как попрошайка. Я! Барон! Сын гордого дома Латвер! Да вот только им нет дела. Спровадили меня сукины дети. Эти паскуды горазды только языками чесать да жопы свои протирать в мягких креслах. Они все веруют только на словах, пока нужно десяток-другой денариев вытрясти да дураков от неповиновения отговорить. А как до дела доходит толку с них как с дохлой клячи барышей.

— Ты поэтому гнал всех пришедших? Из обиды? — Спросил Нокс. Хотя слова барона были дерзкими, если не сказать больше, о церковниках он думал не многим лучше, поэтому пропустил мимо ушей едкие замечания Лангоса, которые могли стоить жизни любому. От

раскрытой истины стало намного легче.

— Кроме прочего. Но главная причина — мне самому нужны деньги.

— Для чего?

Барон сверкнул глазами и нахмурился.

— Чтобы покарать ту подлую собаку, которая забрала мою Ариадну, — со злобой в голосе ответил Лангос, — и вернуть мне дочку. Все это, — он кивнул в сторону, где лежал труп, — не может быть совпадением. Я думаю, нет, знаю, что она жива. Жива и где-то здесь. И мне нужен человек, способный в смертоубийстве. Были у меня всякие. И наемные убийцы и рыцари приходили, и следопыты. Я всем добро давал. Да вот толку ноль. Только трупов больше становилось. Как кто за дело берется — день-два, неделя и нету бойца. После этого я лишь больше уверился, что похититель не так прост. Тогда...

— Ты решил ужесточить отбор?

— Точно. Но из этого тоже ничего путного не вышло. Первого растерзали так, что хоронить было нечего. Второй сам куда-то пропал. Наверное, прикарманил деньги и сбежал. Неудивительно, историй-то наши местные таких порассказать могут... Я рассчитывал на Гиления, но тут приехал ты и расквасил ему морду. У парня челюсть разбита в двух местах. Он не скоро оправится. Тебе теперь и ответ держать. Скажи мне, колдун... что это?

Земля под ногами задрожала. Раздался утробный рык.

— Берегитесь! — Крикнул Ластер.

Из чащобы одним движением выпрыгнул зверь, размером больше лошади. Он выглядел как волк, но гораздо крупнее.

Тварь замерла и медленно угрожающе встала во весь огромный рост. Задние лапы существа походили скорее на ноги. Оно огляделась, приняхалось. Повернуло косматую голову и шаг за шагом пошло в сторону Нокса. Теург вытащил меч, его глаза неотрывно следили за чудовищем.

Внезапно существо встало на месте. Будто о чем-то задумалось. А затем резко обернулось и прыгнуло в сторону барона. Конь громко заржал и в панике поднялся на дыбы.

— Ах! Владыка!!!

Лангос воскликнул, упал с лошади и закрылся руками в тщетной попытке отгородиться от монстра.

Ластер словно выпущенная стрела метнулся к барону, сделал пас рукой. Земля заколыхалась и замельтешила как водная гладь. Покрылась волнами, которые как руки бережно отнесли барона в сторону от смертельного удара.

— Отойдите, ваше превосходительство!

Существо повернулось в сторону того, кто отобрал у него жертву и зарычало, разинув огромную пасть, оскалив желтые зубы.

Ластер достал меч и сделал новый пас рукой. Из земли выросла колонна. Столб ударил монстра в живот. Тварь заскулила и отпрыгнула. Ластер указал двумя пальцами вниз. Земля разверзлась. Монстр неуклюже, клацая зубами, рухнул в расселину.

Теург облегченно выдохнул и развернулся, чтобы уйти прочь, когда его настиг рык. Он повернулся, но слишком поздно. Блеснули когти. Ластер инстинктивно ответил, пропоров монстра от шеи до бедра. Однако точный удар не помог. Камзол окрасился в алое. От смертоносного касания массивной лапы Ластер повалился на спину и выронил клинок. Ударился головой.

Монстр истекал кровью. Он вновь встал на задние лапы и как человек двинулся в

сторону поверженного противника, намереваясь закончить начатое. Один шаг, другой.

Ластер отчаянно пытался нащупать клинок. Но все тщетно. Он перебирал руками как слепой, не в силах найти потерянное.

До помощника барона оставалась пара шагов. Ластер суетливо пытался вызвать к жизни новые чары. Руки предательски не слушались. Внезапно монстра охватило пламя. Мерзко запахло паленой шерстью. Тварь взвизгнула и бросилась на землю. Она билась в агонии, старалась сбросить пламя. Старалась, но не могла. Движения монстра становились все слабее. Наконец, существо затихло.

Нокс присел возле обгоревшего трупа, убедился, что существо подошло. Когда сомнений не осталось, он подошел к Ластеру и протянул руку. Тот бросил на него странный взгляд, вздрогнул всем телом и попытался отползти. На минуту Ноксу показалось, что помощник барона испугался. Тот посмотрел на протянутую руку еще раз и поднялся самостоятельно. Неуклюже, но без посторонней помощи. Отряхнул пыль, ощупал грудь. Рана оказалась пустяковой. Поверженный слегка шатался, но стоял на ногах.

Из-за куста вылез барон.

— Ох! Колдун! Нет, Нокс! Спасибо.

— Я, фух, вообще-то среагировал быстрее господин, фух! — Сказал Ластер, все еще пытаясь прийти в себя.

— Ха-ха. Не будь таким ревнивцем!

Барон подошел, хлопнул Нокса по спине. Затем приблизился к зверю и несколько раз толкнул того сапогом.

— Никогда таких здоровых не встречал! Держу пари, эта тварь нас бы растерзала. Вижу, настоящий ты мастер! Не зря тебя не порешил! Ну, говори! Поможешь мне дочку найти?

Теург подумал, почесал поросший черным волосом подбородок. Он не мог дать гарантий, только попытаться. Если это единственный способ избежать кровопролития — так тому и быть.

— Да. Но ничего не обещаю. Может так статься, что дочка твоя дух свой в руки Владыке отдала.

Барон помрачнел, а затем ответил вполголоса:

— Это исключено. Я знаю точно. Этого не может быть.

— Думаю, нам пора обратно, господин. — Ластер поклонился и подошел к своему коню. Троица направилась к выходу из леса.

Старый люминофор тускло светился возле стола. На первом этаже гулко зазвенели старые напольные часы. Нокс закончил писать донесение, когда пробила полночь. Он прицепил бумагу к ноге виспа, открыл окно и выпустил птицеподобное светящееся существо на волю, после чего сел за стол и принялся за дальнейшие размышления.

Прошло три дня с тех пор, как он вызвался помочь барону отыскать дочь. Ластер не врал. Даже самые скрытные еретики, адепты культов, преступники, которые намеренно таят свое присутствие, оставляли следы. Но здесь случай был другой. Ариадна пропала без следа. Словно ее никогда не существовало. Слуги в ответ на вопросы загадочно молчали или говорили то, что никак не помогало в поисках. Местные жители спешили скорее уйти. А придворные при попытках заговорить шарахались от него как от зачумленного. Нокс откинулся на спинку стула, вспоминая разговор с Ластером, которому барон велел ввести его в курс дела.

— Почему барон так уверен, что Ариадна жива? — Спросил Нокс.

— Его превосходительство...видит сны.

— Сны?

— Да. Сны. Ну или видения. Называй как хочешь. Каждую ночь ему является бестелесный образ Ариадны. Она заламывает руки и молит ее найти. Дальше его превосходительство ничего не помнит. За исключение одного: образ пугающе реальный. Настолько, что господин тотчас просыпается и не может уснуть.

Нокс задумался.

— А не бывало ли так, что наутро в покоях находились чьи-нибудь следы? Человеческие, звериные?

— Хм, пожалуй, что нет. Следов мы не видели.

— Могут ли сны пролить свет, — задумчиво пробормотал Нокс.

— Вполне может быть. Господин рожден одаренным, как и его дочь.

Нокс недоверчиво взглянул на Ластера.

— Немыслимо. Он не посвящен? Но почему?

— Это сложно. Как бы лучше сказать. Если опустить подробности, отец господина был категорически против того, чтоб его единственного сына калечили. Он видел того наследником, а не чудовищем, которое существует ради того, чтоб однажды умереть где-то на обочине от когтей другого чудовища. Или и того хуже.

Нокс ухмыльнулся, но как-то невесело. Ему это было знакомо.

— Надо полагать, Ариадна тоже не прошла посвящение?

— Конечно нет, — ответил Ластер, — но главное не в этом. Его превосходительство считает, что они связаны. Якобы дочка пытается поговорить с ним, желает, чтоб ее спасли. На этом строится вера барона. Он так думает.

Ластер задумчиво посмотрел на свою руку, лежащую на столе.

— А что думаешь ты? — Спросил Нокс.

— Лично я убежден, что Ариадна давно и наверняка покинула этот мир. — Сказал он твердо, взглянув собеседнику в глаза.

Ответ Ластера был неожиданным, слова колдуна застали Нокса врасплох. Между тем, слуга барона продолжил.

— Того же мнения и госпожа Мирия, жена его превосходительства. Она с первых дней оплакивает дочку, как если бы ее участь была делом совершенным. Эх, — Ластер вздохнул, — уверен, не уедь она после этого скорбного события, сейчас была б не лучше господина. Дальние путешествия целительны для истерзанного духа. Я говорил ему, но он не желал слушать. И вот чем это закончилось.

— А что думают другие?

— Все аристократы считают так же.

— Не удивительно, что барон не верит собственному двору.

— В самую точку.

Они с полминуты помолчали.

— Скажи. А Лангос знает, что в тебе веры не больше, чем в его слугах?

Вопрос совсем не смутил Ластера.

— Я много раз говорил, что думаю на сей счет.

— Почему же тебе он верит, а от иных аж в лес уехал, чтобы посекретничать?

Ластер усмехнулся.

— Как ты уже понял, переубедить его мне не удалось. И знаешь, что я сделал? Перестал пытаться, в отличие от остальных. В этом причина. Потому я до сих пор подле него. Есть и другая причина. Его превосходительство считает, что Ариадну похитил кто-то из самого двора. С тех пор он никому не доверяет кроме пары старых слуг.

— Меня смущает другое. Как объяснить трупы, которые тут и там появляются? Все началось сразу после пропажи Ариадны, так? Сомневаюсь, что это совпадение.

— В Ольнии всегда хватало бандитов. Кроме того, ты наслышан о вознаграждении? Его превосходительство не сказал главного. Все мертвецы — наемники. Не благородные герои, там благородством и не пахнет — жадные до денег авантюристы. А желающих получить свой кусок пирога всегда хватало. Даже если его придется вырвать изо рта другого вместе с кишками. Неужели ты действительно веришь, что внутри барьера может орудовать что-то достойное внимания человека твоей профессии?

Нокс на это ничего не ответил.

— Давай начистоту. Ты ведь пришел сюда, чтобы убедить его превосходительство не бросать церкви вызов?

— Это была первоначальная цель.

— Она изменилась?

— Ничуть.

— Что ж, славно. А что, если я скажу, что могу помочь? Правда, в обмен на небольшую услугу.

— И что же ты хочешь получить взамен? — Спросил Нокс. По правде, он и сам догадывался, каков будет ответ.

— Нам нужны доказательства безвременной кончины дочери его превосходительства. Не важно какие и откуда они возьмутся. Главное, чтоб достаточно убедительные. Думаю, у тебя хватит и фантазии, и мастерства.

— А почему ты сам этого не сделаешь?

Ластер неуверенно потер пальцы, посмотрел на свои руки в попытках найти правильные слова.

— Много ли веры будет слуге, который в самый неудобный момент в один голос с другими будет утверждать то, чего барон не хочет слышать? Дак еще и с не пойми откуда

взятыми доказательствами. Нет, Нокс. Это неубедительно. Да и не бог весть как опытен я в таких делах. Ты же человек сторонний. И похоже понимаешь больше меня.

Лицо Нокса помрачнело.

— Иными словами, ты предлагаешь мне сфабриковать доказательства за тебя, чтобы избежать неудобного поворота дел? Вот уж не ожидал от человека, который, как считает барон, верен ему до гроба.

— И моя верность никуда не делась. Именно поэтому я прошу тебя. Я вижу, как из него утекает жизнь. Уверен, ты тоже, — Ластер посмотрел в глаза Ноксу, — не хочу, чтобы он гонялся за химерами, ставил под угрозу свою жизнь и жизнь госпожи. Довольно. Также я знаю, что его превосходительство — человек упертый. Он ни за что не станет платить десятину, если не получит доказательств тому, что причин враждовать с церковниками больше нет. А если этого не произойдет, что случится дальше ты и сам сказал.

Нокс хмыкнул, задумавшись.

— Если тебе мало чувства выполненного долга, я готов предложить что-то более существенное. Не так много, как барон. Но на безбедное существование хватит.

Теург не отрываясь смотрел в глаза Ноксу. Тот сжал губы в подобие легкой улыбки.

— Твое предложение щедрое. Даже слишком. Вот только я не наемник, Ластер. Всего лишь слуга Владыки. И я верю, если его пути привели меня сюда, на то была причина. Я разужнаю обо всем самостоятельно. Если ты прав — доказательства будут и так. Если нет — у барона тем более не будет причин держать на нас обиду. Кроме того, мне не впервой искать исчезнувших и у меня уже созрел план. Наша дилемма разрешается в ближайшие дни. Так или иначе. Можешь быть уверен.

Ластер расширил глаза и сжал губы, но тут же его лицо приняло прежнее выражение. Теург вздохнул и покачал головой. Было видно, что он разочарован.

— Ясно. Делай, что должен, Нокс. Если от этого барону будет спокойнее — я не задумываясь тебя поддержу. Ластер встал из-за стола и пошел прочь из корчмы, расплатившись с управляющим. Перед уходом теург развернулся и серьезно посмотрел на Нокса.

— Только, полагаю, времени у нас не так много. Если ты тут удержишься, готов поспорить, церковники не станут сидеть сложа руки.

Нокс снова и снова прокручивал эту беседу в голове. Возможность предотвратить войну была донельзя простой. Но чутье подсказывало, что стоит рискнуть. Тем более, что оставалось совсем чуть-чуть. Он ждал каждую ночь.

Теург устало зевнул. Глаза закрывались сами собой. Он встал из-за стола и пошел к кровати. Перины баронова дворца были на его вкус слишком мягкими. Как в прежние времена, теург устроился на полу, подложив под голову сумку из просмоленной кожи. Он впал в целебную медитацию и стал ждать. Однако транс неожиданно сменился глубоким сном.

Море травы качалось в такт движению волн бегущей реки. На пологом, поросшем зеленым ковром берегу стоял юноша. За маревом сонного образа Нокс не мог разобрать его лица. Несмотря на яркое солнце и зной, он был одет в плотную рубаху темного цвета. Единственная открытая часть тела, бледные руки, покрылась багровыми язвами. Кое-где перебинтованная воспаленная плоть сочилась кровью и сукровицей.

Юноша задумчиво смотрел на волнующуюся водную гладь. Ветер играл травами,

подгоняя голубой простор. Сквозь шелест трав послышалось ритмичное шуршание.

Он развернулся и посмотрел назад. Из чащи выпорхнула девушка. Легко, почти как невесомая. Пышное платье и длинные волосы развевались, предавая той вид лесной нимфы. Лицо ее было скрыто за пологом сна. Она приблизилась к юноше и попыталась его обнять. Однако тот сделал шаг назад и отстранился от нее перебинтованной рукой.

— Не надо, это слишком опасно, — сказал юноша. Голос у него был приглушенный и какой-то печальный.

— Но почему? Разве ты здесь не для того, чтобы..., — ответила девушка разочарованно.

— Я здесь для того, чтобы проститься с тобой.

Девушка остановилась в оторопи.

— О чем ты говоришь? — Казалось, она не верит ушам. В ее голосе слышались гнев и горечь. — Что значит проститься?

— Я уезжаю в Астераум. — отрезал юноша все тем же ровным тоном. — Давно пора это сделать. Не могу цепляться за глупые надежды. Никогда не должен был.

— Ты не можешь! Как же твоя семья?! Госпожа, сестры?! А господин Лирион? Вот увидишь, он разгневется! А, а я? А как же я?

— Отец все поймет. — Сказал юноша. — В конце концов, мой почтенный родитель потратил столько времени и потерял так много. Он пытается свершить невозможное. Правда, старается. Изо всех сил. Но он уже скорбит обо мне будто я умер. Как и все они. Я вижу. Они понимают, что надежды нет. Не хочу оттягивать неизбежное и причинять им больше боли, чем уже принес. Не хочу больше быть обузой семье. Понимаешь? И тебе тоже.

Она стояла, не найдя что сказать. Между двумя молодыми душами повисла тишина, но безмолвие девушки говорило больше всяких слов. Нокс ощущал привкус горечи, почти слышал рой мыслей в ее голове, переживал бурю чувств, бушевавших в груди юной особы, которая никак не хотела принять действительности.

— Надеюсь, лекари смогут обо мне как следует позаботиться. Не хочу провести последние дни в неподобающем виде, — сказал, наконец, юноша.

— Ты никуда не поедешь! — воскликнула девушка, — я, мы, ты поклялся! Мы найдем того, кто в силах помочь! Мы будем жить долго и счастливо. И...

— И мы оба знаем, что это неправда. — Он невесело усмехнулся, — та проклятая тварь хорошо постаралась.

Юноша поднял изувеченные кисти, показывая струпья и кровавые язвы. Его руки выглядели так, словно кто-то окатил их кислотой. Нокс нахмурился и покачал головой. Келмур. Ящерица-переросток, наподобие мифических виверн, о которых написано в детских книжках. Только намного уродливее и без тени разума. Из всех живых существ на свете, он обладал, пожалуй, самым сильным ядом. Человек, пораженный отравой келмура, распадался на части словно кусок прогнившего мяса на жаре. Это было неизбежно. От большой дозы яда воины и случайные путники растворялись на месте. Смерть страшная, но быстрая. Участь тех, кто получил дозу меньше была куда более ужасной.

— Прости меня, я правда не желал нам такой судьбы. Хотел бы, чтобы все получилось по-другому.

Девушка прислонилась к дереву и медленно осела, закрыв лицо руками.

Образы расплылись серой дымкой. Гладь реки и бескрайний зеленый простор исчезли, сменяясь тускло освещенной комнатой. Огромная зала была заставлена кроватями. В два ряда стояли койки, на которых лежали изувеченные, больные и калеки. Между кроватями

ходила дородная женщина в белом одеянии и накрахмаленной шапочке. Лекарша поправляла подушки, помогала увечным перевернуться. Другим же щупала лоб, видимо проверяя, нет ли лихорадки. Наконец, она закончила с больными и вышла из залы.

На одной из коек лежал юноша. Нокс присмотрелся внимательнее. Его руки обратились одной большой кровоточащей язвой, словно с них сняли кожу. Простыня, некогда белая, была заляпана свернувшейся кровью и гноем. В помещении стоял тяжелый запах немых тел, нечистот и гниющих ран.

Судя по тусклому свету и тьме города, сейчас была ночь. За окном послышался шорох. Юноша застонал и тревожно оглянулся. Он еще не спал. Из-за рамы показалась изящная рука, затем еще одна. Пока, наконец, в залу не забралась девушка. Она осмотрелась по сторонам и рысью подскочила к кровати больного.

— Ты! Чт... что ты тут делаешь?! Как ты вообще сюда пробралась?! — спросил удивленный юноша, приподнявшись с постели. Он попытался сесть, но застонал и тут же улегся обратно.

— Исправляю свои ошибки!

— Но ты не виновата, я говорил тебе сотню раз! Я сам решил броситься на ту тварь. Я бы с радостью отдал...

— Тсс! Молчи! — Выразительно прошептала девушка. Порывшись в кармане просторного плаща, она достала небольшую зеленоватую бутылочку с изящным орнаментом. — На, пей!

— Что это?

— Все расспросы потом. Это лекарство. Оно поможет.

— Откуда ты...

— Я же сказала, без вопросов! Или ты мне не веришь?

— Чувь какая! Конечно верю! — Ответил юноша.

— Ну тогда пей! Да поживее, пока старуха не вернулась!

Он откупорил бутылочку и неуверенно подержал ее в руках. Посмотрел, понюхал. Затем залпом опрокинул содержимое. Едва последняя капля оказалась во рту, юноша охнул, схватившись за грудь. Бутылочка выпала из рук, издала приглушенный звон. Его тело выгнулось дугой. Пыхтя и стоная, он схватился за край кровати и сжал деревянный бортик с такой силой, что затрещало дерево. Был слышен скрежет зубов.

Не прошло и десяти секунд, как мучительный спазм отпустил его тело. Парень кашлянул, откинул одеяло, медленно сел, спустив ноги на деревянный пол. Наконец, посмотрел на свои руки. Раны затянулись, как будто их и не было. На месте безобразного увечья белела чистая кожа.

— Но...как? — Спросил он в оторопи.

— Всего-то немного веры. — Хихикнула девушка.

Сквозь сон теург услышал скрип половицы, ощутил запах гниющей плоти и нечистот. В комнате баронова дворца он был не один...

— Довольно спать, проснись, дурья твою башка! — воскликнул навязчивый голос.

Он был громким. Очень громким. Нокс открыл глаза в последний момент. Он метнул взгляд в сторону, увидел, как промелькнуло что-то темное. Резко одернул руку. Ржавый, покрытый черной слизью меч с хрустом вонзился в пол, едва не пригвоздив теурга. От силы удара подпрыгнула щепка, поднялся поток вековой пыли.

Нокс инстинктивно выбросил ногу вперед лягнул незнакомца в темном плаще по колену. Тот оступися и чуть не рухнул. Ему потребовалось с секунду, чтобы восстановить равновесие. Этого мгновения хватило. Теург, окончательно поборов сонную вялость, перекатился вбок, вскочил на ноги. Сквозь тошнотворную вонь мертвечиной он ощутил другой, горьковатый запах, который исходил от незнакомца или, скорее, от его клинка.

"Яд".

Его противник уже оправился от замешательства и поднял ржавое лезвие, намереваясь броситься вперед. Нокс кинул быстрый взгляд, осмотрел окружение. Схватил стул и что было сил швырнул в молчаливого убийцу, который с клинком наперевес уже летел в его сторону.

Импровизированный снаряд попал в цель. Дерево грохнуло, ударившись о тело нападавшего. Прыснуло щепками и кусками обивки. Убийца оступися и отпрянул назад, пораженный атакой. Теург мог поклясться, что слышал, как из-за темного капюшона раздался раздраженный рык.

Ждать он больше не стал. Нокс выхватил меч и прыгнул на врага. Сделал выпад, который тот на удивление быстро отклонил ударом наотмашь, а затем контратаковал по дуге снизу. Теург уклонился изящным движением. Вес меча и сила удара увлекли убийцу в сторону. Нокс примерился, взмахнул клинком и рубанул врага. Неизвестный попытался отклониться, но теург быстро перенаправил свой клинок. С легким свистом лезвие распороло неизвестного вдоль туловища.

Раздался многоголосый крик. На пол, заливая старый дубовый паркет, брызнула черная кровь. Вновь запахло мертвечиной. Убийца схватился за грудь, а затем рванул вперед, толкнув Нокса так, что тот едва устоял на ногах. Словно таран незнакомец высадил окно и выпрыгнул из комнаты, напрямик с третьего этажа. Теург подбежал к окну, но было поздно. Неизвестный сбежал.

Решив осмотреться, Нокс направил эссенцию в ноги и спрыгнул вниз. Приземлился изящно, мягко, как кот. По земле докуда хватало глаза, тянулась прерывистая полоса черного вещества. Теург присел, погрузил пальцы в неизвестную субстанцию и хмыкнул.

«Ихор и человеческая кровь».

Нокс встал, распрямился и пошел по следу. Дорога быстро вывела его к магистрали. Каменистую дорогу обрамляли невысокие стены из бежевого кирпича, которые ограничивали движение в обе стороны. Нокс вышел на пустую улицу. Пройдя несколько сот метров, он увидел что-то блестящее. Ускорил шаг. Образ принимал все более понятные очертания. Наконец, все стало ясно. При свете луны блестела золотая бляха с изящной резьбой. На щитке красовался сложный узор, увенчанный стилизованным изображением змеи о трех головах. Несмотря на изрядный слой дорожной грязи и черной вязкой дряни, металлическая вещица сохраняла завораживающий блеск.

«Малый герб семьи Хорстам».

Теург покрутил бляху в руках и убрал в карман. Подняв глаза, он увидел, что коллекторная решетка, которая позволяла дождевой воде стекать в центральную канализацию, была вырвана из стены. Он подошел ближе и ощупал металлические прутья. Все руки теурга покрыла темная субстанция с резким запахом нечистот и крови.

Нокс нахмурился и шагнул в мрачное подземелье.

Шаги гулко отдавались от сырых, покрытых зловонным илом стен. Теург оставался начеку. Раненый или нет, его противник был опасен. Нокс двигался вперед с клинком наготове. Шел медленно, плавно, стараясь не издавать ни звука.

Следы незнакомца внезапно оборвались, они пропали в вонючей жиже, которая покрывала пол на добрых 20 сантиметров, захватывая голенища сапог. Теперь Нокс ориентировался на легкий запах крови, который витал в затхлом воздухе.

Шаг, еще шаг.

Безмолвную гулку тишину разорвал плеск воды. Он среагировал, но слишком поздно. Удар пришелся в бок. Теург сжал зубы, сгруппировался, чтобы уменьшить вред. Однако это помогло не так сильно, как он рассчитывал. Спина встретилась с кирпичной кладкой. Удар выбил из легких весь воздух. Нокс ухнул и кое-как устоял на ногах.

Теург поднял глаза и увидел, как на него летит человек в капюшоне. Сделал спешный шаг в сторону и вперед. Убийца промахнулся, меч с грохотом пронзил кирпич, как будто тот сделан из бумаги. Незнакомец попытался достать клинок, но он застрял.

Нокс оказался за спиной нападавшего. Воспользовавшись шансом, он рубанул от плеча. Зазвенела сталь: каким-то чудом противник вытащил меч из стены и широким взмахом отбил выверенную атаку, которая должна была снести ему голову.

От силы удара и ответной атаки противника, Нокса увело назад. Рука болезненно загудела от вибрации клинка. Не мешкая, убийца сорвался с места и сделал новый взмах. Его движение было быстрым, но недостаточно точным: Нокс легко увернулся, быстро ударил противника ногой. Подошва сапога врезалась нападавшему в живот. Убийца выронил меч, пролетел с метр и впился в кирпичную стену. Он оказался на коленях, руки в темных перчатках утонули в зловонной жиже канализации.

Неизвестный попытался встать, но его тут же объяло мощное пламя. Он воскликнул и бросился в нечистоты, пытаясь сбить огонь. Пламя потухло, когда Нокс опустил руку. Убийца попробовал подняться, но тут же рухнул обратно. Плащ был зачарован, но силу эфирного пламени Нокс приложил не к одежде, а к живой плоти. Старая рана дополнилась массивными ожогами.

Теург двинулся к противнику. Тот начал отползать. Нокс повозил подошвой по склизкому полу, нащупал ржавый меч и отбросил оружие ногой. Обессиленный незнакомец сел, уперся спиной в стену.

Нокс посмотрел на поверженного врага и сделал жест, призывая снять капюшон.

— Сними его. Я предпочитаю смотреть в глаза, когда с кем-то говорю.

Незнакомец не шелохнулся. Тогда Нокс слегка наклонился.

— Ты меня понимаешь?

Убийца вздрогнул и замер. Приподнял руки. Сжал кулаки и затрясся. Вот только не было похоже, что его вообще заботили слова теурга. По крайней мере не так, как тот ожидал.

Незнакомец сдернул капюшон и взревел низким многоголосием:

— Вор! Отдай его мне! Сейчас же! Жалкий дворовый пес!

Теург посмотрел на своего врага и расширил глаза в недоумении.

— Отродье тьмы, ты умеешь говорить?

Перед ним сидел не человек. Кожа убийцы почернела и сморщилась. Глаза представляли собой два грязно-желтых пятна, плоть кое-где наполовину разложилась. В тех местах, где живая материя отмерла, виднелись провалы, сочащиеся тьмой. Щеки впали, губ не было вообще, как и волос на лысом черепе. Перед ним сидел наполовину мумифицированный труп. Похоже, серая скверна начала менять его совсем недавно.

Чудовище воздело руку и показало на Нокса гниющим пальцем.

— Отдай его, ты, грязный бродяга!

Теург, который на мгновение погрузился в мысли, осмотрелся, а затем взглянул на свой нагрудный карман, откуда торчал край позолоченного герба. И тогда он понял.

— Так ты стало быть у нас благородный аристократ. Простите, ваше благородие. Не расслышал титула. Поборник культа навозной кучи? Или, может, служитель ордена святых нечистот?

Нокс улыбнулся, глядя на существо перед собой.

— Я убью тебя!

Монстр попытался встать, но тут же снова вспыхнул как спичка. Он горел недолго, но пламя свирепствовало так, что потрескались кирпичи. Зловонная вода с шипением начала испаряться. Хватило всего нескольких секунд нестерпимого жара.

Теург опустил руку и замолчал. Его лицо приняло яростное выражение.

— Что ж. Извини. Я не привык любезничать с теми, кто пытается меня убить. Зачем тебе моя смерть? Говори.

— Я..я скорее отрежу себе яйца, чем скажу! — Воскликнуло создание ночи.

— Насколько мне известно, у представителей твоего рода нет репродуктивных органов. Мы точно не знаем, как вы, ублюдки, плодитесь. Однако насчет тебя я почти уверен. Хоть сейчас ты и похож на кучу дерьма, держу пари когда-то ты был человеком.

Темник отвернулся и промолчал.

— Откуда у тебя герб семьи Хорстам?

Никакого ответа не последовало.

— Ты похитил баронову дочку? Отвечай.

Ответом вновь стало молчание.

— Убил?

Ничего.

— И ты же убивал тех дураков, что пытались ее отыскать, верно я говорю?

Темник не шевелился и казалось не дышал.

— А когда за дело взялся я, задумал решить проблему по-своему. Как прежде.

Темник бросил на него полный ненависти взгляд.

— Продолжаешь свое? Что ж, ладно. Но ты не учел одного...

Теург сделал быстрый пас рукой. Начертал сложную руну. В воздухе загорелся знак, состоящий из десятка замысловатых линий. Нокс поманил его рукой. Невесомый символ оказался перед ладонью. Колдун ленивой походкой двинулся вперед, прямо к темнику.

— Я не дам тебе права на молчание. У тебя не будет такой привилегии, мерзость.

Когда знак оказался возле его лица, монстр схватился за стену, вжался в нее что было сил. Пустые глаза расширились. Теург косо ухмыльнулся и развел пальцы. Знак засветился

ярче, словно был соткан из пламени. Темник взвыл в агонии, выгнулся дугой, насколько вообще позволяло его положение. Он скрежетал неприкрытыми желтыми зубами, шлепал ладонями по нечистотам, бил по земле ногами. Символ жег как раскаленное железо. Божий свет калечил не плоть, он испепелял саму душу.

Спустя полминуты, Нокс сомкнул руку и притушил символ. Монстр тяжело дышал. Его тело перестало биться в припадке. Он косо смотрел на знак, как загнанный зверь. Боялся шевельнуться. Нокс был доволен. Запретительные руны создавались, чтобы бороться с тварями ночи. Однако эффект превзошел его ожидания.

— Можешь сопротивляться и дальше. Давно хотел посмотреть, как сильна воля слугителей Темного. У меня в запасе найдется пара-тройка дней. Думаю, и тебе спешить некуда. Нас ждет долгое знакомство. Но если ты ответишь на пару моих вопросов, я дарую тебе спасение. Здесь и сейчас.

— Избавь меня от своей болтовни, проклятый проповедник, — взревел темник, — я никогда...

Закончить он не успел. Руна вспыхнула, предвещая приступ агонии, вызвала новые конвульсии. На сей раз сильнее прежнего. Знак перестал гореть, засветился мутным слабым светом, темник снова затих. Пришлось повторить еще несколько раз. Нокс не знал, сколько времени это продлилось. Может пару десятков минут, а может час. Экземпляр был на удивление упрямым, пришлось влить в руну еще немного эссенции.

— Смилуйся! Я скажу! — Вскрикнул темник между стонами и собственными бессвязными криками.

Нокс встал и отошел от поверженного монстра.

— Говори. Откуда у тебя герб? Ты убил хозяина?

— Нет, я..., — существо тяжело дышало, пытаясь выговорить слова, — я и есть его хозяин. Он мой. Этот герб мой.

Такой ответ сбил теурга с толка.

— Ты утверждаешь, что был дворянином?

— Так и есть. Я не лгу. Можешь проверить сам.

Существо неуклюже одернуло рукав и показало почерневшее предплечье. Нокс напряг зрение, вглядываясь в эфирное тело. Сквозь непроглядную черноту умирающей души тусклым светом проступала метка. Клеймо, которое носили все дворяне.

— И как ты стал таким?

— Я не могу ответить. Не потому, что не хочу — потому, что я не в силах. Задай другой вопрос.

— Ты похитил баронову дочку?

— Нет.

— Убил ее?

— Нет. Я этого не делал. Клянусь! Я ничего не знаю о его дочери!

Чего стоили клятвы чудовища. Однако Нокс продолжил.

— Хорошо, кажется, у нас получается разговор. Ты убивал тех недоумков, которые рыскали по округе?

— Некоторых — я. Других...

— Других что?

— Других я не трогал. Он приказал мне. Я не должен был, — монстр сокрушенно схватился за голову. — Он не велел.

— Он? Здесь есть прочие подобные тебе?

Монстр задумался в неуверенности. Для пущей убедительности Нокс опять активировал руны.

— Стой! Да. Но он не такой как я. Он другой, — монстр опустил голову, как виноватый ученик из тех, которых отправляют на попечение церковников.

— Кто же он такой?

— Мой...мой Господин.

— Кто твой господин? — Спросил Нокс. Его глаза светились ледяным блеском. Он начинал уставать от цепи загадочных ответов, которые порождали лишь новые вопросы, — выкладывая, я начинаю терять терпение.

— Я должен молчать. А даже если бы мог говорить, то все равно бы не стал. Если Господин узнает, что я выдал его тайны, он убьет меня. Медленно и ужасно. Но видят боги, я хотел бы с ним расквитаться. О, как же я его ненавижу!

— И за что ты его ненавидишь?

— Это то, на что я не волен ответить. Он зачаровал меня.

— Тогда, скажи мне, где он сейчас. И чарам, что тебя сковывают, придет конец.

— Я могу сказать лишь малое. Он с госпожой. Ей нужна помощь. Ей очень плохо.

— Госпожа? Она тоже приказывает тебе?

— Я никогда ее не видел. Поэтому не знаю кто она, откуда взялась или как выглядит. Он говорит мне лишь то, что считает нужным для выполнения поручений. Госпожа тяжело больна. Ты — решение и мне приказано взять тебя. Захватить живым.

— Я решение? Но чему?

— Ее недугу. Повелитель и она желают встретиться с тобой. Но на своих условиях.

— В таком случае мы встретимся. Но не так, как они того хотят. Скажи мне, где эти создания. Я дарю тебе спасение. Могу обещать, что этот господин до тебя не дотянется.

— Я не в силах ответить. Как не могу сказать как я стал таким. — Темник взмолился заламывая руки.

— Но у тебя нет выбора.

— Я не в силах! Помилуй!

— Что ж, хорошо. Я тебе помогу.

Нокс сделал еще один пас. Символ вспыхнул с новой мощью. Темник заорал так, что затряслись стены.

— Проклятый выродок!

— Не трать слова попусту, монстр. Я хочу слышать не стенания проклятых, а правду.

— Я не в силах!

— Тогда я разорву твою душу на части, — угрожающе сказал Нокс и усилил действие руны, — и поверь это намного хуже чем все ужасы на который способен твой господин. Его черные глаза тускло засветились в темноте. Он походил на безжалостного демона.

— Я могу показать!

Теург притушил символ.

— Повтори.

Я...ух...я могу показать. — Темника била мелкая дрожь. Он отстранился от Нокса трясущейся рукой. — Я покажу тебе!

Монстр приподнялся, макнул два пальца в рану, которая все еще исходила черной субстанцией, и начал писать. Вскоре на стене начертанное кривым крючковатым почерком

красовалось одно единственное слово. Когда темник закончил, теург скривил губы и тяжело вздохнул.

— Это и есть ответ?

— Да. Один ответ на все твои вопросы.

— Так вот оно что.

— Я действовал как было должно. Вопросов я не задавал. Моя работа — подчиняться.

Будь оно все проклято! Будь он проклят!

Темник плюхнулся обратно, подняв брызги. Он тяжело дышал и с каждым вдохом громко хрипел как умирающая лошадь.

— Так ты отпустишь меня? Ты поможешь мне?

— О, нет. Я дам тебе нечто большее. Гораздо большее.

Нокс затушил символ полностью. Руна пропала. Темник облегченно выдохнул, но тут же напрягся всем телом. Теург поднял два пальца в уже знакомом жесте.

— Ты обещал мне спасение! — крикнул темник. — Ты клялся!

— И я дарую то, что обещал. Кем бы ни был этот господин, он не причинит тебе никакого вреда.

Нокс прочел короткий мотив. Монстр вспыхнул как сухая солома, издал короткий крик и замолчал. Вместо темника осталась горстка мокрого пепла. На том месте, где он сидел, потрескавшуюся кирпичную стену украшала жутковатая тень. Теург смачно плюнул на останки и поспешил к выходу из мрачного подземелья.

Зала баронова дворца была просторной. Настолько, что пространство позволяло легко разместить весь двор вместе с прислугой. Тут было никак не меньше семи, а может и восьми сотен человек. Напудренные дамы пили вино из высоких бокалов, мужчины что-то бурно обсуждали и смеялись, хотя их голоса звучали как-то натужно и фальшиво. Аппетита гостям хватило бы на целую роту солдат. Прислуга в строгих нарядах едва успевала подносить цыплят, жареных поросят, фрукты, изысканные вина и прочую снедь.

Торжество в честь праздника дня основания Ольнии было в самом разгаре.

Теург в темной сутане выглядел на фоне знатных господ как мрачная тень. Вестник, пропахший смертью на празднике жизни и удовольствия. Он прошел между столами, не обращая внимания на презрительные и откровенно испуганные взгляды. Заклинатель протиснулся сквозь ряды аристократов, которые шарахались от него как от проклятого. Нокс добрался до конца залы, увидел знакомые лица. Поодаль, за большим и просторным столом из красного дерева сидели двое в окружении незнакомых лиц. Барон сделал жест рукой. Придворные встали и, поклонившись, покинули свои места, оставив Лангоса и его колдуна наедине с гостем.

— Значит, ты принял приглашение. — сказал барон.

— Я не привык отвечать на гостеприимство неблагодарностью. — Ответил Нокс, спокойно отодвинув резной стул. Через секунду он оказался за одним столом с Ластером и бароном. Обстановка казалась слишком беспокойной. Однако среди шума поговорить наедине, не выдав секретов, было куда проще. Нокс отдавал должное Лангосу. Повод почти идеальный.

— Если не считать прямо скажем пакостной внешности, для колдуна у тебя очень утонченные манеры, должен сказать. Ну, рассказывай.

— Я не могу сказать того, что ты так жаждешь от меня услышать, вопросов остается больше, чем ответов, — Нокс откусил от куриной ноги, поймал на себе недовольный взгляд барона, сделал вид, что ничего не заметил. Неспешно прожевывая хорошо прожаренную птицу, он продолжил, — однако и с пустыми руками я бы прийти не посмел.

Барон нервно поерзал на стуле.

— Будет этого кокетства, Нокс. Если тебе что-то известно, — сказал Ластер, он промокнул губы салфеткой и положил тряпицу перед собой, — то не стоит томить нас ожиданиями.

— Терпение. Прежде, чем говорить, я хотел бы кое в чем убедиться. Самоуверенность — признак невежества. Мы же не хотим принести зло невиновным — ответил Нокс.

— Юлииишь, колдун. Уже несколько дней возишься, а толку все нет. — Барон пригрозил окорочком, — смотри, как бы у меня не лопнуло терпение. А то пострадает кое-кто другой. И ты его хорошо знаешь.

— Рискну надеяться, что твое терпение столь же крепкое, как желудки гостей. Ваше превосходительство слишком тороплив. Если бы все было так просто, ты бы справился и сам. Подожди еще чуть-чуть. Вскоре мы выйдем на нужный след. Это вопрос даже не недель, а дней. Возможно даже часов, если повезет.

Нокс сощурил глаза и хитро ухмыльнулся.

— Откуда такая уверенность, — спросил Ластер. Хотя лицо молодого человека

оставалось непроницаемым, в его голосе слышалось язвительное раздражение.

— Можешь считать это интуицией. — Нокс вновь принялся за куриную ногу.

Барон посмотрел на теурга. Окинул гостя медленным взглядом. Только теперь он заметил пятна крови и ихора, которые полностью не отстирались.

— Я конечно мало, что понимаю в моде колдунов, но неужели вас не заботит банальная опрятность?

— Хм? — Нокс осмотрел свою сутану, которая и правда выглядела так, словно ее постирали в смеси бычьей крови и смолы. — Ах, простите. Не нашел возможности привести себя в порядок, а твое приглашение отклонить было бы невежливо.

— Но откуда все это? — Барон указал пальцем на следы.

Нокс изящным движением взял салфетку и протер губы. Положил белую ткань на стол, загадочно подался в сторону Лангоса и понизил голос.

— В мои покои проник убийца. И весьма умелый.

— Кто посмел!? Если кто-то пальцем коснулся тебя в обход моего приказа...!

— Не переживай, барон. Это был не твой человек. — Нокс отмахнулся, как будто это было само собой разумеющимся. — По крайней мере, он не из тех, кто слушался бы твоих приказов. И кровь не моя.

— Ты имеешь в виду...

— Я был вынужден защищаться. Рискну предположить, что ко мне наведалься наш злоумышленник.

По лицу барона проскользнула тень ужаса. Увидев это, Нокс поспешил продолжить.

— Однако даже такой вопиющий случай сыграл нам на руку. Лучшего поворота дел не придумаешь.

— И что это значит? — Спросил Ластер с непроницаемым выражением лица.

Нокс достал сияющий золотом знак. Повернулся к Лангосу и протянул его.

— Тебе знаком этот герб?

Барон расширил глаза и быстро выхватил драгоценную вещицу. Повертел ее в руках, тупо уставившись на бляху.

— Как это? Хорстам!? — Он присмотрелся к гербу с разных сторон, нет, точно они! Ты должно быть ошибся, колдун!

— Я верю своим глазам и ушам, барон. И это единственное, чему я могу доверять. Большую часть времени.

— Семья Хорстам всегда славилась железной дисциплиной! Они верны мне! Они бы никогда...

— Как бы то ни было, его обладатель, — Нокс кивнул на золотой потертый герб, — совершенно точно пытался меня убить. Более того, он сам подтвердил свою принадлежность к роду Хорстам несколькими минутами до того, как лишился жизни.

— Значит подлый паскудник обманывал меня с самого начала!? Но кто!?

— Имени своего он мне не назвал.

Барон вскочил со стула и подался к Ноксу. От резкого удара ладоней на столе зазвенели кубки и прочая утварь.

— Это он навредил моей Ариадне?! Ну! Говори, не томи!

— Можешь выбрать любой ответ по собственному вкусу. — Нокс пожал плечами. — Тот, кто напал на меня, определенно виноват.

Лангос побагровел и ударил кулаком по столу, подняв шум, чем привлек внимание.

Лишь после того, как некоторые гости начали бросать настороженные взгляды, он, наконец, медленно сел на место и нахмурился.

— Я так и знал, что в моих покоях затаилась подлая змея. Хорстам, чтоб им провалиться. Вырежу эту проклятую семейку солдафонов. Кому сдалась их проклятая честь. Лживые псы. Бессовестные ублюдки. Выжгу каленым железом...

— Я бы не спешил. Несостоявшийся убийца, безусловно, замешан в грязном деле. — Нокс прервал тираду разъяренного Лангоса, — но это лишь половина беды. Мне удалось загнать его в угол. И знаешь, что? — Нокс вновь подался вперед, — эта мерзость — не человек. Она была не тем, кого ты знаешь как члена благородного рода Хорстам. От человека там осталась лишь болезненная честь да обрывки воспоминаний.

Барон побледнел и не сказал ни слова. Нокс продолжил.

— Он служит кому-то другому. Кому-то более могущественному. Тому, кто как раз и стоит за похищением Ариадны и другими злодеяниями.

— Чудовище в моем городе? Да как такое может быть? — Пробормотал барон в оторопи.

— Монстр за барьером. Как интересно. Но откуда тебе известны его цели? И почему тебе знать, что он кому-то служит? — Спросил Ластер. Глаза колдуна загорелись интересом. — Существа тьмы — тупые орудия, это все знают. Они не способны ни к целеполаганию, ни к осознанным действиям.

— Он сам сказал.

Теперь пришла пора Ластера удивляться.

— Сказал? Это невозможно.

— Он мне сказал, — отчеканил Нокс, подчеркивая каждое слово с нажимом.

— Даже если предположить, что это правда...

— Ты полагаешь, что я лгу?

Ластер остановился на полуслове, сощурился.

— Я полагаю, что тебя одурманили. Темники не могут говорить. Тем более связно.

— Ну, этот был на удивление разговорчив. А что касается дурмана — меня так просто не зачаровать. Его слова отражали то, во что он сам верит.

— И ты поверил на слово монстру? С каких пор люди твоей профессии стали столь наивны? — Усмехнулся слуга Лангоса.

— Тогда же, когда придворные теурги стали экспертами в людях моей профессии. — Парировал Нокс. — Он не был темником в полном смысле слова. Его личность сохранилась. Отчасти. Я просканировал фрагменты его воспоминаний и нашел несколько занятных вещей. — По лицу Ластера проскользнуло странное выражение.

— Что насчет Ариадны? Она жива? — Снова спросил барон с таким лицом, словно бы опасался получить ответ.

— Не берусь утверждать. Пока. Разум этого создания сломлен и искажен. Читать его воспоминания — все равно, что бродить по мрачному, наполненному темниками лабиринту. Вскоре все встанет на свои места. Пока же могу сказать только одно.

Нокс встал, поправил сутану, подошел к барону и слегка наклонился.

— Твои враги ближе, чем кажется, барон. Он служил кому-то, кого ты хорошо знаешь. Скорее всего, этот человек сейчас сидит и преспокойно распивает изысканное вино, наслаждается компанией знати и жрет в три горла, делая из тебя дурака, — тихо сказал теург на ухо Лангосу. — А быть может таится, стараясь не привлекать лишнего внимания. Если

Ариадна жива, ждать осталось недолго.

Скоро мы выкурим крысу, которая принесла столько зла городу, узнаем, все что ей известно и прихлопнем без всякой пощады.

Барон просиял, как человек, только что обретший новую надежду.

— И ты понял это, взглянув в воспоминания сумасшедшего чудовища? Насколько я помню, это опасная и сложная практика. — Ластер тоже понизил голос. — Не говоря про то, что бродить по лабиринтам разума слуги Темного — подвергать себя невероятному риску.

— У меня свои методы.

— Только сенсор способен на такие вещи. И то я не уверен.

— Не нужно быть сенсором, чтобы обнаружить очевидное, — ответил Нокс, глядя Ластеру в глаза. Между двумя повисла напряженная тишина, — разве что ищущий слеп. Или не желает видеть правду.

Безмолвное противостояние длилось несколько секунд. Наконец, Ластер отвел глаза.

— Что ж, тогда думаю, не стоит мешать твоей работе. — сказал придворный колдун и встал, собравшись уходить. Теург преувеличенно поправил камзол и повернулся, — удачных поисков.

Нокс глядел на удаляющуюся фигуру. Ластер сделал несколько шагов когда его окликнули.

— Подожди.

Теург резко встал из-за стола, подошел к слуге барона и едва заметно поклонился.

— Я бесконечно признателен за твою помощь. Если бы не ты, я бы не смог понять и половины образов. Мысли больного мозга и правда нелегки для осознания. Наши беседы были очень полезны.

Нокс протянул руку.

— Считай это знаком моего глубокого уважения. Благодаря тебе я очень скоро найду и Ариадну, и того, кто посмел покуситься на ее жизнь.

Ластер отшатнулся и недоверчиво посмотрел на Нокса. Перевел взгляд. Он стоял, тупо уставившись на протянутую руку. По какой-то причине, теург не решался ответить на вполне безобидный жест. Барон кашлянул и покосился на своего самого верного слугу.

— Ну же, Ластер. Ты все еще держишь обиду за то, что наш почтенный гость влез в соревнование? Это дело прошлое. К тому же, оно обернулось куда большей удачей. Теург стоит десятка рыцарей, верно, Нокс?

— Как бы нескромно это ни звучало — не могу не согласиться, — Нокс улыбнулся и вновь протянул руку Ластеру.

— Я не считаю, что это уместно... — начал было Ластер

— Я приказываю тебе, — суровый голос барона заставил теурга расширить глаза. Он здорово вспотел. На лбу появилась испарина. Теург задрожал всем телом.

— Я настаиваю, — сказал Нокс и начал медленно приближать руку к руке своего неразговорчивого собеседника. Когда тот на мгновение отвернулся, Нокс одним резким движением ринулся вперед и схватил Ластера за руку.

— Ааааах!

Отчетливо раздалось шипение плоти. В воздухе разнесся запах разложения. Разложения и роз. Тошнотворная смесь разлилась по залу.

— Будь ты проклят! — Воскликнул Ластер. Его лицо исказила злобная гримаса. Теург дернул руку, изловчившись вырвался из хватки, развернулся и что было сил рванул к выходу.

Раздался звон посуды. Те, кому не повезло стоять на пути Ластера, оказались на полу.

Нокс несколькими прыжками преодолел половину залы и поспешил за колдуном. Ластер на полном ходу развернулся, проскользил по отшлифованному полу и хлопнул ногой. Земля под ногами заколыхалась и взорвалась осколками мраморного основания. Камни летели со скоростью ветра. Слева упало тело в некогда белом, а теперь окрашенном кровью одеянии. У мужчины не хватало половины головы. Тут и там опрокидывались другие искалеченные: безногие с разmozженными черепами, распоротыми животами. Раздался пронзительный крик. Зал наполнила какофония испуганных голосов, стонов раненых, хрипов умирающих, панических воплей.

Те, кому повезло больше, попрятались за столами или распластались, прикрыв голову руками. В зале стоял хаос. Нокс посмотрел вперед и резко поднял два пальца. Прямо в него летела груда камней из изломанного пола. Он прочел мотив, сфокусировал волю. Воздух заколебался волнами чудовищного жара. Камень раскалился, раздался громкий треск, после чего мрамор обратился ничем.

В общей суматохе Ластер скользнул прочь из замка. Нокс рванул вперед когда ему под ноги упал раненый с окровавленной головой. Путь преграждали тела, крупные осколки камня и обломки изысканной мебели, разорванной в щепу. Через несколько мгновений он оказался во дворе. Однако Ластер пропал. Предатель скрылся из виду, не оставив ни следа.

Нокс сжал кулак и произнес несколько проклятий. Из тех, которые нельзя произносить вслух. За спиной раздалась резкие возгласы. Испуганные голоса тараторили в унисон, вторили другим крикам. Поднялась суматоха. Расталкивая суетящихся людей, Нокс поспешил обратно во дворец.

— Господин! — Воскликнул человек в темно зеленом, — Господин!

Он повернулся к толпе, в отчаянии обращаясь ко всем разом.

— Скорее! Лекарей сюда!

Теург взгляделся и, наконец увидел, как тело Лангоса безжизненной фигурой распласталось на грязном полу. Жизнь барона быстро угасала.

Было далеко за полночь. Нокс склонился над картой города, громкое дыхание было единственным звуком в полупустой комнате, которую ему удалось снять. Дворец барона до сих пор стоял на ушах. Вот уже третий день как Лангос лежал в лазарете, одной ногой ступая в сады Владыки. В кому, глубокою как толща океана, его поместил яд, но точный вид отравы оставался неясным даже умелым лекарям, что служили при его дворе. Неспособные хоть как-то продвинуться в своих изысканиях, они все глубже погружались в отчаяние и ужас. Еще больше ужаса на придворных навела природа яда. Все как один сходились, что его сделали из чьей-то крови.

— За такую глупость вас надо прикончить на месте! — Воскликнул глава стражи в темном доспехе. Люди в серых халатах съежились под его гневным взглядом.

— Господин, смилуйтесь, мы ничего не знали!

— Лишний повод разобраться с вами здесь и сейчас! Вы придворные лекари, а не сборище полоумных травников! Так должно быть! Но вы просмотрели опасность. Более того, вы сами потчевали нашего господина ядом!

— Мы клянемся...

— Меня не интересуют клятвы. Если барон умрет — ваша участь будет решена. И поверьте, легкой кончины я вам не дам! А теперь убирайтесь! Проваливайте в свои палаты и ищите лекарство!

Лекари поспешили прочь. Нокс отчетливо помнил этот короткий разговор. Лекарство, которое поддерживало барона как оказалось одновременно подтачивало его силы. Возможно, оно и было причиной болезни. После предательства Ластера эта мысль казалась все более реальной и логичной.

Напряжение при дворе было столь велико, что теурга быстро спровадили, не желая присутствия проклятого поблизости. Ноксу не доверяли, но чтобы действовать более решительно требовалась воля. А его как и прочих колдунов откровенно боялись. Потому все ограничилось убедительной просьбой, приправленной посулами награды. Единственным достаточно откровенным человеком была лекарша, но и она скупилась на объяснения, словно все при дворе барона скрывалось плотной завесой тайны.

Теург прочертил линию на карте, сделал несколько заметок на бумаге. Внимательно посмотрел. Нахмурился, одним движением скомкал лист и швырнул его в стену. След оказался ложным. Опять. Как и до этого. Едва он нащупывал нить, которая казалась верным путем к отступнику, судьба нещадно ее обрезала. Зацепка оказывалась тупиком. Снова и снова.

Нокс принялся ходить туда-сюда, в исступленной задумчивости. Мысли лихорадочно роились.

— А ты как всегда, само спокойствие, а, Нориан?

В голове раздался скрипучий насмешливый голос.

— Нокс, гадкое создание, и тебе лучше бы помолчать. Я думаю.

— Ох, не разбивай мое хрупкое сердце. Так ты благодаришь за спасение своей жалкой жизни? Я честно сказать рассчитывал на большее.

— Твоей помощи я не просил и ты мне не нужен. Убирайся прочь.

Голос хрипло рассмеялся.

— Не будь таким заносчивым. Если продолжишь задирать нос — никогда его не найдешь. Без меня у тебя нет шансов.

— Посмотрим.

— Ты и вправду считаешь, что сможешь отыскать след без теургии? — Спросил голос.

— Я считаю, что тебе пора. А теперь сгинь, у меня и так хватает забот.

— Хм. Я уйду. Но не рассчитывай, что надолго. В конце концов, это не только твое тело. В мое отсутствие не теряй времени даром.

Голос пропал. Теург усталое вздохнул, утерев лицо ладонью. Ненавистный бестелесный голос был прав. Без теургии найти Ластера он не мог и вообще сомневался, что это возможно. Нокс покачал головой и достал короткий кинжал с серебрящимся при люминофоре лезвием. Теург бесстрастно осмотрел клинок и взялся за рукоять. Он приготовился надрезать руку, когда его нутро пронзила резкая боль. Укол был сильным. Хотя боль была не физической и длилась всего мгновение, она ощущалась не менее мучительно. Теург встрепенулся. Он понял, что где-то поблизости творится колдовство. Пространство заколебалось мелкой рябью. Хотя никто, кроме него не мог почувствовать колебаний тех нитей, из которых была соткана ткань реальности мира.

Нокс напряженно вслушался. Эфемерная дрожь усилилась, но тут же затихла. Теург сбежал по лестнице и выскочил наружу. Небо озарилось мертвенно красным сиянием, окрасилось в медно-красные оттенки под стать алому похоронному савану. Горожане боязливо выбрались на улицу, сонные и растерянные. Все пытались понять, что происходит. За горизонтом что-то грохнуло, а затем взвился столб пламени высотой сравнимый со шпилями столицы. Зарево стало сильнее. Пламя осветило ночное небо словно демонический фонарь. Под адский аккомпанемент низкого рева задрожала земля, всего через мгновение над городом пронесся огненный вихрь. Его бешеный вой заставлял дрожать все вокруг. Пламя ревело, словно опьяненное обретенной свободой. Словно сами боги смеялись.

При виде колдовства горожане суетились и сновали. Некоторые убежали домой, другие стояли на коленях, читая молитву Владыке. Третьи застыли, иступленно глядя в небо, они не решались даже пошевелиться.

Вихрь лишь чудом не задел город. Он прошел выше, начисто выжигая кислород, принося запах раскаленного воздуха и едкую горькую вонь. Нокс ощутил чудовищный жар. Импульс неизвестного заклинания с гулким стоном пронесся дальше, ничуть не утратив своей силы. Наконец, дрожь земли остановилась. Все затихло.

Теург посмотрел вдаль. На фоне привычного ночного неба поднимались клубы серого и черного дыма.

— Ко мне! — воскликнул Нокс. Из-за постоянного двора выскочил мицелан. Теург вскочил в седло и прищипорил верного зверя. Теперь он знал, что делать.

Точильный камень со звонким шелестом прошелся по узкому клинку. Затем еще и еще, создавая грустную песню под аккомпанемент свистящего сквозь щели в окнах ветра. Лампада на столе наполняла комнату тусклым замогильным светом. Возле окна, прислонившись спиной к стене сидел человек с забинтованным лицом. В сероватых бинтах он походил на бальзамированного покойника, который почему-то встал из своего саркофага.

Гилион был зол. В душе который раз закипела жгучая ненависть. Он был чемпионом Эшта. Одним из воинов, которых избрал сам наместник. Одному богу известно, сколько полегло от его клинка. Он убивал бандитов, никогда не пасовал перед чудовищными

зверьями. В свое время, когда наместник объявил охоту на опасных тварей, его меч вдоволь напился крови вервольфов. Владыка, на его счету был даже один Келмур. Он был уверен, что поездка во владения какого-то захудалого барона окажется не сложнее мимолетной прогулки. Легким делом, за которое хорошо заплатят. Как же он ошибся.

Гилион остановился и угрюмо уставился на клинок. В отполированной глади стали он увидел отражение. Встретился взглядом с самим собой.

Все шло отлично, пока не появился этот выскочка. Этот колдун. Гилион положил меч и резко вскочил на ноги. Подошел к столу и взял кувшин, намереваясь наполнить стакан. В последнее время он все больше пил, предаваясь забвению в терпком напитке и горькой жалости к самому себе. Пробка кувшина никак не поддавалась.

Гилион рванул один раз, другой, но ничего не вышло. Некогда горделивый воин зарычал и что было сил швырнул неподатливую посудину. Кувшин улетел во тьму комнаты. Туда, куда не падал свет. Однако никакого звука не последовало. Гилион настороженно бросил взгляд в сторону и замер.

— Кто здесь? Кто посмел ко мне проникнуть? Выходи! — Воскликнул Гилион.

— Хм. Значит какое-никакое чутье у тебя есть. Рад это знать, — ответила темнота. Раздались легкие шаги. Из ночной черноты вышел высокий силуэт в сером плаще. Первым делом незнакомец сорвал капюшон и показал свое смуглое лицо.

В руках мужчина держал кувшин. Как ни в чем не бывало он подошел и уселся на стул. Вальяжно, по-хозяйски развалился, ловким движением откупорил емкость, налил себе вина и с грацией аристократа сделал глоток. На лице оливкового цвета появилось мягкое выражение удовольствия.

— Гобри, да? Двадцатилетней выдержки, если не ошибаюсь. Неплохой продукт. Определенно неплохой, — сказал он, поболтав красную жидкость в стакане. — Ты когда-нибудь задумывался какой путь проходит этот напиток, прежде чем попасть к столу? Его делают из лунного винограда, который дает урожай лишь раз в пять лет. Сырец выдерживают в колдовских бочках, говорят, их зачаровывали кровью невинных душ, отсюда этот нежный аромат и богатый букет с ускользящим привкусом грусти. Прекрасный напиток. Никогда бы не подумал, что его можно достать в такой дыре

Человек бросил небрежный взгляд на Гилиона, который все еще стоял настороже с растерянным видом, и тут же вернулся к вину.

— Какой досадный промах. Настоящее расточительство. Ведь Гобри пьют по торжественным случаям. Для траурных поводов есть горькое полынное. Может быть не такое изысканное, но более подходящее случаю.

Гилион несколько раз моргнул, словно пытаясь осознать, что происходит.

— Т...ты! Это ты!

— Не визжи, не то разбудишь весь постоялый двор.

— Ты! Я тебя видел там, на площади! Когда появился тот поганый колдун, ты был там! Ты тот подлец, который служил барону!

— Наконец-то, заметил, да? Думал увидеть фигуристую девку для утех? Прости, что обманул твои ожидания.

Человек встал и лениво поправил расстегнутый плащ.

— Обычно я предпочитаю, чтобы ко мне обращались по имени и со всем уважением. Впрочем, сейчас мое имя ничего не значит и тебе оно без надобности.

В центре комнаты, глядя на пораженного Гилиона, стоял никто иной, как Ластер.

— Теперь я вспомнил. Это ты притащил того колдуна! Он сам сказал! Это все твоих рук дело, проклятый пес! Из-за тебя я лишился всего!

— Острый язык и короткий ум. Не сумел коснуться его, с чего же взял, что сможешь навредить мне? Только дураки делают одну и ту же ошибку дважды. Будь моя воля, ты бы уже лежал в луже блевотины вывернутой наизнанку.

Ластер угрожающе нахмурился.

— Я знаю, что тебя ищут! Знаю, что ты предатель! Весь город стоит на ушах! Стоит мне крикнуть, как сюда сбегутся все стражи Ольнии! Тебе конец. Может хоть так... Я сумею вернуть себе былое уважение!

— При условии, что ты успеешь издать хоть один звук. Хочешь проверить кто окажется быстрее?

Ластер сделал несколько шагов вперед. Хотя они были одного роста, внушительная фигура теурга, казалось бы, возвышается над фигурой надломленного воина. Воздух в комнате потяжелел от одного движения мысли заклинателя. Гилион попятился, но тут же взял себя в руки и остановился, бросив на Ластера дерзкий взгляд. Немое противостояние длилось несколько мгновений.

— Сколько гордости, а какой смысл? — Ластер вздохнул, — в конце концов, я начинаю сомневаться, стоило ли к тебе приходить. Проигравшие не стоят времени.

— Я бы победил! Я мог победить, победа была моя, если бы не ты и не он, будьте вы оба прокляты!

— Да, ты проиграл. Проиграл с позором, на глазах всего города и был избит как собака. Гилион возмущенно попытался возразить, но не нашелся, что сказать. Такая наглая прямота сбивала с толку, вызывала чувство беспомощного гнева.

— Знаешь, пока ты тут себя жалел, точил эту бесполезную зубочистку, — Ластер указал меч, — и заливал горе в провонявшей конуре, твой обидчик получал внимание чуть не всего двора и прибирал к рукам сокровища из казны.

— Это я должен был купаться в славе! Победа была моя по праву!

— Оказалось, что в бою ты ему не ровня.

— Прекрати это! Замолчи!

— А теперь, когда выяснилось, что он колдун, шансов восстановить свою честь у тебя вообще не осталось.

— Зачем ты пришел?! Зачем терзаешь меня?! Мало моего унижения, которому ты виной? Мое горе доставляет тебе удовольствие?

Отчаяние Гилиона достигло пика. Теург в ответ лишь криво усмехнулся с довольным блеском в глазах.

— Нисколько. Хотя не скрою, мне по душе, когда кто-то получает по заслугам.

— По заслугам? Так ты называешь это бесчестие?

— Так заканчивает всякий, кто достаточно глуп, чтобы недооценить своего противника. Разве я виноват в твоей гордыне? Ты проиграл из-за своего высокомерия. Проиграл и опозорился, лишенный шанса отплатить. Теперь у тебя осталось не так много выходов.

— Не так много?! Их вообще нет! Что может сделать человек против монстра, который создан, чтобы уничтожать все живое? Чудовища, выведенного для убийства себе подобных? Чудовища, которое натаскано убивать других чудовищ? Сейчас у меня нет шансов. Но клянусь, однажды...

— Я бы не был так категоричен, — прервал его Ластер. В конце концов, я здесь не для

того, чтобы пить вино и читать тебе нотации, словно сопливному юнцу.

— Тогда зачем ты здесь? Чтобы посмеяться надо мной? Или, быть может, сделать то, на что не решился твой друг?

— Друг? Не оскорбляй меня таким предположением. И нет, смеяться над проигравшими я считаю ниже своего достоинства.

Ластер подошел к окну, сложил руки за спиной. Его молчание и напряженный взгляд вдаль нервировали Гилиона, но он терпеливо ждал. Наконец, Ластер повернул голову в сторону воина. Его темные глаза встретились с голубыми глазами.

— "Однажды" может наступить раньше, чем думаешь. Я здесь, чтобы сделать тебе ценное предложение.

— С чего бы мне тебя слушать?

— С того, что я предлагаю тебе шанс. Последний, единственный шанс отомстить и вернуть себе былую честь.

Гилион озадаченно расширил глаза, а затем прищурился в недоверии.

— Что, если я скажу тебе о способе, который поможет сломить твоего обидчика? О средстве, которое склонит чашу весов в твою сторону?

— Я бы никогда не поверил. Всем известно, что колдуна может победить только другой колдун.

Ластер рассмеялся.

— У тебя неверное представление о теургах, друг мой. Не совсем точное, скажем так. Да, успешно противостоять колдуну может только другой колдун. Или же обладатель очень мощного колдовского оружия. И то не всегда. Но никто не отменял тайных методов.

— Тайных методов? Я не понимаю.

— А ты и не должен. Задам тебе только один вопрос, как ты думаешь, почему теурги до сих пор не забрали себе власть по всей Иерархии?

Гилион молча смотрел на Ластера, ожидая ответа. Выдержав паузу после риторического вопроса, тот с видом ментора продолжил.

— Почему не восстали и не установили тиранию, достойную столь могучих существ? Может, потому, что колдуны не так непобедимы, как ты думаешь? Я предлагаю тебе оружие, которое поможет погубить одного такого "всемогущего".

— Я не понимаю. Ты колдун, как и он. Разве тебе не по силам справиться с ним?

— Скажем так, он проблемный противник. При всей моей силе, я не уверен, что сумею одержать верх.

— Чтобы поставить негодяя на колени, действовать поодиночке — не выход.

Ластер засунул руку за пазуху и осторожно достал матерчатый мешочек. От странного предмета пахло пряностями, смолой и чем-то, что Гилион никак не мог распознать.

— Что это?

— Это — оружие, которое поможет погубить любого колдуна. — Теург торжественно положил мешочек на стол и осторожно убрал перевязь. Внутри покоился желтоватый блестящий порошок.

— Ты смеешься надо мной? Как этот никчемный мешок поможет мне убить колдуна?

— Это не просто мешок. Внутри мощная смесь из ресмении, гурановой травы, порошка из святого металла и еще нескольких ингредиентов, которые неведомы даже мне.

Видя недоверие Гилиона, Ластер продолжил.

— Вся непобедимость колдуна в его боевом мастерстве и способности контролировать

потоки эмпиреев. Отбери что-то одно — он станет уязвим. Забери обе составляющие силы — он станет беспомощным. Это средство — как раз то, что позволит забрать у колдуна всю его мощь.

Гилион подошел, внимательно посмотрел на мешок. Перспектива лишиться чудище когтей и клыков была слишком заманчива.

— Как оно работает?

— Этого я не знаю. Однако я знаю, как его использовать. Если ты согласишься на мое предложение, я все расскажу. А это, — он указал на мешок, — будет твоим.

— Если это средство такое мощное, зачем говорить мне об этом? Ты не боишься, что я использую его против тебя?

— Ты не успеешь, — Ластер помотал головой, — кроме того, не думаю, что ты упустишь шанс отомстить настоящему обидчику. Тому, кто выставил тебя дураком и посмешищем.

Гилион стиснул зубы и сжал кулаки.

— Зачем тебе его смерть?

— Это уже мое дело. Скажу лишь, что у нас с Ноксом личные счета и обид к нему у меня столь же много, как у тебя. Все остальное тебя волновать не должно.

— Даже если так, ты мог бы сделать все сам.

— Не мог бы. Для меня этот порошок так же опасен. Я бы просто погубил нас обоих.

Гилион почесал затылок и сложил руки на груди.

— Если я соглашусь, что мне предстоит сделать? Как погубить колдуна?

Ластер улыбнулся и довольно кивнул.

— Брось этот порошок ему в лицо. Один вдох и колдун ослабнет до такой степени, что даже ребенок сможет его одолеть. Дальше дело останется за последним ударом. Можешь мучить его перед смертью сколько душе угодно, только не заигрывайся. Порошок не будет действовать вечно.

В душе Гилиона зарождалось приятное предвкушение. Надежда, которая покинула его в тот момент, когда он понял, кому проиграл. Теперь же у него появился шанс. Станный и неожиданный.

— Но как мне его найти?

— О, об этом не беспокойся. Он найдет нас сам, когда придет время.

Губы Ластера исказила зловещая ухмылка.

— И это случится очень скоро.

Теург гнал скакуна во весь опор. Мицелан фыркал, но не сбавлял темпа. Нокс посмотреть вперед. За горизонтом все еще поднимался столб едкого черного дыма. Заклинатель пронесся мимо нескольких деревень, миновал мост, прошел добрых десять лиг. Дорога была длиннее, чем казалось и заняла много времени. Он оказался на месте лишь к рассвету.

Диск солнца медленно поднимался по небосводу. Теург, не сбавляя темпа, промчался еще около лиги, вокруг не было ни души. До места, где, как он представлял, находился источник заклинания оставалось совсем немного.

Стоило достать карманный хронометр — в лицо ударил нестерпимый жар. Теург едва ли ожидал такой перемены. Он дернул поводья и прикрыл лицо рукой. Волны горячего воздуха грозили расплавить кожу и выжечь легкие. Нокс прищурил глаза, всмотрелся вперед. Наконец, напряг глаза, вызвав к жизни тайное зрение. Внутри все скрутило узлом. Впереди, насколько хватало глаза, лес и единственную дорогу объяло пламя. Оно не было физическим в полном смысле этого слова. Разгоревшись, огонь давно потерял свое материальное выражение, но от того не перестал влиять на реальный мир.

Оказавшееся на свободе пламя жадно поглощало все, до чего могло дотянуться. Стена огня вздымалась высоко в небо и стремилась вперед.

Теург прочел короткий мотив. Тело обдало приятным холодком. Когда защита от смертоносной сущности начала свое действие, он пришпорил мицелана и бросился напрямик в пекло.

Пламенная завеса неумолимо двигалась, ползла в своем смертоносном величии. Города, окрестные поселения, дома, люди, звери. Если ничего не сделать, все были обречены. При внешнем спокойствии, Нокс нервничал. Он старался держать себя в руках, подавляя панические движения внутри. Такими темпами огонь начнет свою жатву уже к вечеру. Все они погибнут ужасной смертью и даже не поймут, что произошло.

Нет, этого он не позволит.

Через половину лиги Нокс добрался до эпицентра. Перед ним стояла завеса синевато-пурпурного пламени. Земля вокруг давно оплавилась и обратилась стеклом. Горло мучительно саднило, голова кружилась от недостатка кислорода. Он ощутил, как где-то в глубине души холодной тенью зашевелилось отчаяние.

Владыка, сколько же сил понадобится, чтобы обуздать такую громаду...

Нокс помотал головой, откидывая эту мысль и надвигающееся вместе с ней чувство беспомощности перед могучей силой. Нужно было действовать быстро.

Теург спешил, прикрыл глаза и медленно вдохнул. Простер руки вперед и прочел короткий мотив. Затем еще один и еще, взывая к эйдосу, который давал ему контроль над пламенем, будь то огонь костра или бушующая сущность эмпиреев. Он продолжал читать заклинания. Одно произносил вслух, два других — мысленно. Медленно оплетал огонь нитями собственной воли, делал его продолжением собственного существа. Творение чар требовало чудовищной концентрации. Теург сделал несколько коротких пасов руками.

Бушующее пламя ответило на его наглые попытки и вздыбилось еще сильнее. Могло показаться, что оно обладает собственным разумом. Нокс точно знал — так и есть. В безмолвном возмущении громада огня разбухла, затрещала и потянула бесформенные руки к

тому, кто посмел ее коснуться.

— Держи его! Держи! Не то мы оба покойники! — Воскликнул голос в голове Нокса.

— Без тебя знаю...

Нокс сделал еще несколько пасов руками, прочел заградительные и контролирующие мотивы. Чары наслаивались друг на друга, сплетались в причудливую паутину. Разум держался на пределе. Усмирять такие потоки пламени Пепельного плана было сродни попыткам удержать океан в винной бутылке. Сейчас теург походил на сумасшедшего, который отчаянно держался за поводок, прицепленный к ошейнику гигантского монстра.

Пламя явно не собирались уступать. Оно постепенно отыгрывало свое, наступало и подчиняло волю теурга. Нокс сжал зубы и уперся ногами в землю. Несмотря на защиту, он ощущал весь жар колдовского пламени. Лицо мучительно обжигало. Руки начали покрываться волдырями. Если бы не чары, он бы испарился меньше, чем за мгновение.

Создав еще несколько точек, сковывающих пламя, теург сумел остановить движение бушующей стихии. Однако ситуация была патовой. На мгновение силы оказались равны.

— Повинуйся мне! — Теург закричал, собрав остатки воли.

Огонь качнулся и казалось на мгновение замедлился.

— Я твой хозяин!

Движения кошмарного пламени стали еще медленнее.

— Я повелеваю! В этом мире у тебя нет власти!

Пламя замерло. От мучительного жара у Нокса перехватило дыхание. Он ощутил. Лишь на мгновение, но ощутил. Его сознания коснулось само пламя. Или, точнее, то, что за ним скрывалось. Оно не считало его достойным. Оно его презирало. Злорадство, язвительная насмешка, жажда крови и разрушений, ревность. Лишь отголоски чужих чувств, но они воспринимались сильнее собственных эмоций. Теурга охватил гнев, внутри все запылало. Жар в груди был сильнее потустороннего пламени, которому он противостоял.

— Я сделал это однажды. Смогу и еще раз!

Он напряг все силы. Каждый мускул смертного тела. Однако надолго этого не хватило. Сущность пламени была слишком непокорной. Огонь разгорелся с новой мощью. Кошмарный гул вызывал нестерпимую боль в ушах. Пламя взяло свое, взвилось и начало теснить теурга.

— Нориан! Сейчас не время! Хватит играть в умеренность, ты нас погубишь! — Вновь воскликнул голос.

— Нет! — Ответил Нокс.

Теург вгрызался в землю ногами, его разум держался, словно каменная крепость. И все же он неумолимо терял концентрацию. Боль от ожогов становилась все сильнее.

— Тогда отпусти его и бежим отсюда!

— Замолчи и не мешай мне! — На кону была не только его жизнь. Тысячи, десятки тысяч душ. Матери, отцы, дети и старики, благородные господа и обычные крестьяне. Кроме того, бежать было поздно.

— Упрямый болван! Тогда действуй!

У него не было шансов. Пламя эмпиреев отвергало его. То, что казалось оружием, на самом деле было его врагом. Капризным и беспощадным. Но сдаваться он не собирался. Оставался последний шанс. Единственная возможность состояла в том, чтобы показать пламени решимость и силу собственной воли. Но если не задействовать больше колдовства, шансов не было. Он мысленно проклял свою слабость и принял решение. Собравшись с

духом, теург решил рискнуть.

— Будь ты проклят, хорошо, сделаем по-твоему! — Ответил он бестелесному голосу.

Нокс опустил одну руку, закрыл глаза и прочел с десятков мотивов, один за другим и одновременно, создавая сложную цепь из чар. Тело стало тяжелым, будто отлитое из металла. В ушах звенело, он едва не терял сознание. Собрав остатки сил, теург сделал новый пас рукой.

В мгновение Нокс впустил в свою душу всю энергию, какую мог предложить его нематериальный противник. Издал приглушенный стон. Ощущение было таким, словно его разрывало изнутри.

— Я твой господин! — Воскликнул он, что было сил. — Нравится тебе или нет! А теперь, убирайся прочь! Туда, где твое место!

Он напряг волю, титаническим усилием сдержал поступающий поток энергии. Упорядочил его и превратил в контролируемый источник.

Раздался грохот, словно от раската грома. Пламя начало уменьшаться в размерах, схлопываться внутрь себя. А затем тонкой струйкой потекло в теурга.

— Прочь туда, откуда ты явился!

Истошив массу эфирного огня, он взмахнул ладонью. Оставшееся чудовищное пламя с разочарованным ревом затухло, оставив после себя лишь едкий запах дыма. Прорыв в ткани реальности, из которого тек огонь, потихоньку затянулся. Нокс облегченно вздохнул и, обессиленный, рухнул на землю, пытаясь отдышаться.

— Хм, — произнес голос, — значит иногда ты все-таки готов прислушиваться к голосу разума.

Теург мрачно улыбнулся.

Над плоским плато сияло солнце. Его лучи осветили безжизненную землю. Тут и там стояли почерневшие пни. Земля обуглилась и остекленела. Некогда бурный лес превратился в дьявольскую пустошь. Смог, что заволакивал небо туманной дымкой, тоже медленно рассеивался.

Теург, который к тому моменту немного оправился от борьбы, оглянулся вокруг. Насколько хватало глаза деревья были выжжены вместе со всем живым. По его прикидкам мертвая земля простиралась метров на двести или больше. Чудовищный жар колдовского пламени иссушил все, до чего мог дотянуться.

Нокс взял мицелана под уздцы и пошел дальше. Время от времени он останавливался и прислушивался в ожидании нападения. Унылый пейзаж начал меняться. Впереди показались лачуги. Нокс облегченно выдохнул. Очередная деревня не попала под удар заклинания. Он ускорил шаг и двинулся вперед. Однако, едва войдя в пределы поселения, теург не встретил ни души.

Его настигла густая гнетущая тишина. Дома стояли на местах и не были повреждены. Теург подошел к лачуге, приоткрыл дверь, взглянул на убогое убранство. На столе стояла утварь. Он подошел ближе. В глиняном горшке плескалась какая-то еда. Тарелки наполняла та же скудная пища, изрядно остывшая и заветренная. Из дома уходили в спешке, явно того не желая. Жильцы куда-то делись. Осмотрев еще несколько домов он встретил ту же картину. Нокс остановился, пытаясь придумать, что делать дальше.

— Оххх...

Теург вздрогнул и рефлекторно выхватил клинок. Из-за соседнего дома раздался

отчетливый стон. Нокс превратился в слух. До его ушей донеслось тяжелое дыхание.

— Охxxx...

Звук повторился. Теург сделал несколько осторожных шагов. Затем еще и еще. Звук повторялся, ему вторил медленный шорох. Нокс крался, пока не добрался до очередной ветхой лачуги. Он коснулся угла деревянного домишки, аккуратно выглянул из-за угла и скривился от отвращения.

На земле, опершись на ветхую стену, сидел грязный, оборванный человек с длинной бородой. Волосы старика спутались и слиплись. Остатки одежды покрылись темными пятнами, от человека несло кровью. На месте глаз зияли темные, запекшиеся красным провалы. Человек стонал. Было видно, что каждый вдох дается ему с трудом. Теург убрал клинок и сделал несколько шагов.

— Кто, кто здесь?! Покажись! — Воскликнул человек, собрав остатки сил.

— Всего лишь путник. Не бойся меня.

Нокс сделал еще несколько шагов.

— Стой на месте! — Старик пошарил рукой и неуверенной рукой схватил короткий скорняцкий нож, направил его на теурга, — Стой! Ни шагу!

Руки старика тряслись, словно у того была лихорадка. Внезапно человек закашлялся и вновь оперся спиной о стену, стараясь вдохнуть. Оружие выпало из корявых, лишенных силы пальцев.

— Я не причиню тебе зла, — сказал Нокс. Он достал бурдюк с водой и вложил в руку старика. Учуяв воду, тот осторожно понюхал содержимое и принялся жадно поглощать живительную жидкость.

— Вард? Сын, это ты? Ты все таки вернись, ты жив, — прошептал старик, — я думал он и тебя погубил.

Губы человека сжались. Он закрыл искаженное мукой лицо ладонями, из-за своего увечья неспособный даже заплакать.

— Что здесь случилось? — Спросил Нокс.

— Колдун, проклятый выродок. Мы отдыхали после работы в поле, все случилось так внезапно. Он налетел как стихия. Этот нелюдь вырезал всех. Владыка, я до сих пор слышу их крики! Он убил всех и выбросил их как мусор. Сложил в амбаре, будто какие-то чучела из соломы! Владыка, спаси их души.

Старик указал на ветхий дом за спиной.

Нокс поднял голову, быстрым шагом подошел к амбару и открыл дверь. От увиденного брови сами собой поднялись вверх, а желудок скрутило узлом. На замызганном деревянном полу кучей валялись окровавленные тела. Женщины, дети, мужчины. Никак не меньше сорока человек. Может больше. В амбаре стоял тяжелый запах испражнений, крови и изувеченной плоти. Он многое повидал, но такое кошунство раз за разом вызывало одни и те же чувства. Теург ощутил, как в душе поднимается пламя. Он вернулся к старику, который все еще что-то бормотал.

— Вард, ты.

— Прости, ты ошибся. Я не твой сын. Всего лишь бродяга. Я не могу вернуть их или обратить вспять то, что случилось. Но одно сделать в силах. Я обещаю, тот, кто это сотворил, заплатит за их жизни больше, чем смертью.

— Ты не Вард? Но твой голос так похож на его. Кто ты тогда? И где, где мой сын?

— Прости, этого я не знаю. Я теург. Теург, как и тот, кто причинил вам зло.

— Колдун, — старик прошептал.

— Ты явился, чтобы забрать мою жизнь? — Спросил он с какой-то смиренной обреченностью.

— Нет.

— Мария, несчастная Мария. Она была доброй девушкой. Бедный Карл, ему не исполнилось и шести. Он не пощадил никого. Даже младенцев. Владыка, что мы вам сделали? Чем мы заслужили такую кару? За что? Скажи мне, колдун!

Старик всхлипнул и утер глаза, смахивая невидимые слезы.

— Я хотел бы утешить твой дух и дать ясный ответ, однако у меня его нет. Но виновному это с рук не сойдет. Будь уверен. Я иду по его следу и вскоре его настигнет кара.

— Он убил их всех. Зарезал словно скот. Как мясник на бойне, — причитал старик.

— Здесь есть еще кто-то? — Спросил Нокс.

— Нет. Нет, остался только я.

— Как ты выжил?

— Проклятый оставил меня. Оставил ради забавы. Чтобы посмеяться над моими страданиями. Так я поначалу думал. Он смеялся. Они молили, а он улыбался. Этот нелюдь собирал их кровь словно какой-то демон. Владыка, я больше не могу слушать их голоса. Я пытался проткнуть себе уши, но у меня не осталось сил даже на это. Он хотел, чтобы я страдал. А потом он начал говорить.

— Что он сказал?

— Он велел, чтобы я кое-что передал первому колдуну, который придет сюда.

Нокс не удивился. В конце концов, его враг не зря устроил это представление.

— Что он велел тебе передать?

— Он сказал, что будет ждать того, кто придет. На северо-западе отсюда. В десяти лигах около старых развалин. Боже чем мы все это заслужили?

Выражение лица человека исказилось судорогой. Шок и потеря крови делали свое печальное дело.

— Вард. Сын. Тут опасно, скорее беги, пока он не вернулся.

Старика охватил бред.

— Спасибо. Владыка благословит тебя за стойкость.

— Вард. Ах. Как же я устал.

Старик запрокинул голову и начал тяжело дышать. Из его горла вырывались хриплые вдохи.

В душе теурга плескался гнев. Какая жестокая и бесполезная трата жизней. Какое предательство обещания, которое давали все причастные к тайному ремеслу. Клятвопреступление, достойное самой жестокой кары. О, это не останется безнаказанным. Сегодня Владыка будет ликовать. Он напьется поганой крови предателя и ввергнет его душу в небытие.

Нокс осторожно обнажил клинок.

— Клянусь, вы будете отомщены. Все вы.

Земля вновь окрасилась в алое.

Десять лиг растянулись на целую вечность. Где-то к середине пути дорога окончательно раскисла и превратилась в сплошное грязное полотно. К закату на горизонте показалось черная как карандашный грифель громада. Впереди лежал непролазный лес.

Нокс посмотрел по сторонам, прислушался и прищорил мицелана. Лес приближался, и чем ближе становились очертания простирающихся до небес деревьев, тем меньше признаков жизни было вокруг. Птицы встречались все реже и лишь одинокие желтые и синие цветы на темнеющей пустоши говорили о том, что тут еще есть хоть что-то кроме грязи и камней.

Теург подъехал вплотную к лесу. Небо было подернуто дымкой. Такой густой, что лучи заходящего солнца сквозь него едва пробивались, оставляя землю в тоскливом полумраке.

Впереди торчали густые колючие кустарники. Их шипастые побеги стелились и тянули к путникам свои корявые руки. Нокс остановил скакуна и спешился. Прошел направо, затем обратно пока, наконец, не нашел дорогу. Тропинка была узкой и заросшей темно-серыми травами по пояс высотой. Немного подумав, теург оставил мицелана и двинулся вперед один.

Путь был не из простых. Обломанные деревья щетилились острыми корявыми ветками, дорогу перекрывали буреломы, которые полностью блокировали и без того немногочисленные проходы. Приходилось перелезть через завалы, оставляя немало сил по пути.

Нокс начал уставать от однотипного вида и надоедливых препятствий, когда дорога выровнялась. Впереди, в окружении огромных деревьев, словно усталая заботливыми руками колыбель, лежала поляна. Ветви могучих дубов и жалениц сплетались, создавая ощущение огромного шатра. Как в мифах про лесопоклонников, которые в детстве ему читала сестра.

Теург прошел вперед. Еще немного. Вдали показалось странное изваяние. Оно было неровным, но явно рукотворным. Теург ускорил шаг и вскоре перед его глазами появился величественный особняк на три этажа. Своды остались целы, резные стены покрывала густая мшистая растительность. Сквозь зияющие оконные проемы извилистыми хаотичными грядами торчали ветки всех возможных размеров и форм. Оглянувшись, он увидел и другие постройки. Высокие и низкие, совсем домишки. Все они стояли полукругом, в центре всего в самое небо уходил шпиль из странного белого материала. Не то из камня, не то из металла.

Теург собирался изучить странный конструкт, но не успел.

Атака была стремительной и неожиданной. Чутье закричало об опасности. Он упал и перекатился вбок. Что-то грохнуло так, что заложило уши. Ошарашенный Нокс вскочил и выхватил меч, озираясь по сторонам как загнанный зверь. Все нутро скрутило снова, тело пронзило ледяными шипами: на сей раз что-то двинулось сзади. Шаг, другой. Теург отпрыгнул в последний момент.

Могучая сила ударила по земле, подняв клубы грязи.

Оценив ситуацию, Нокс бросился к ближайшему толстому дереву. Несколькими прыжками добрался до цели и развернулся, готовый действовать. Широкий ствол древнего дуба был словно стена. Теург остановился всего в метре от него и напряженно всмотрелся в полумрак, что стоял под сенью леса. Шаги по ту сторону пелены были медленными и плавными, но уверенными, наглыми. Вскоре он увидел нападавших. Навстречу ему шли трое.

Первый носил серую накидку. Его лицо было скрыто под повязкой. В руках долговязый в капюшоне нес лук. Теург с неприязненным осознанием понял, что уже видел это оружие. Второй был высок, на несколько голов выше лучника, и широк в плечах. Он возвышался над всеми словно гора. В руках громила держал широкий меч ростом с человека. В последнем, который держал два кинжала, не было ничего примечательного кроме лица. Водянистые

глаза на каком-то диком, почти зверином рыле и безумный взгляд, выдававший жестокого убийцу.

Троица шла медленно. Нокс посмотрел на врагов и с отвращением харкнул в сторону.

— Прихвостни предателя, чего и стоило ожидать от такого труса.

Одну ногу он отвел назад. Другую едва заметно изогнул. В голове с огромной скоростью мысль сменяла мысль. Он знал, что нужно делать. И тем не менее, бросаться на врага, не оценив способностей третьего, было опасно. Каждый из троицы нес артефакт. Оружие было зачаровано. Магическая вонь выдавала творения демиургов.

— Чего ты там бормочешь? Мы не расслышали, — сказал тот, что в капюшоне скрипучим тоном.

— Вы только гляньте, это что за поза у него такая? — Пробасил громила.

— А это он от страха наложил, полны штаны уже, — коротышка с кинжалами указал на Нокс. Все трое остановились и разразились гулким гоготом.

Нокс взглянул на кинжалы и прищурился.

— Не, я слыхал, что паршивые колдуны в зад друг друга балуют, это от того он такой гнутый.

И вновь приступ гогота. Смех разносился по пустоши леса, отдаваясь эхом. Нокс напряг зрение. Кинжалы отдавали пульсирующей энергией с привкусом шторма. Вот оно что...

— Вы на его меч гляньте. Это ж дубина, а не клинок!

— Мне Лоренц говорил, что их мечи как сиськи девственницы стоят на рынке алхимиков. Э, ваше благородие, давай его сюда! Тогда глядишь не будем тебя больно калечить перед тем как дух испустишь! — Крикнул коротышка хриплым и каким-то писклявым голосом.

В душе Нокса поднималась холодная ярость.

— Приберегите свои голоса, шелудивые псы. Они вам еще пригодятся. Сегодня пучины Араха огласятся вашими воплями так, что сами демоны оглохнут!

— Ого, а у него есть яйца, слушай, ты...

Закончить коротышка не успел. Нокс одним рывком добрался до всей оравы и махнул мечом. Главарь шайки пригнулся, лишь чудом его голова осталась на плечах. Остальные бросились врассыпную. За мгновение оправившись от недоумения и оторопи, все трое накиннулись на теурга.

— Лим, кончай ублюдка!

Позади послышался свист тяжелого меча. Нокс слегка вильнул влево и чудовищный клинок вгрызся в землю. Нокс не глядя ударил локтем и попал точно в горло здоровенному громиле. Тот закашлялся, оступися и схватился за глотку, чуть было не выронил меч. Слева на полном ходу мчалась стрела. Нокс сделал пас рукой, прочел короткий мотив. Тотчас смертоносный снаряд обратился плеском раскаленного металла. Земля, где приземлились капли расплавленной стали, зашипела от жара. Теург зашипел сквозь зубы. От заклинания все тело отдалось болью.

«Слишком много сил...»

— Как так?

— Парни, пригнитесь!

Коротышка с ловкостью, но без всякой грации отпрыгнул от Нокса и замахнулся одним из клинков.

— Ты сбрендил, нас заденешь, идиот!

Коротышка ничего не ответил и от души швырнул черный изогнутый кинжал. Лезвие превратилось в тонкую черную тень. Оно двигалось с такой скоростью, что даже самый зоркий глаз выхватил бы лишь мимолетный послеобраз. Теург резко махнул таким же черным мечом. Раздался пронзительный визг металла и следом вопль боли. С дерева рухнул лучник. Летящий клинок рассек ему руку от ладони до плеча. Лезвие застряло в кости, вспороло плоть.

Уже готовый закончить этот фарс, Нокс почувствовал присутствие кого-то за спиной, он обернулся и взмахнул клинком еще раз. Слишком поздно. В лицо прилетел клуб едкой пыли. Нокс оступился, закашлялся и попытался проморгаться. Едва глаза перестало щипать, он ощутил приступ мучительной боли. Всего через мгновение и без того невыносимая боль превратилась в агонию. Мир перед глазами завертелся в беспорядочном вихре.

Теург выронил меч и рухнул на колени. Спазмы скручивали все тело, вызывая новые волны страданий. Он зарычал, стараясь подняться на ноги. Но сил хватало только на то, чтобы не выключиться.

— Ха, колдун не соврал. Что такой бледный, а, урод?

Теург с трудом поднял глаза. Это стоило огромных усилий. Внутренняя, почти тщетная борьба с собственным телом и попытки ослабить боль сменились удивлением. Перед ним стоял Гирион. Лицо беловолосого украшали шрамы.

— Не беспокойся, господин колдун. Ты не умрешь. Не сейчас. Так просто я тебе этого не позволю. Нам предстоит долгое знакомство. Я сполна отплачу тебе за то унижение, которому ты меня подверг.

Нокс несколько раз вздохнул, закрыл глаза в отчаянной борьбе. Он дышал как умирающая лошадь.

— Тащите-ка его в повозку.

— Что, уже?

— Да, уже! — Резко ответил Гирион.

— А не лучше ли кончить его прямо сейчас? Опасный ублюдок-то.

— Нет. Времени мало, а дел много. Другой говорил, вечно эта дрянь действовать не будет. И вообще твое дело не вопросы задавать, а работать. Делай то, за что тебе платят!

— Как скажешь, начальник, — пожал плечами коротышка и смачно сплюнул на землю.

Нокса охватил новый приступ агонии. Слишком сильный, чтоб ему сопротивляться. Теург почувствовал, как мир ускользает в небытие. А может это он ускользал, испытывая последние мучительные мгновения. Сознание быстро угасало.

Внезапно вместе с болью пришло умиротворение. Безразличие, похожее на смирение человека, который оставил все силы. А за ним... А за ним — что-то другое. Нечто темное и зловещее. То, что скрывалось на самом дне души. Будто бы само его существо противилось мысли о верной гибели от рук этих жалких созданий. На осознание времени не было.

Внутри разгорелась ярость. Не та холодная злость, что как сталь точно и ловко разила врагов. Это было что-то другое. Скорее лесной пожар, сжигающий все, к чему прикоснется. Он был в гневе. В гневе за свою слабость. В бешенстве за то, что они сделали и что сотворил проклятый предатель.

"Я не позволю!"

Глаза теурга резко распахнулись. Он издал душераздирающий рев и метнулся в сторону с нечеловеческой скоростью.

— Что происходит?!

— Я думал, он должен лежать!

— Ты говорил, он лишился сил!

Один взмах меча и коротышка, готовый к новой атаке растворился в кровавой дымке. Его разделенное надвое тело рухнуло как мешок. На сухую землю вывалились еще теплые внутренности. Нокс перевел безумный взгляд на громилу. Тот в ужасе попятился, а затем бросился вперед, пытаясь разрубить теурга. Но колдун поймал меч голой ладонью и вырвал его у врага. Когда тот попытался ударить кулаком, теург отвел руку гиганта и одним точный ударом пробил ему грудь. Сердце алым пульсирующим комком торчало в руке Нокса. Содрогающийся ком плоти, наконец, затих, сделал последний удар, когда теург бросил его на землю. Из раны хлынула кровь, окатив теурга с ног до головы.

С довольной улыбкой Нокс прикрыл глаза, подставляясь под струю крови как под душ. Вдруг он развернулся, поднял два пальца. Целивший в него раненый лучник взвизгнул и с громким треском обратился пеплом. Обычно он не позволил бы себе использовать теургию так часто. Эйдос огня был капризным и непредсказуемым, а его контроль над ним, даже спустя много лет — слишком слабым. После усмирения такого количества пламени он был до предела истощен. Пользоваться силами эмпиреев было самоубийственно опасно. Но сейчас, войдя в раж битвы, Нокс оставил все мысли.

Наконец, тяжело дыша, заклинатель посмотрел на Гилиона. Бросил полный ненависти взгляд. Гилион трясущимися руками нащупал новую горсть порошка, но на сей раз удача ему изменила. Нокс в мгновение ока приблизился к белобрысому и едва заметным движением отсек ему руку.

Гилион схватился за культю, которая начиналась от локтя, и издал отчаянный вопль. Он, наконец, все понял. Беловолосый отгородился от теурга единственной оставшейся рукой.

— Стой, прошу тебя!

— Молчи, — угрожающе просипел Нокс, — ты сам отказался от моего дара.

Ловким движением теург отсек ему вторую руку, а затем и обе ноги. Наконец, отрубил Гилиону голову. Вопящая фигура белобрысого замолчала.

Теург тяжело дышал. Адреналин и эссенция, которые поддерживали его на ногах, медленно выветривались. Нокс оступился и вонзил меч в землю. Оперся на него, чтобы не упасть. Дело было плохо. Он медленно выжигал яд, но это отнимало слишком много сил.

— Bravo, bravo. Воистину, как хорошо сработано. Достоин палача вроде тебя.

Нокс повернул голову и тяжело вздохнул, стараясь перевести дух. Со стороны старого особняка к нему шел человек в камзоле.

— Ластер.

Ластер прошел мимо трупов, перешагнул одного из покойников. Подойдя к Ноксу, он с отвращением отер ногу о траву, избавляясь от остатков крови на подметке, кинул пренебрежительный взгляд на изуродованное тело Гилиона.

— Хм. Все-таки иногда и такие отбросы могут на что-то сгодиться. Болван. Он и вправду думал, что у него есть шанс против того, кто посвящен в тайное знание.

Нокс собирался с силами, тяжело и прерывисто дышал, будто только что преодолел много лиг на своих ногах. Дело было дрянь. Несмотря на все отвращение, он вынужденно признавал свое плачевное положение. Теург или нет, какой бы силой он ни обладал, она ушла и не спешила восстанавливаться.

— Не нужно было лезть, Нокс. Тебе следовало сдаться или тихо сдохнуть, подобно

остальным. Еще там, в зловонной канализации. Но вот ты здесь. Гонимый своим упрямством и гордыней.

Чтобы потянуть время, теург заговорил с еретиком.

— Что поделать. Никогда не отличался покладистостью. Я думал, лицемерные чистоплюи вроде тебя всегда берутся за работу сами.

— Он все-таки продал меня. Да, чары были несовершенны. Впрочем, чего ожидать от мелкого пса семейки Хорстам. Стоило наложить заклинание посильнее. Что ж, за промахи нужно платить неудобством. Впрочем, это уже не имеет значения.

— Не беспокойся, расплату я тебе обещаю.

— Что ты можешь сделать? — Ластер спросил с нескрываемым весельем и презрением к раненому противнику. — Лишился всей своей силы, едва стоишь на ногах, вот-вот рухнешь как мешок, а все еще хорохоришься.

— Думаешь, я один? Если вдруг тебе улыбнется удача и Владыка решит, что час пробил, на мое место придут другие, те, кто верны своей клятве и служению.

— Значит их постигнет та же участь, не важно, сколько их придут. Я не позволю вам, фанатикам, вершить судьбы всех вокруг.

— Ты самоуверен, раб Обманщика. Тот, кто продал свою душу ради мимолетной прихоти.

— Ты слеп. Но даже если бы это было так, чем же мы так отличаемся, м, Нокс? Или скажешь, что обратиться этим, было твоей волей? Ты волен распоряжаться своей судьбой? Своей жизнью? Можешь решить, куда идти, когда существовать, а когда кануть в небытие?

— В отличие от тебя я не продавал свое тело и душу Обманщику и всегда был верен клятве. Каждый день я живу ради того, чтобы этот мир продержался еще хоть немного. И я существую ради того, чтобы исполнить свой долг перед Светлым.

— Хах, — усмехнулся голос, — лицемер. В твоих словах нет и доли правды. Я знаю подобных тебе. Монстры в шкурах праведников, одержимые мнимым долгом перед несуществующей силой. Вот только на сей раз ты свой долг не исполнишь. А я — исполню.

Нокс криво усмехнулся.

— Чего стоят слова о долге из уст предателя. Скажи, приятно ли было обращаться? Что он тебе посулил?

— Ты болван, такой же, как они. Все они. От праздных магистров-тауматургов до крыс, которые копошатся в дерьме, проливая свою и чужую кровь. У меня есть то, чего нет ни у кого из вас. Я свободен. Свободен и получил то, чего желал больше жизни.

— Раб Темного, который говорит о свободе. Как нелепо, — сказал Нокс.

— Я служу лишь одному господину, Нокс. Одному единственному. Тому, кто достоин, а не мифическому благодетелю. И этот господин — я сам. Я делаю то, что пожелаю.

— Как же вышло, что погибло столько народу? Это то, чего ты желаешь? Бессмысленной резни?

— Очень скоро ты поймешь, что эта жертва была необходима. Это вопрос нашего выживания. В конце концов, так будет и сейчас. Я выживу, а ты останешься здесь.

— Слова, достойные такого высокомерного ублюдка.

Оба сделали по несколько шагов. Мечи встретились в торжествующем реве стали. Раздался скрежет. Они обменялись быстрыми ударами. Мышцы гудели. Клинок Ластера взмыл вверх и так же стремительно опустился по дуге. На плече Нокса расцвела кровавая линия. Но он не остался в долгу. В момент атаки теург взмахнул черным клинком и

полоснул Ластера по бедру, едва не повредив артерию.

Оба вновь скрестили мечи. Ластер оттолкнул теурга. Нокс встал в стойку, готовый к новой атаке.

— Толстокожий урод, — выругался Ластер, глядя на все еще стоящего Нокса, теургу показалось, что он напуган. — Вы — воистину отвратительное племя, которое должно быть стерто из этого мира.

— Скажи мне, к чему такие сложности? Подослал ко мне убийцу, пытался купить, вызвал в наш мир сущность Пепельного пламени через разрыв реальности. Почему бы не сделать все самому и с самого начала?

— Потому, что ты слишком опасен, а я... — ответил Ластер, все еще глядя на Нокса, не переводя взгляда, — у меня еще были дела.

— Ты же теург, свободный слуга могучей воли. Разве твой господин не дал тебе сил? Или ты просто боялся?

Ластер сжал губы в гневе.

— Неужели ты и сейчас боишься меня, гордый колдун?

— Бешеного зверя надлежит усыплять осторожно, — прошипел Ластер, а в случае с таким упертым псом, это справедливо вдвойне. Ты никак не желал оставлять поиски дочери барона, как бы я ни старался.

— Она стала еще одной жертвой твоего безумия?

Ноги Нокса, который все это время стоял подкосившись. Он споткнулся, прислонился спиной к большому стволу и медленно осел, все еще наблюдая за своим противником. Вопреки тому, на что он рассчитывал, сил становилось все меньше.

Ластер, довольный таким положением вещей, опустил клинок. Ощущая бессилие Нокса, он расслабился. С довольной физиономией предатель повернулся спиной к изможденному противнику, посмотрел вдаль.

Теург не терял времени. Быстрым движением он создал печать, изгоняющую тьму. Но вместо завершения сложной руны начал вливать ту немногую энергию, что еще оставалась, в правую руку.

— О, с ней все непросто. Она настоящая аллегория человеческой жизни, как та задумана создателем. Кем бы он ни был. Ни жива, ни мертва. Великолепная дихотомия. Бедный фанатик. Воистину, ироничная ситуация. Ты прошел весь этот путь, а ответа найти не можешь. Но больше я ничего тебе не скажу.

— Вот и прекрасно. А то я начал уставать от твоей болтовни.

Стремительным рывком Нокс ринулся вперед. Ластер едва успел повернуться. Удар пришелся точно по лицу. Вечерний лес озарился ярким белым светом. Нокс внутренне возликовал. Ластер взревел не своим голосом. Собранный энергия печати Владыки нанесла ему чувствительную рану. Шансы еще оставались.

Отступник споткнулся, но устоял на ногах. На лице Ластера виднелся красный с черным след. Кожа в месте удара обуглилась и обратилась ничем. Противник кинулся с мечом на Нокса. Тот парировал удар и нанес собственный. Клинки сверкали и звенели, металл жаждал крови.

Коротким финтом Ластер отвел меч Нокса и выбил оружие у теурга. Нокс ударил ногой, отбросил противника, упал, перекувырнулся и поднял клинок. Вновь прыгнул на противника, готовясь нанести удар. Оставались считанные сантиметры. Три шага, два... Теург замахнулся, готовый завершить атаку, но внезапно почувствовал холод и резкую боль.

Внутри что-то противно хрустнуло.

Нокс посмотрел вниз, словно не веря произошедшему. Серебристый клинок вонзился прямо грудь, чуть ниже сердца. Теурга накрыла волна мучительной боли, а затем пришла слабость. На черную сутану и сапоги хлынула кровь. Ноги подкосились сами собой. Однако упасть ему не позволили. Нокса подхватили жилистые руки.

— Как я и говорил, я выживу, а ты останешься здесь. Забытый навек, — Ластер схватил теурга за плечо и вонзил клинок еще глубже. Из горла Нокса вырвался хриплый тихий крик. Обагранный кровью меч повредил позвоночник и вышел из спины.

— Я с самого начала говорил, что ты угроза, которую нужно устранить. А она считала, что ты станешь достойной жертвой. Плотью и силой для нового рождения. Думала, что ты сможешь дать ей то, чего не смогли дать другие, даже я! Но этого не случится, она будет моей и только моей! А ты не обретешь покоя даже в смерти! Ты никогда не воссоединишься с тем богом, которого так превозносишь!

Ластер резким небрежным движением вытащил клинок. Меч с чавкающим звуком вырвался из плоти. Теург, обливаясь кровью, опрокинулся на живот.

— Прощай, пусть вечность в этом забытом месте станет тебе проклятием.

Ластер удалялся и вскоре исчез из виду. Грудь и живот мерзко холодило. Он перевел взгляд в сторону и увидел огромную красную лужу, которая тем временем продолжала разрастаться. Нокс услышал знакомый шелест крыльев. Он был в сознании, когда рядом с ним село птицеподобное существо. Висп протянул маленькую записку. Видя, что его господин не может развернуть пергамент, создание помогло. Маленькие, похожие на руки лапки развернули послание.

Из последних сил Нокс перевел взгляд на пергамент. На листе пожелтевшей бумаги было написано ровно четыре слова:

«У Лангоса нет детей»

Нокс внутреннее усмехнулся. Теперь он все понял. В последние мгновенья теург услышал громкий рев и ощутил мощный всплеск энергии поблизости. Наконец, сознание покинуло его измученное тело, уступив место глубокой как колодец тьме.

Ластер грубым толчком отворил скрипучую дверь. Полотно с грохотом ударилось о стену. Внутри пахло прелым деревом и сыростью. Комната, которую он спешно обшаривал глазами, бросаясь из стороны в сторону, была темной и неудобной. Колдун одернул старую ветошь, но никого не нашел. Топчан у дальней стены стоял пустым.

— Ты вернулся.

Ластер вздрогнул и повернулся.

Перед ним стояла молодая женщина с уставшим, изможденным лицом. Ее утонченные, почти восковые черты выглядели словно принадлежали умело сделанной кукле. Не мешкая ни секунды, он быстрым шагом подошел к ней. Оказавшись вплотную, Ластер заключил ее в объятия. Прижался щекой к медленно вздымающейся груди.

— Слава богам. Ты цела.

Она нежно, почти по матерински погладила его по голове.

— Тише. Все хорошо. Я здесь.

— Извини, меня не было слишком долго.

— Не надо лишних слов. Я все знаю.

— Я, я все сделал как было должно! — Выпалил он, — выбора не было! Он больше не причинит нам вреда!

Она заметно помрачнела.

— Ясно. Так значит, он мертв.

В голосе женщины звучала горечь.

Ластер виновато опустил глаза.

— Я пытался, правда пытался, прости меня! У меня ничего не вышло. Он был слишком силен, опасен и непредсказуем. Я боялся, что он навредит тебе. Навредит нам обоим!

Она подняла руку и помотала головой.

— Ты ни в чем не виноват. Ты делал как было лучше для меня, о большем я не могу и просить. Пусть упрямый колдун сгниет, не зная покоя, а его кости растащат дикие звери.

Он машинально кивнул.

— Так ты знала, что я задумал?

— Конечно же знала. С той самой минуты, когда ты явился раненый когтями того существа. Я видела, как ты тревожишься, как страшишься. А когда ты внезапно пропал, передав мне всего пару скупых весточек, я поняла, что-то не так.

— Тогда почему ты все еще здесь? Я же умолял бежать как можно дальше! Ты хоть представляешь, как это опасно? Если бы я не справился...

Она должна была уйти в тот миг, когда он отправился в проклятый лес. Когда рискнул всем, не готовый поставить и денария на собственную судьбу и свое выживание. Он шел туда чтобы победить или выиграть немного времени.

— Я верила, что ты справишься, и мне не будет угрозы. По-другому произойти не могло. Но если бы случилось так, что мой избранник потерпел поражение, мне бы не было покоя ни здесь, ни за много лиг в самом укромном убежище. Такие как он знают свою работу слишком хорошо. Какая в таком случае разница?

— Но я справился! Справился! Скажи, ведь теперь мы свободны?

Она ласково улыбнулась.

— Да. Теперь мы свободнее летнего ветра. Мы вновь вольны делать что хотим и идти куда пожелаем. Теперь, когда я почти обратилась и вернула свою силу.

— Тогда уйдем отсюда! Мне невыносимо надоел этот город! Мне до тошноты осточертели его обитатели! Теперь, когда твоя болезнь отступила, я хочу скорее уехать отсюда, уехать и забыть обо всем! Идем же!

Он взял ее за руку и повлек за собой к выходу из смрадных трущоб. Однако она осталась на месте. Не сдвинулась ни на шаг, словно безмолвное изваяние.

— Что с тобой? Ты устала? Тебе снова нездоровится?

— Нет. Твоими стараниями мне стало намного лучше. Жизнь вновь в моих собственных руках. Я полна силы, будто никогда не страдала от той безысходной немощи.

— Тогда идем же! Времени мало! Они скоро прознают, что мы убили одного из их племени! Нужно уходить!

— Я не могу. Еще не время. У меня осталось одно незаконченное дело.

— Что?

Ластер был сбит с толку.

— Нам больше никто не угрожает. Колдун погиб, его брренное тело оставлено на потеху падальщикам. Но с его смертью я потеряла нечто очень важное. Теперь у меня не осталось другого выхода.

Она перевела на него темный взгляд.

— Я так благодарна. Ты не представляешь, что значат те жертвы, на которые ты решился. Но, чтобы обрести себя, мне понадобится нечто большее.

Ластер отпустил ее руку и отпрянул.

— Выполнишь ли ты мою последнюю просьбу? Дашь ли мне то, чего я так хочу?

Он изменился в лице.

— О чем ты говоришь? Я не понимаю.

— О нет, ты все отлично понимаешь.

С демонической ухмылкой, возлюбленная сделала несколько шагов ему навстречу.

Он потерял счет времени, если оно вообще здесь что-то значило.

"Где я?"

Клубами сквозь тьму стелилась дымка. Влажная как могильная землю и густая как туман над рекой.

"Что случилось?"

Безмолвная тьма, лишённая всякого звука, всякого чувственного образа проталкивала полубессознательную фигуру глубже в свою черную безгубую пасть.

"Что я такое?"

Клубы эфемерного дыма обволакивали словно похоронный саван.

"Неужели я умер? Вот так просто?" Это была не благородная смерть, достойная малефиканта. Бой с могучим порождением тьмы? Битва с врагом света, который вылез из самой бездны Араха? Ничего подобного! Он погиб в мелкой стычке, затравленный обычными бандитами и жалким предателем. Никакой боевой славы. Никакого чертога Владыки, никакого господина, дарующего благословение своему верному слуге. Лишь вечная тьма и забвение. Его окатил стыд.

Он посмотрел по сторонам, пытаясь отыскать хоть что-то в бескрайнем болоте тьмы. Тщетно.

Если так, что же будет с его боевыми братьями? С орденом? А как же Рея? При мысли о сестре его обуял ужас. Как они будут жить в таком мире? Мире, который он не смог изменить. Душу сковала глубокая тоска. В этом странном мире она ощущалась особенно остро.

Тьма несла и несла вперед, словно вода. Нокс смотрел вперед, но все бесполезно. А затем он увидел. Увидел огонек в бескрайнем просторе черноты. Он попытался сделать шаг, но не сумел. У него не было ног. Попробовал шевельнуть рукой, но снова не вышло.

"Проклятье. Если бы я мог хоть пальцем пошевелить!".

Стоило подумать, как волны эфемерного пространства подхватили его нематериальное тело и бесцеремонно потащили вперед, словно игрушку. За мгновение он оказался там, где хотел. В пустом пространстве висел белый огонек. Он источал слабый призрачный свет. Теург неуверенно протянул руку и коснулся потустороннего существа. Ему тут было не место.

Мир завертелся и вдруг затих. Нокс оказался в странной комнате. Убранство подобало скорее больнице, чем чему-то иному. Пахло спиртом и горькими травами. За столом сидел дородный господин в изящной, болотного цвете шапочке с пером. Перед ним, опершись руками на темное дерево столешницы, стояла девушка с длинными рыжими волосами и зелеными как свежая листва глазами.

— Это неправда! Должен быть способ! Я знаю! — Отчаянно воскликнула девушка, закутанная в плащ.

— Но это так, госпожа! Яд келмура разрушает тело в самой своей основе! Я бы с удовольствием помог, если бы имел такую силу, — спокойно и с какой-то растерянностью ответил мужчина.

— Но вы же лекарь!

— Вот именно. Я лекарь! Всего лишь лекарь. Вашего возлюбленного спасет лишь чудо, на которое ни один смертный не способен. Здесь не обойтись без божьего вмешательства, но неужели я похож на бога?

Девушка поникла, ее плечи опустились. Гнев сменился глубоким отчаянием. Глаза померкли, как у человека, который только что лишился последней надежды.

— Прости. Мне жаль, госпожа. Хотел бы я тебе помочь. Но я не в силах.

Дымчатый образ сменился новым. Затем еще и еще. Перед глазами Нокса сменялись десятки образов. Благородные лица лекарей и теургов, способных в исцелении, некоторых он встречал раньше. Безобразные физиономии старух, которые практиковали тайные ритуалы. И выражение отчаяния на юном лице, обрамленном рыжими как осенний лес локонами.

После очередного рывка он оказался в затемненной комнате. Девушка сделала неуверенный шаг в полутьму помещения.

— Здравствуйте? Могу я войти?

Никто не ответил. Гостья напряженно вслушивалась в темноту, но та безмолвствовала. Постояв, она повернулась и медленным шагом пошла к выходу.

— Входи, дитя, — раздался глухой голос.

Девушка вздрогнула и резко обернулась.

В углу стояла фигура, облаченная в просторный серый балахон с капюшоном.

— Прости, если напугал тебя. У меня давно не было посетителей. Я не ожидал гостей, да еще в столь поздний час.

— Извините меня, господин. Если вам неудобно, я приду в другой раз.

— Что ты! — Фигура махнула рукой в серой перчатке, — гость есть гость. Когда ты отшельничаешь так долго как я, учишься ценить новые знакомства в любых обстоятельствах. Кроме того, у меня всегда найдется время для того, кто нуждается в помощи. Скажи мне скорее, что привело тебя в мою обитель?

Голос звучал весело и бодро. Однако Нокс никак не мог понять, кем был этот странный человек. Последующие несколько минут девушка рассказывала о своей беде. Когда она закончила, странный человек хмыкнул и положил большой палец туда, где предположительно был подбородок.

— Вы можете мне помочь?

— Хм. Так значит ты как и многие пришла в надежде найти чудо. — Констатировала фигура.

Она не умела врать и скрывать чувства. Нерешительное выражение лица выдавало истинные мысли. Он был прав. Абсолютно прав.

— Мне сказали, если и есть на свете кто-то, способный на такое, так это вы. Называйте это чудом или божьей помощью.

Видя молчание человека, она неуверенно выпалила.

— Если дело в деньгах — я отдам вам все, все что у меня есть! Только помогите!

Она достала небольшой мешочек. В ткани важно звякнуло, выдавая богатое содержимое, но фигура лишь махнула рукой и покачала головой.

— Убери их, дитя. Деньги — это последнее, что может понадобиться таким, как я.

— Но...

— Я могу помочь тебе. Это правда, — ответила фигура. — Я и подобные мне — мастера творить невозможное. То, о чем ты просишь — в моей власти. Вопрос лишь в том, готова ли ты заплатить цену, которую я попрошу. И речь идет вовсе не о золоте. Мне понадобится кое-что другое. Кое-что, чему нет цены.

— Я готова! Готова на все! — Воскликнула девушка с чувством.

— Какая самоотверженность. Какая любовь, — голос незнакомца дрогнул, — хорошо. Я принимаю твою решимость, дитя.

Нокс почувствовал, как мир вновь исказился. Он услышал мощный глубокий голос.

— Нет, сын проклятого рода. Тебе еще рано покидать свое немощное тело. Я не позволяю.

Голос звучал властно. Настолько, что Нокс невольно ощутил дрожь.

— Кто ты? — Спросил он неуверенно.

— Ты будешь жить, — сказал голос, игнорируя всякие попытки с ним заговорить

— Зачем ты показал мне это? Кто это?

Голос был таким знакомым. И в то же время он совсем его не знал.

— Ты докажешь, что он был неправ. — голос продолжал, не желая говорить с теургом, — ты будешь жить пока я того хочу. И умрешь когда я прикажу. Час еще не пробил. У тебя впереди долгий путь. Полный трудностей и страданий. Но тебе придется испытать эту чашу сполна. А теперь — **ВСТАВАЙ!**

Теурга рвануло вперед и вверх. Он ощутил мощный порыв силы, а затем все вновь потемнело.

Первое, что он почувствовал, это холод. А затем — нестерпимый жар, когда кровь вновь начала двигаться по жилам. Нокс распахнул глаза и судорожно вдохнул. Холодный ночной

воздух обжег легкие. Горло скрутило судорогой. Внутренности завязало узлом, его вырвало желчью и остатками крови.

Теург тяжело дышал, по лбу стекал пот. Он утер рот, неспешно, покачиваясь встал и первым же делом проверил грудь. К его удивлению, раны не было. Зияющая дыра закрылась, одежда тоже была в порядке.

"Иллюзия?"

Это точно была не иллюзия. Теург пытался вызвать в сознании последние мгновения и сон, который видел. Воспоминания возвращались медленно. Он посмотрел на землю, на глаза попала записка.

"Барон, нет, весь город в опасности!".

Он ринулся вперед, той же тропой, которой пришел сюда. Он бежал и бежал, времени было мало. Теург добрался до массивного дерева и попытался проскользнуть мимо торчащих корней, когда его отбросило назад.

Нокс кубарем покатился по теплой, прогретой земле. Когда он встал, кости мучительно трещали. Воскресший или нет, теург все еще не отошел от своей смерти. Пытаясь понять, что его остановило, Нокс сделал несколько шагов вперед. Он всмотрелся в густой воздух и увидел легкое мерцание. Неуверенно потянул руку.

— Я бы не стал этого делать, — сказал голос в голове.

— Откуда ты взялся?

— Я никуда и не уходил, — усмехнулся голос, — ты все еще не пришел в себя, потому мне легче прорваться через психические барьеры, которыми так щедро огорожен твой разум. Хорошая новость в том, что ты чудесным образом воскрес.

Теург сморщился в отвращении. От незримого присутствия и неожиданного, неудавшегося путешествия в сады Владыки вновь стало плохо. Накатила тошнота.

— И ты последний кого бы я хотел слышать после этого чудесного воскрешения, — сказал Нокс.

— Не перебивай меня, грубиян, — в голосе незримого собеседника проскользнула нотка обиды. — Плохая новость — кажется мы тут застряли. И я бы не советовал касаться этой штуки больше одного раза.

Нокс посмотрел перед собой. Он странным образом ощущал, что слова его вынужденного попугайчика несут в себе зерно истины. Тело било тревогу, сбрасывая огромные объемы какой-то странной энергии. Если бы не обереги, случилось бы что-то ужасное.

— Присмотрись хорошенько.

Он хмыкнул в задумчивости. Затем достал клинок и осторожно протянул его вперед. Воздух блеснул искрами и затрещал. Из-за спины раздался гул и рев. Тело обдало порывом воздуха. Нокс резко обернулся. Шум исходил со стороны, откуда он только что пришел.

— Барьер?

— Как я и сказал, мы застряли, — повторил голос.

— Это я и без тебя вижу.

Нокс развернулся и побежал назад. Вынужденное возвращение показалось слишком долгим. На открытой поляне, местами заросшей мелкой травкой, валялись тела. Теург взял камушек и что было сил швырнул его к небу. В полете камень на мгновение замедлился, словно прорываясь через стенку толстого мыльного пузыря, а затем взмыл ввысь. Вновь раздался гул. От шума задрожало в груди. Звук шел от белого шпиля, который стоял поодаль.

Теург уверенным шагом направился к нему.

Посреди разрушенных домов и руин величественных строений стояла башня из белого металла. Конструкт уходил за деревья и в объёме превосходил даже самые толстые стволы. Странный объект едва заметно светился, искрил и вращался.

Теург подошел ближе. В основании конструкта он нашел выдолбленное отверстие. В искусно сделанной нише располагалось необычное черное зеркало с расположенными чуть ниже манипуляторами. Слева в колбе на небольшой высоте от дна висел радужный камень в форме тетраэдра. Нокс знал, что это такое.

«Духов камень, да еще такой огромный!».

Он протянул руку и коснулся стеклянного вместилища.

Нокс проклинал свой талант к сенсорике. Пусть не такой мощный как у сестры, этот дар все равно был частью его колдовских сил и время от времени проявлялся. Порой в самый неожиданный момент. Так случилось и сейчас.

Ладонь легла на холодную колбу. Лицо Нокса исказила гримаса предельного напряжения. Сознание наполнилось ужасом. Боль, агония, крики смерти, вопли страха перед неминуемым концом. Отчаянные возгласы и мольбы о помощи. Никак не меньше 50 человек. Нокс с горечью прикрыл глаза. Стало понятно, что имел в виду Ластер. Он едва бы потянул активацию такой громадины своими силами.

— Простите меня.

Духовы камни были неразрушимы. Нокс отчаянно хотел помочь, но что он мог сделать?

Теург отошел от шпилья и хорошенько примерился. Собравшись с мыслями, он сотворил мотив и указал на объект. Из пальцев вырвался оранжевый луч. Коснувшись шпилья, пламенная стрела отскочила и словно раскаленный нож срезала огромное дерево. Ствол с грохотом покосился, поднял гору пыли, но остался стоять, поддерживаемый собратьями.

Нокс попытался вновь, ударил мечом. И вновь бесполезно. Шпиль издал пронзительный гул. Ударная волна отбросила теурга. Он едва не упал. В ответ конструкт огласил округу новым пронзительным визгом.

Раздался грохот. Задрожала земля. Теург быстро осмотрелся и увидел, как поодаль, докуда мог добраться взгляд, вспыхнули огромные огни. Деревья, трава и вся растительность сгорали словно в пламени огромного пожара, не оставляя даже пепла. Невидимая стена заискрилась, но уже гораздо ближе. Барьер пришел в движение и сжался.

— Кажется у нас большие проблемы, Нокс.

Меланхолия барона продолжалась. С тех самых пор, как беспометство отступило, его не посещало ничего, кроме скорби и тоски. Признаться, он давно не чувствовал себя так поганно. С тех самых пор, как пропала Ариадна. Его драгоценная, любимая дочь. Её единственная наследница.

Барон сел на кровати и мрачно уставился в пол.

Ее исчезновение стало тяжелым ударом. И несмотря на то, как рьяно он подбадривал жену, готовую наложить на себя руки, барон был немногим лучше. Лангос и сам подумывал решить все проблемы простым и надежным способом. Да, этот путь был таким заманчивым.

Ластер был ему словно сын. Но, оказалось, тот все это время водил его за нос. По правде, он уже ни на что не рассчитывал. Предательство названного сына стало последней каплей. А спешное бегство того колдуна развеяло и без того призрачную надежду.

В палатах лекарей лежал сломленный человек.

Лангос встал, прошаркал босыми ногами по гладкому, слегка прохладному полу и с

безразличным видом подошел к столу, который стоял возле окна. Вино скрашивало невыносимые часы, помогая забыться. Он открыл кувшин. Зеленоватая полупрозрачная жидкость заструилась слабым потоком. Запахло терпкими травами. Лангос взял бокал и подошел к окну. Башня лекарей находилась на высоте почти пятого этажа. Барон посмотрел вниз, на мощеную камнем дорогу. В голову который раз пришла мысль покончить со всем. Успокоить свой дух раз и навсегда.

Он взгляделся в темную гладь земли и тут же сделал несколько шагов назад, отбрасывая позорную мысль. Как же он размяк за эти годы... поступи он как слабак, что бы делали подданные? А что бы стало с его драгоценной супругой?

Лангос все еще стоял в задумчивости. Сзади скрипнула дверь. Тягучий заунывный звук заставил Лангоса подскочить на месте. Он резко обернулся. Рука разжалась сама собой, бокал выскользнул из пальцев. Стекло жалобно звякнуло и рассыпалось гроздью мелких осколков. Сквозь тень в дверном проеме виднелся женский силуэт.

— Папа. Как же я скучала, папа.

— Ада, ты наконец-то вернулась.

Кости. Большие и совсем маленькие, истлевшие от возраста и почти нетронутые, сияющие белизной и желтые. Перед своей смертью корни гигантских деревьев разрыли землю, всколыхали лес. Теперь на месте голого плато и зеленых редких полян зияли борозды и ямы от взрытой почвы, щедро приправленные костями, которые словно садовые камни валялись тут и там. Тела бандитов и Гилиона исчезли, поглощенные землей. Мертвецы из древних захоронений забрали незваных гостей. Сейчас же они пришли посмотреть на последнего из тех, кто потревожил их вечный сон.

Нокс разбежался. Тело горело от эссенции и силы. Набрал достаточно скорости, он резко ударил ногой по земле. Остановился, расколов один из старых черепов. Найдя точку опоры, выхватил меч. Накопленная инерция и внутренняя мощь повели руку вперед. Косым ударом Нокс попытался разрубить невидимое препятствие. Однако вместо того, чтобы рассеяться, барьер лишь укрепился. Раздался глухой звук как от удара по глади воды. Рука с мечом отскочила от купола, тело повело назад. Теург едва устоял на ногах.

Блеснули искры. Теург догадался, что сейчас случится, и мощным движением отпрыгнул назад. Раздался гул, поднялся ветер. Ударная волна едва его не сдула. Купол пришел в движение, испарил деревья, поднял еще больше грязи и дерна. Барьер вытащил на свет новые кучи костей, их хаотичные нагромождения выскакивали из-под земли словно грибы.

— Халькенесов дух!

Нокс кипел изнутри. Пока он боролся в этом проклятом некрополе, время все быстрее уходило.

— Bravo. Просто гениальная идея. Потребовалось всего десять раз, и ты окончательно понял, что это не работает.

— Если у тебя есть идеи получше — я внимательно слушаю.

— Ого, какой прогресс! Теперь меня слушают! Я так польщен!

— Если тебе есть, что сказать — говори. А нет — так убирайся.

— С чего бы мне тебе помогать?

— Не ты ли говорил, что это и твое тело? Пока все идет к тому, что мы сгинем голодной смертью. Если раньше меня не доконает истощение. Эти атаки забирают прилично сил.

— Возможно я просто найду другого носителя. Кого-то более сговорчивого.

— Не найдешь, спешу расстроить, — Нокс с кислой миной вспомнил попытку выйти из тела и проскользнуть сквозь барьер в астральной форме. Эта затея закончилась сокрушительным фиаско. Его забросило обратно в тело. С такой силой, будто путь от вершины барьера до земли был высотой со стену крепости Алатрей. Не говоря о том, что дух едва не разорвало в мелкие клочки, — выйдешь из тела и просто застрянешь в этой дыре.

— Хм, проклятый святоша. Ты прав. А как насчет чего-то помощнее?

— Не выйдет. Эта дрянь устойчива и к эссенции, и к пламени, и к физическим атакам. Ты сам видел. К тому же в таком узком пространстве я просто выжгу все вокруг. Скорее всего мы лишимся кислорода и просто подохнем.

— Получается мы в ловушке, и выходов у нас нет?

— Выходит так.

За эти несколько часов он вымотался как после долгого боя. Мысли роились как

личинки в мертвом теле. Он был зол. Он был разочарован. Близок к отчаянию. Волевым движением теург отбросил недостойные мысли и сел на землю, пытаясь сосредоточиться.

— Должен быть какой-то выход.

Теург опустил взгляд, посмотрел перед собой. Останки в молчании глядели на незваного гостя. Как будто радовались. Насмехались над ним. Их веселила кара, которая пала на его голову. Они ликовали и рукоплескали костлявыми конечностями, ликовали в ожидании конца, предвкушали скорое возвращение ко сну и замогильному покою.

— Темный вас всех побери!

Не найдясь, что предпринять, теург вскочил и с размаху саданул носком сапога по костяным нагромождениям. Поднялась грязь с запахом сырой могилы. Один из черепов метнулся вперед и как ни в чем не бывало пролетел сквозь барьер. Купол не счел бранные останки достойной целью.

— Если бы только я мог..., - задумчиво проговорил теург.

Глаза Нокса расширились. Гнев и отчаяние сменились радостью понимания. Легкостью, словно со спины слетели огромные вьюки. Теург достал короткий кинжал и побежал назад от барьера.

— Что ты делаешь?

— Мне нужно место поровнее.

— Но для чего?

Нокс нашел прочную поверхность. Земля была голой и твердой.

— Что ты задумал?

— Ничего особенного.

Теург с мягким стуком постучал носком по земле и довольно кивнул головой.

— Это подойдет. — Он встал как вкопанный и напряженно посмотрел за горизонт.

Взгляд теурга вновь стал непроницаемым, решительным.

— Я вызову один из аспектов Повелителя Заката.

— Ч-чего?! Я не ослышался?

— Ты все слышал.

— Ты в своем уме?! Нет, ты точно спятил!

Но теург уже не слушал. Он бормотал слова, едва слышные и непонятные стороннему уху. В какой-то момент губы начали шевелиться сами собой. Транс становился глубже и глубже. Сталь кинжала приблизилась к ладони и рассекла живую плоть. Из длинного, тонкого и глубокого разреза хлынула кровь. Теург словно священник с кадилом оросил землю живительной жидкостью, неторопливым шагом обошел по кругу, создал почти идеально ровное кольцо вокруг себя. После этого макнул два пальца в рану и принялся писать странные знаки. Символы выглядели причудливо. Завораживающе и пугающе.

Завершив работу, Нокс встал в середине круга, вновь закрыл глаза и принялся нараспев читать мотив. С губ срывались сложные формулы на давно забытом языке. Трубный голос теурга звучал как гул охотничьего рога, храмового органа и шипение змеи в одно время. Эти запретные слова не предназначались для человеческой глотки. И тем более для смертного уха.

Между делом теург наложил несколько чар на себя. Его руки засветились золотым сиянием. Он прочел мотив и коснулся сердца. Затем — головы. По телу прошел разряд. Заколело в позвоночнике. Душу связало невидимыми нитями.

Наконец, он замолчал. Все вокруг смолкло и зазвенело в угрюмом, угрожающем

напряжении. Нокс посмотрел на мистические руны и вытянул руку, чтобы создать последний символ. Тот, который завершит ритуал. В этот момент в душе зародилось сомнение. Стоит ли оно того?

Владыке служили многие, но сильнее прочих были трое: Повелитель Рассвета, Повелитель Полудня и Повелитель Заката. Последнего с полным правом считали самым капризным из слуг всемогущего Господина. Он в равной мере награждал и карал последователей, но делал это в своей неповторимой манере. В одних случаях воздавал за храбрость, в других — называл храбрость безрассудством. В одних даровал спасение, в других — страдание. Что случалось с теми, кто не оправдал его надежд, Нокс предпочел умолчать. При одной мысли об их судьбе теурга передергивало от отвращения.

Его пути были неведомы даже преданным слугам, а мудрость простиралась так далеко, что, говорят, сам Владыка прислушивался к словам существа. Остальные Повелители относятся к собрату с недоверием и некоторым опасением, побаиваясь его взбалмошного нрава и склонности время от времени впадать в буйство.

Словом, несмотря на светлую природу, его считали синонимом непредсказуемости. Теург не был его последователем. Он не поклонялся ни Повелителю Рассвета, который олицетворял новый день, ни Господину Полудня, ответственному за равновесие, ни Повелителю Заката, что олицетворял жизнь. Никому кроме истинного Владыки, единственного Господина над всеми. Но сейчас Ноксу ничего не оставалось.

Теург медлил. Аспекты Повелителей отражали лишь малую часть их реальной личности, но и эти осколки несли в себе невообразимую силу.

Нокс резко выдохнул и зажмурился: сейчас не время сомневаться. Да и поздно. Своим неуклюжим ритуалом он уже привлек внимание Повелителя. Его присутствие ощущалось каждым атомом бессмертной души. Оставить ритуал незавершенным значило оскорбить могущественную и непонятную в мотивах сущность, привязать ее к себе.

Нокс открыл глаза, сложил руки в колдовской знак, создал руны и тихо, но отчетливо произнес:

— Явись на мой зов.

Едва слова покинули его губы, землю охватила легкая дрожь. И без того темная сень леса стала еще темнее, будто наступила безлунная ночь. Теург спешно отступил на несколько шагов. Пространство внутри созданного круга начало дрожать и искажаться под влиянием нечеловеческих эманаций. Сквозь сложную паутину линий начала просачиваться липкая тьма. Словно нечистоты она струилась сквозь землю, бесформенная и неестественная.

В воздуха повис тяжелый запах гниения. Нокс рефлекторно шевельнул рукой, желая прикрыть нос. Однако вовремя остановил себя.

Стелющаяся полуматериальная субстанция начала принимать форму. Из щупалец и потоков зловонного вещества складывались причудливые геометрические структуры. Нокс поклонился, не смея поднять головы. Дрожь земли прекратилась, однако тьма стала еще гуще.

— Так значит таков материальный миинир. Мир, в который меня призвали, — раздался гулкий, низкий голос, он не походил на человеческий ничем. Существо протяжно хмыкнуло и каким-то зловещим тоном, похожим на рык дикого зверя, произнесло несколько слов на неизвестном наречии.

— Верный слуга Того-что-Знает приветствует тебя, Повелитель Заката, — произнес

Нокс так смиренно, как только мог. Он не смел поднять головы. Лишь протянул обе руки, ожидая ответа. Как и подобало в его положении.

— Хм. Верный слуга? Дерзновенный человек, что осмелился сковать меня недостойными чарами.

— Прости мне мою дерзость, Повелитель Заката. Но мы, люди, слабы и не можем призвать тебя по-другому.

— Хм. Это верно. Но я не служу никому кроме Него. Ты не волен мне приказывать.

— Я призвал тебя по тому соглашению что ты заключил с моим народом. По договору, который я прошу тебя исполнить еще раз.

— Народом? — В голосе существа сквозила скука. — Я видел бесчисленное число народов и заключал бесчисленное количество пактов. Многие из них не стоят тех слов, что были произнесены. Они недостойны моего внимания. Назови свое имя, скажи кому ты принадлежишь, человек. И я подумаю, стоишь ли ты моего времени.

— Я Нокс. И я верно служу ордену Малефикантов.

— Малефиканты? Малефиканты..., — существо протяжно зарычало. — Ах, теперь я вспомнил, — Повелитель оживился, однако понять, доволен он или нет, Нокс не мог. — Те самые люди, что противостоят созданиям Проклятого. Очень хорошо. Твой народ был честен в своем служении. У меня нет причин наказывать тебя за своеволие. Я не стану карать. Я стану слушать. Чего же ты хочешь, слуга Того-кто-Знает?

— Я прошу тебя о помощи, могучий Повелитель.

— Помощи? Я не вмешиваюсь в людские дразги. Меня они утомляют и совершенно не интересуют.

— Но ты давал клятву. Клятву помогать моему народу.

— Клятвы стоят исполнения только если они достойны того. Ни больше, ни меньше.

— Разве ты не верный слуга Того-кто-Знает? — спросил Нокс.

Существо зарычало.

— Не испытывай мое терпение. Оно не так велико, как тебе кажется. Я существую, чтобы исполнять Его волю. Зачем спрашивать меня о том, что и так не требует ответа?

— Затем, что просьба, ради которой тебя призвали, напрямую связана с моим служением. Нашим общим служением.

Существо на момент задумалось.

— Служением, говоришь? Хорошо. Я выслушаю тебя и далее. Если просьба достойна того, я помогу. Если же нет — мой гнев не будет знать границ. Можешь поднять голову.

Нокс выпрямился. Усилием воли он заставил себя посмотреть на Малого Бога. Он медленно с опаской поднял глаза, но тут же пожалел. Перед ним висели целых три огромных черепа. Они отдаленно напоминали ни то собачьи, ни то волчьи. Окутанные темной слизью разлагающейся ткани, желтые кости, глазницы, что сочились тьмой. Головы с крупными, длиной с руку зубами покоились на грузной груди, сотканной из той же непонятной субстанции. Мощные бесформенные лапы вцепились в землю. Кзади туловище сужалось, образуя узкий, но мощный хвост из сросшихся лап. Вместо конечностей сзади туловище венчал отросток наподобие жала, которое служило созданию опорой.

В воздухе стоял невыносимый смрад разложения. Будто в одну кучу свалили тысячи трупов. От ужасной вони у теурга закружилась голова, но, собравшись с духом, он продолжил говорить.

— Видишь вон тот барьер? — Нокс указал пальцем в бок. Костлявые черепа медленно,

нехотя повернулись в сторону.

— Я вижу.

— Его создал ненавистный враг. Наш общий враг. Он предал Владыку, предал служение в угоду своим порочным желанием.

Существо кивнуло, принимая эту информацию к сведению.

— Чего же ты хочешь от меня?

— Это барьер не может пройти ни одно живое существо. Даже растения не способны преодолеть возведенную стену. Лишь твои дети и слуги твоей воли могут ускользнуть из его лап.

Нокс выдержал паузу, чтобы убедиться, что создание все поняло. Оно стояло без движения, глядя на него своими отсутствующими глазами. Это сбивало с толку и нервировало. Смотреть в черные провалы было почти невыносимо.

— Я прошу тебя даровать мне смерть. Но лишь на короткое время. Живое тело не способно уйти, но мертвое сможет преодолеть этот барьер. Это все о чем я прошу.

Создание мерзко хрипело, слушая слова призывателя.

— Если ты мне не поможешь, Его воля не будет исполнена. Я останусь здесь и отступник не получит по заслугам.

— Твоя просьба мне понятна, — отозвалось, наконец, существо. Нокс было расслабился и выдохнул, когда создание продолжило. — Но я не вижу смысла исполнять твою волю. Без жертвы ты не осознаешь истинной ценности моего дара. Я не желаю действовать просто так, когда меня призвали против воли. Будь ты слугой моего Господина или случайной песчинкой на пути.

Нокс помрачнел и нахмурился.

— Какой жертвы ты просишь? Чего хочешь взамен?

— Многое. Вопрос лишь в том, что я могу получить от тебя.

— Тогда скажи.

— Позволь мне коснуться тебя, чтобы понять.

— Не вздумай! — Воскликнул голос в голове, — если он тебя коснется...

— Я и без тебя знаю, мысленно ответил теург, — но выбор у нас не велик.

Он посмотрел на одну костяных голов и спокойно кивнул:

— Я жду, Повелитель.

— Сделай несколько шагов вперед.

Нокс подчинился. Он подошел к краю круга и остановился.

Из груди существа вырвался черный слизистый придаток. В мгновение ока он приблизился к теургу, грубо схватил его за подбородок, вскинул голову. Малый Бог пристально взгляделся в глаза теурга. Тот с ужасом понял, что не может отвести взгляд. Темные провалы проникали в самую душу. Все вокруг казалось нереальным. Создание хрипело и издавало непонятные звуки. Наконец, хватка ослабла.

— Я дарую тебе смерть, но всего на 10 земных минут. В обмен я попрошу тебя об одной вещи. Ценной вещи.

— Что же это за вещь?

— Слушай же. И слушай внимательно. Как только твое тело коснется земли, а останки покинет искра жизни, когда последний вздох изойдет из твоей измученной груди, твои бранные кости станут моими. В смерти своей ты станешь мне даром. Вот мое условие.

Нокс прикусил губу, однако, несмотря на напряжение, он ничуть не медлил с ответом. В

конце концов, не такая большая цена за исполнение своего святого долга.

— Я согласен, Повелитель Заката.

— Хорошо. Очень хорошо. В таком случае встань ровно и не шевелись.

Теург сделал, как было сказано. Из грузной туши вырвался добрый десяток щупалец. Скользкие придатки обволокли Нокса словно тугие бинты. Он не мог ни закричать от мучительной боли, ни даже вздохнуть. Извивающиеся придатки обвили его тело мертвой хваткой. Он почувствовал, как его плоть размякает, кости трескаются, а кровь перестает двигаться по венам. Сердце останавливается, гулко отбивая последние удары. В ушах зазвенело и он упал на холодную грязную землю.

— Готово. Теперь ты мертв, человеческий слуга Того-что-Знает.

Нокс посмотрел на свою руку. Темная, слегка загорелая под постоянным палящим солнцем кожа потускнела и стала белой как прах. Ощущение было странным. Эмоции притупились. Он больше не ощущал ни страха, ни волнения перед этим созданием или перед тем, что было ранее и что будет потом.

Его раздумья прервал низкий нечеловеческий голос. Самодовольный, словно создание скалилось.

— Глупый человек. Как неосмотрительно. Как глупо.

Создание сделало жест лапой. Нокс почувствовал, как тело перестало его слушаться. Он превратился в разлагающуюся марионетку.

— Это тело мертво. Отныне твои бранные останки принадлежат мне. Все, как мы и условились, человек.

Нокс сопротивлялся, но тщетно.

— А теперь, иди к остальным.

К остальным? В голове промелькнул немой вопрос. Однако, как только теург повернулся, он все понял. Из под-земли поднимались все новые и новые мертвецы. Создание собирало свиту, зачем бы это ему не потребовалось.

Нокс сделал несколько неуклюжих шагов. Напряг волю и вдруг ощутил что-то внутри. Он призвал мотив связывания, который сотворил ранее.

Контроль вернулся.

— Наконец-то, — произнес он внутренним голосом.

— Чтобы собираешься делать, Нориан?

— Заткнись и смотри. На счет три мы побежим.

— Один...

Нокс ковылял в сторону костяных марионеток. У них не было душ, лишь остатки воли, которые достались от некогда мыслящих и живых существ. Ему было жаль этих несчастных.

— Два...

Создания из костей под пристальным взглядом своего повелителя стояли по стойке смирно, не смели шевельнуться. Уверенный в победе самодовольный Бог, отвернулся, окидывая взглядом свои творения. Он решил поднять новую орду мертвецов. Этого момента теург как раз и ждал.

— Три!

Он рванул, что было сил. Влил эссенцию в ноги, пробежал мимо оживших трупов, поднял порыв ветра, который сдувал костлявых кукол.

— Ты! Проклятый обманщик! Стой!

— Извини, Собиратель Костей, но сегодня моих останков ты не получишь! — Нокс на

ходу прокричал Малому Богу.

— Стой я сказал!

Окрестности разразились чудовищным ревом. Позади что-то зашелестело. Лес исчез за горой многочисленных рук. Придатки с огромной скоростью рвались за теургом. В своем стремлении пленить уходящую добычу, они становились все быстрее.

Из последних сил Нокс побежал вперед. До барьера оставалось несколько метров. Он сделал отчаянный рывок. Барьер расступился и расцепил свои цепкие пальцы. Теург споткнулся, нога подвернулась. Он упал и прокатился по траве. Чудовищные руки из сочащейся тьмы с грохотом врезались в невидимую стену. Начали отчаянно колотить по барьеру. Купол рябил и трещал, но не поддавался. Нокс встал и утер пот. Где-то за нематериальной преградой все еще раздавался гневный рев, от которого становилось не по себе. Руки продолжали бить по непреодолимому щиту.

— Умно. Так ты это предвидел?

— Если только отчасти, — честно признался Нокс. В глубине души он благодарил Владыку, что тот надумил его привязать душу к телу, — очень удачно, что он не может управлять одушевленными созданиями.

— Он застрял там навсегда? — Спросил голос.

— Очень сомневаюсь, — ответил Нокс, — призыв рано или поздно закончится. Он исчезнет. Я думаю.

— Надеюсь, больше мы его не увидим.

— Как знать.

Теург отыскал тропу и понесся обратно, походя призывая мицелана, который все еще стоял возле кромки леса. Времени оставалось все меньше.

— Стой, никому не позволено проходить в покои без позволения его превосходительства!

— С дороги!

Не сбавляя темпа, Нокс прорвался через немногочисленных стражников. Оказавшись во внутреннем городе он пустил мицелана в стремительный галоп. Из-за нагромождений домов местной знати показались темнеющие башни. Он добрался до места, спешил. Его встретила замогильная тишина. Окна особняка горели светом люминофоров, но сам дом стоял безмолвным, словно был давно покинут.

«Владыка, неужели я опоздал...»

Внезапно до ушей донесся пронзительный женский крик, за которым последовало невнятное бормотание.

Теург кинулся вперед, но тут земля задрожала и заколыхалась под ногами. Нокс отпрыгнул назад, ведомый одним лишь инстинктом. Только чудом он не провалился сквозь намокшую почву, что обратилась зыбучим песком.

Из темноты, пошатываясь, вышел Ластер.

— Я не позволю тебе коснуться ее!

Его лицо исказила гримаса ярости. Глаза скакали из стороны в сторону. Он смотрел в никуда, безумным, остекленевшим взглядом и качался как пьяный. Присмотревшись, Нокс увидел, что Ластер с ног до головы покрыт засохшей кровью. На шее возле сонной артерии зияла дыра, будто кто-то вонзил деревянный кол прямо в живую плоть. Тело покрывали уродливые рваные раны.

— Я не дам ее тронуть! Ты не коснешься моей жены!

— Очнись, болван! — Закричал Нокс в ярости.

Он пытался вразумить теурга, однако что мог голос разума против колдовства?

— Я не позволю!

Времени было слишком мало. Нокс сорвался с места. Ластер поднял обе руки. Земля задрожала и покрылась трещинами. Из прорех показались песчаные выросты. Плетки хлестали по земле и с пронзительным свистом резали воздух. Нокс петлял из стороны в сторону, неумолимо сокращая расстояние.

При первых же звуках боя из окрестных домов выскочили люди. В суетливом порыве холеные аристократы бросились кто куда.

Колдун ударил ногой. Земля задрожала и застонала, разрываемая мистической силой. Вперед, насколько хватало глаза, разверзлась расселина. Раздались грохот падающих зданий и истошные вопли людей. Дворцы благородных господ складывались под собственным весом, погребая незадачливых обывателей, что не успели сбежать. Раскрыв пасть, почва под ногами попыталась проглотить Нокса. Теург едва не провалился. Он на мгновение замедлился, резко свернул, подался в сторону. До врага оставались считанные шаги. Нокс перехватил меч, готовый нанести один единственный, решающий удар.

Ластер зарычал и поднял руку. Из земли выросла широкая, усаженная шипами стена. Нокс влил в клинок эссенцию огня и что было сил с размаху рубанул. Нагретый клинок прорезал преграду и раскалил камень. От невероятного жара стена взорвалась и обратилась грудой летящего во все стороны щебня. Поднялась удушливая пыль. Все вокруг заволочла

плотная завеса.

Ластер закашлялся, обернулся по сторонам, пытаясь отыскать Нокса. Из-за спины теурга скользнула тень. Раны сильно его замедлили.

Земляной колдун получил удар навершием черного, пропитанного силой запретительной руны клинка по голове. Вспыхнул яркий свет. От боли Ластер коротко вскрикнул, охнул и как мешок с песком рухнул на землю. Голова в месте удара дымилась от губительной для проклятых сил энергии света. Череп был пробит. Из зияющей раны изрядно натекло. Кровавая лужа становилась все больше. Нокс наклонился: Ластер больше не дышал. Наконец, колдун был мертв.

Не удостоив поверженного противника даже мимолетного взгляда, Нокс ринулся в дом.

— Ада, моя драгоценная дочь. Это правда ты или мне явилась жестокая иллюзия, наваждение?

— Папа, папа это действительно я.

Голос Лангоса задрожал. От слез глаза застилало непрозрачной пеленой.

— Как же долго. Я знал. Они мне не верили. Никто не верил. А я знал! Но почему же ты стоишь так далеко? Прошу, не разбивай мое сердце, обними старого глупца!

Он распростер свои руки.

— Конечно, папа.

Из темноты вынырнула девушка с бледным лицом. Она едва заметно улыбнулась и, круто виляя бедрами, поплыла к нему. Шла самоуверенно, жесткой походкой. Улыбка девушки больше походила на оскал.

— Я так хотела тебя увидеть. И теперь мы наконец-то встретились снова. Как же я рада.

— Ада.

От ее вида Лангосу стало не по себе. Это была Ада, в этом не оставалось сомнений. Тот же изящный профиль, ровный нос, родимое пятно над левым глазом и те же непослушные рыжие волосы, которые достались ей от матери. Даже голос. Мягкий и мелодичный, словно кошачье мурчание. Барон видел ее перед собой, так явно, как никогда прежде, но в то же время он совершенно не узнавал ту, что шла к нему навстречу.

В ней было что-то чужое. Даже чуждое. Что-то, от чего хотелось бежать. Нечто, от чего его до макушки обдало волной ужаса, первобытного и невыразимого.

Барон сглотнул и машинально попятился.

— Куда же ты, папа? Разве ты не рад меня видеть? — Последние слова она произнесла угрожающим и каким-то насмешливым тоном. Так ему показалось. Барон попятился к стене.

Сделал шаг, еще один.

Теперь Барон стоял возле стены. Он вжался в камень, словно загнанный в тупик зверь перед ловчим. Глаза Лангоса расширились, мужчина тяжело и прерывисто дышал.

— Ада, что ты делаешь?!

— Всего лишь хочу поблагодарить тебя, отец. — Она шла и шла вперед. — Почему ты так упорно отвергаешь свою любимую дочь?

— Ада, умоляю, прекрати!

— Я так долго ждала, чтобы сказать спасибо. Ты столько для меня сделал. Как я могу? Разве так себя ведет дочь барона?

Барон схватился за стену так, словно пытался проломить толстый серый кирпич. Тело соприкасалось с каменной кладкой столь сильно, что от напряжения затрещали кости. Он не

понимал, что происходит. Внезапно перед глазами поплыли разноцветные пятна. Сердце затрепыхалось в груди, выдавая неровный ритм. В ушах загудело как от ревушего в бурю ветра. Ноги подкосились сами собой. С резким стоном он опустился на колени и схватился за грудь. Боль была невыносимой. Разрывающей, будто грудь рассекли раскаленным клинком.

— Ада, не подходи!

Вот оно что, должно быть все из-за болезни. Эта мысль успокоила, но вместе с тем безмерно его напугала. Он не хотел ей навредить.

— Я нездоров, Ада. Уходи. Уходи немедленно! Не то эта штука....

В ответ она лишь улыбнулась

— Ах, дорогой отец. Я все знаю. Знаю, как тебе тяжело. Знаю какую цену ты заплатил за свою любовь, но я здесь и я могу снова облегчить твои страдания.

— Снова? О чем ты?

Она вытянула указательный палец. Ноготь удлиняется и обратился отвратительный когтем. Ада рассекла ладонь и обратила окровавленную плоть к Лангосу.

— Неужели ты забыл?

Глаза Лангоса расширились. Он мгновенно прекратил стенать. Боль ушла. От дивного аромата скрутило желудок, задрожали все мышцы.

— О, да, ты помнишь, — промурлыкала Ада.

Лангос замер на месте, не в силах пошевелиться. Из приоткрытого рта обильно потекла слюна. Он сглотнул и встал. От болезненной дрожи и проливного пота не осталось и следа. Барон протянул руку и медленно, как кукла на шарнирах, поплелся в сторону девушки.

— Да, вот так. Я дам тебе намного больше. Ты больше никогда не будешь страдать.

Лангос на нетвердых ногах подошел к ней почти вплотную.

— Мое, мое лекарство!

Он взял окровавленную ладонь своими трясущимися руками и медленно поднял к слюнявому рту.

Она издала смешок. Лангос протянул алый язык, закрыл глаза, предвкушая скорое наслаждение.

В этот момент улыбка Ады резко пропала. Она одернула руку и оттолкнула Лангоса. Барон от неожиданности открыл глаза. Спина встретилась с каменным полом. От жесткого приземления сильно заныло в боку. Что случилось дальше он едва понял.

Раздался щелчок. Дверь разлетелась на мелкие части. Во все стороны полетели щепки. Фрагменты побольше с гулким стуком завалились на пол. Ариадна отскочила назад. Барон почувствовал, как лицо обдало горячим воздухом. Раздался грохот. Звук был настолько мощным, что сотряс замок до основания. Стена поодаль от них взорвалась. Вместо серой глади камня над рабочим столом зияла дыра шириной с бычью голову. Лангос сглотнул и резко обернулся ко входу. В проеме стоял Нокс. Мрачное выражение бледного лица исказилось яростью.

— Кажется, я все-таки выполнил твою волю, барон. Хоть и не так как думал.

Ариадна или, говоря точнее, существо, которое должно ей быть, стояла в стороне. Она разглядывала Нокса, недоверчиво расширив глаза.

— Ты...ты должен был остаться там! Он клялся мне!

Она быстро взяла себя в руки. Лицо вновь приняло холодное выражение. Лишь

притворная улыбка украшала непроницаемый фасад.

— Так значит вот каков ты, неуловимый охотник. Я так много слышала о тебе.

— Не могу сказать того же. Тебе на удивление долго удавалось ускользать от моих глаз.

Использовать марионетку, промыть мозги аристократу, чтобы тот своими руками приносил тебе пищу, умно. Но ты просчиталась, явившись сюда. Тебе стоило заползти под ту корягу, из которой ты выползла, злобная мерзость. Когда такой шанс еще был.

— Ты так щедр на комплименты. Но все это уже не важно, — она отмахнулась от его слов, — если ты здесь, полагаю, теперь Ластер наверняка мертв.

— Твой слабовольный прихвостень? Он валяется у входа, — ответил Нокс, указывая большим пальцем в сторону искаверканного дверного проема.

— Подумать только, как же сильны его чувства. Берегись же! Он не умер вкусив мой поцелуй и теперь мертвец может восстать вновь, влекомый любовью. Хотя, не хотелось бы. Мне порядком надоело его ныть. Он свое уже отыграл и отдал всего себя. Прямо как те, кто были до него.

— Так значит были и другие? — Спросил Нокс.

— О, множество. Что бы я делала без моих возлюбленных. Но не суди так строго. С тех пор, как меня бросил мой единственный, я только и делала, что скиталась в поисках утешения. Знаешь, как это непросто? Ведь девичье сердце хрупко и так отчаянно нуждается в тепле.

— Все ли из тех, кого ты очаровывала своей кровью, были теургами?

Нокс старался сохранять спокойствие.

— Нет, что ты. Ластер — приятное исключение. Я просто не сдержалась. Он был силен, очень силен. Но позволял себе слишком многое. Я велела ему привести тебя, а он ослушался. Если бы не моя тогдашняя немощь и не сила его животительной крови он бы не пережил своей дерзости. Ах, как много времени ушло. Но знаешь, его крови мне мало. Силы в его венах оказалась недостаточно, чтобы удовлетворить мои желания. Я стала тем, что ты видишь перед собой, а не той жалкой оболочкой, какой была еще недавно. Но это все еще не то.

Существо мечтательно подняла глаза к небу.

— Ах, Ластер. Его кровь, о да, она была на удивление сильна. Какое разочарование. А что насчет твоей крови, Нокс? Она сильна?

Существо сделало шаг вперед, облизывая губы. Теург промолчал.

— Я не падок на монстров-людоедов, — ответил он наконец.

— Как грубо. Так тебя учили обращаться с дочерьми знатных семей?

— Как меня учили обращаться с богопротивной мерзостью ты скоро узнаешь.

Ее лицо исказила злобная гримаса. Но затем Ариадна усмехнулась и разразилась смехом.

— Ты пытался убить моего отца, испортил мою игрушку и вот теперь оскорбил меня уже который раз. Осторожнее, колдун. Я могу разозлиться всерьез.

— Отца? — Нокс усмехнулся и едва не рассмеялся в голос, — ты так долго играла, что, похоже сама поверила в свою ложь. — Сказал Нокс.

— Разумеется отца. Кто еще как не отец бросит все на поиски дочери? Пожертвует силой и бросит вызов тем, кто может сокрушить его одним движением руки? Его любовь не знает границ.

— Миазмы темного окончательно лишили тебя рассудка. Ответь мне, чудовище, ради чего затевать столь сложную и опасную игру? Не проще ли набивать утробу где-нибудь на

тракте? Подальше от пристальных взглядов.

— Не равняй меня с трупоедами, вроде тех, с которыми шушера вроде тебя постоянно имеет дело, — она фыркнула. — Я желаю лучшего, ради себя и моего единственного избранника.

— Ты всего лишь разожравшееся чудовище. Чудовище, у которого нет ни власти, ни могущества. Чудовище, продавшее свою жизнь и свою душу проклятым силам.

— Да неужели? Я здесь госпожа и владычица, я выбираю, кто достоин стать частью меня. В моих руках целый город. А что насчет тебя? Нет, не говори. Я скажу сама. Ты, — она указала на него, — ты и подобные тебе всего лишь моя добыча. Знаешь сколько сгинули в моем желудке? Но это лишь начало.

Ариадна выпрямила пальцы. Из каждого вытянулся коготь длиной вдвое больше медвежьего.

— Нет, отродье. Это конец, — сказал Нокс.

— Ада, ты... — сказал барон сдавленным голосом, — доченька...

— Очнись, барон! Ты все еще считаешь, что это создание — твоя дочь!? — Рыкнул Нокс. — Когда она появилась на свет? М? Кто был рядом, когда ее посвятили Владыке? Сколько лет твоей дочери? Ну! Отвечай!

Барон открыл рот, поднял глаза. По лицу было видно, как роятся мысли в голове Лангоса. Он в ужасе, испуганным взглядом посмотрел на Нокса.

— То-то и оно.

Нокс сжал кулак, стараясь сдержать нахлынувшую ярость.

— Эх. Похоже, мой обман раскрылся. Как жаль. Признаю, ты меня поймал, — сказала Ариадна с заметно издевкой. — Что же мне теперь делать?

Она хищно посмотрела на барона.

— Ты его не тронешь.

— О, я не собиралась его есть. Всего лишь поблагодарить. Он столько для меня сделал.

Нокс достал клинок, отбросил ножны в сторону.

— Думаю, он обойдется без твоей «благодарности». Я заберу твою жизнь и заставлю эту поганую пасть захлопнуться навсегда.

Ариадна нехорошо ухмыльнулась.

— У меня есть мысль получше.

Она бросилась вперед, сделала ложный выпад. Нокс поднял клинок чтобы отразить атаку, но тут же почувствовал удар в грудь. Воздух покинул легкие. Теург рухнул, перекувырнулся. Первый обмен был не в его пользу. Он принял устойчивую позу и выставил клинок вперед.

— Рыцари, убийцы, молодые искатели славы. Не важно, кто приходит на мой зов! Все они существуют, чтобы давать мне силу! Знаешь, вся соль — в качестве добычи. И теперь мне в руки пришла лучшая из наград!

Она бросилась вперед, ударила наотмашь, костяные когти не уступали по прочности усиленному металлу. Противники обменялись серией быстрых выпадов.

— Какая ирония. Он хотел убить тебя, но в итоге ты здесь, как я и пожелала! Ты достойная добыча, ты стоишь того, чтобы стать частью меня! С твоей кровью я наконец смогу вернуть своего единственного, он поймет, что я сильна! Что я стала намного сильнее! Юная плоть особенно прекрасна. Уверена, плоть молодого колдуна еще вкуснее. А теперь не сопротивляйся и прими меня!

Очередной удар рассек пустоту. Нокс коротким движением отклонился, перехватил меч и мощным хуком слева заставил демоницу сделать шаг назад. Она оступилась, но быстро восстановила равновесие. Коснулась лица, словно удивленная, что такая простая атака нанесла ей вред, бросила на Нокса взгляд, полный убийственной ярости.

— Тогда заставь меня, поганая сука.

— Аааргх!!

Она взревела, оскалила острые зубы и ринулась без оглядки. Взмах когтей рассек воздух. Блеск костяных придатков разорвал полутьму бароновых угодий. Теург наотмашь отразил атаку, круговым пасом перенаправил одну из рук чудовища. Тут же последовал новый яростный удар. Теург нырнул в сторону и уклонился.

Существо махало когтистыми руками, но Нокс то парировал клинком, то уклонялся, пытаясь нанести ответный удар. Однако толку было мало. Ни одна атака больше не достигла плоти чудовища. Теург с досадой отметил, что демоница стала быстрее.

Она сделала короткий рывок и в мгновение оказалась перед теургом. В последний момент ему удалось закрыться от убийственных когтей. Нокс тут же контратаковал, резанул от плеча, но меч просвистел мимо. Ада отпрыгнула назад подобно хищному зверю, приняла упор и оттолкнулась, расщепив деревянный пол.

Удар был чудовищным, под стать ей самой. Мышцы напряглись до упора и заныли. Ноги поехали сами собой, поднимая старую пыль и мелкую щепу. Создание двигалось с грацией кошки, но обладало медвежьей силой. Если бы не эссенция, что усиливала тело, одной такой атаки хватило бы, чтобы переломать ему все кости.

— Ты устал и выдыхаешься, я же только начинаю!

— Закрой рот и защищайся! Твоя голова еще на плечах, но не надолго!

Противники вновь бросились друг к другу. В воздухе стоял звон оружейного железа, сыпались искры. Он не делал лишних движений, выверял каждое действие. Любой неосторожный шаг мог стать последним. Теург отбил очередную атаку кромкой клинка и коротким движением отвел ее руку вниз. Ада оступилась, но прежде, чем успела восстановить равновесие, Нокс ударил. Ударил сильно, насколько мог. Нога сокрушительным молотом врезалась в живот. Раздался отвратительный хруст костей. Ада отлетела, перекувырнулась в воздухе, но умудрилась устоять на ногах.

Она согнулась и мучительно закашлялась.

"Вот оно, вот единственный шанс!"

Теург, не теряя времени скакнул вперед и взмахнул клинком. Однако меч рассек пустоту. Он понял, что случилось. Нокс проклял свою глупость и повернулся, отражая мечом атаку со спины. Такого удара он не ожидал. Клинок ударился о сероватые когти. Сила удара повела его в сторону. Ада схватила его за запястье и саданула коленом в живот, затем еще раз, потом повалила на землю, прижав и руки и ноги.

Теургу показалось, что на него свалилась целая гора. Он понял, что не может шевельнуться.

— Видишь? Я всегда получаю, что пожелаю. Теперь ты весь мой!

Она разинула рот. Края раскрылись, обнажив отвратительную пасть от уха до уха.

— Я выпью тебя досуха, маленький колдун. Оставлю только оболочку. Ты станешь таким же плоским и безжизненным, как твой умишко, способный лишь слепо поклоняться своим догамам. А теперь приступим.

Из изуродованной пасти скользнул осклизлый отросток. Жало выстрелило словно пуля.

Впилося ему в шею и с противным хрустом проткнуло артерию.

— Да, теперь вся эта мощь будет моей. Твоя жизненная сила завершит мое рождение. Он, наконец признает меня и вернется. Как же долго я этого желала!

Нокс ощущал, как сила вопреки его воле покидает тело. Как будто его и вправду высасывали. Она лезла под кожу, проникала во внутренности. Наконец, он ощутил, как чужеродная темная сила коснулась его сознания в попытках прощупать разум. Мыслительные барьеры прогибались под нечеловеческим натиском, он напряг всю оставшуюся волю, но тщетно.

— Сопротивляйся сколько угодно, рано или поздно я...

Внезапно глаза чудовища расширились.

— Что?

Жало выскользнуло из шеи. Ада отпустила Нокса и широким прыжком отскочила от теурга. Она съежилась. Чудовище била дрожь. Глаза были полны ужаса. Лицо исказила гримаса гнева и отвращения.

— Что это?!

Нокс двумя пальцами прижег рану и зашипел от боли. Запахло паленой плотью. Он медленно, покачиваясь, встал.

— Что случилось чудовище? Я тебе больше не мил? — Теург мрачно усмехнулся.

— Ублюдок!

Она попыталось рассечь его надвое, взмахнула когтями и рубанула обеими руками от плеч. За мгновение до того, как смертельное касание достигло его груди, Нокс изловчился и изящным полукувырком увернулся, нанес вертикальный удар.

Существо никак не ожидало такой прыти, тварь подняла обе руки, скрестила когти, чтобы парировать. Сталь надрывно закрипела и заискрила. Нокс надавил чуть сильнее. Ноги чудовища вгрызлись в пол. Доски затрещали и лопнули от невероятного напряжения. Монстр оскалился, раздался низкий гортанный рык.

Мышцы напряглись, словно каменные. Когда чудовище сосредоточилось на защите, теург сделал короткий рывок. Ударил локтем в грудь, переломив грудину.

Та, что должна быть Ариадной, на мгновение споткнулась и согнулась, хватаясь за израненную грудь. Она потянулась к мешочку, который висел на поясе и достала две коричневые вещицы, напоминающие вяленое мясо. Нокс ощутил знакомый запах пряностей и спирта. Присмотревшись, он понял, что это человеческие сердца. Только намного меньше, чем должны быть. Демоница кинула сухие сердца в изувеченную пасть и достала еще несколько уродливых мумифицированных органов, но теург не собирался давать врагу передышки.

Он обогнул сбитое с ритма чудовище, зашел со спины. Ему хватило всего мгновения. За тот короткий миг, что выдался, Нокс влил в тело и клинок столько эссенции, сколько мог.

Сделав полуоборот, он махнул черным мечом, нацелившись на шею существа. Оно обернулось и выставило ладонь ребром вперед. Удар пришелся по бритвенно острому и прочным как титан когтям. Силы движения оказалось недостаточно, чтобы убить чудовище. Однако ее хватило, чтоб отбросить его. Существо буквально сдуло. Влекомое чудовищной атакой, оно пробило каменную стену, словно та была сделана из бумаги, и отлетело далеко в сторону от замка барона.

Несколько раз перекувырнувшись, создание вонзило когти в землю и кое-как затормозило возле расщелины, что все еще зияла посреде бароновых владений. Тварь

оставила после себя широкий след в десяток метров. Наконец, она встала и, пошатываясь, нетерпеливо оглянулась по сторонам, чтобы оценить ситуацию. Готовая к новой атаке.

Сквозь тьму разбавленной лунным светом ночи показалось тусклое желтое свечение. Оно исходило со стороны замка. Псевдоариадна пригляделась. Из пробитой стены в ее сторону устремилось пламенное копьё. Тварь взмахнула ослабшей рукой и отбила огненную стрелу. Только в этот момент существо увидело, что копий было куда больше. Слишком поздно.

Световые клинки пронзили грудь и ноги создания, а затем взорвались, оставив после себя зияющие раны и ошметки плоти, которые свисали лоскутами с окровавленного тела. Тварь отчаянно заревела, издала душераздирающий крик, который потряс с недавних пор безлюдную округу.

Закрыв глаза лишь на мгновение, создание не увидело, что случилось. Мимо чудовища пронеслась размытая линия. В следующее мгновение за израненной фигурой появился Нокс. Торс монстра взорвался кровавым фонтаном. В отчаянной попытке утащить теурга за собой, чудовище протянуло обе руки, однако Нокс увернулся и ударом ноги с разворота отправил создание в расщелину. Разделенное на отвратительные части тело провалилось в темную бездну. И лишь гортанный вой утихающей песней служил доказательством, что монстра поглотила земля.

Желая удостовериться в смерти ужасного врага, Нокс сделал несколько пасов левой рукой. Рана в земле взорвалась потоком ревущего пламени.

Он покачнулся и схватился за шею. Рана давала о себе знать. Метка мучительно горела. Он все еще не восстановился после схватки с пламенем и чудесного воскрешения. Убедившись, что тварь не вернется, Нокс обернулся и похромал обратно к дворцу. Его остановило странное вибрирующее чувство. Ощущение стало сильнее. Задрожала земля. Он посмотрел под ноги. По каменным улицам расходились трещины. Вдруг камень взорвался и разлетелся в разные стороны, причиняя все новые разрушения. Из-под толщи грунтовой дороги бешеной бурей вырвалось светящееся создание с синими крыльями и острыми как шпиль рогами.

— Уоооооо!

Тварь махнула крыльями, издала душераздирающий вопль, который разбудил весь город и ужаснул каждого в Ольнии.

— Я пробудилась!

Ада в недоверии посмотрела на свои руки. Светящиеся синие глаза сузились. Она откинула голову и засмеялась.

— Да! Наконец-то!

Молчаливая округа разразилась мрачным нечеловеческим голосом. Нокс стоял неподвижно, опасаясь сделать вдох. Тело, готовое к стремительному рывку, напряглось как ствол молодого дерева.

Без всякого предупреждения чудовище замолчало и простерло вперед руку. Выставило один единственный палец. В воздухе что-то мелькнуло. Он двинулся машинально. Прыгнул в сторону, ноги вели сами. Инстинкт спас ему жизнь. Все тело обдало порывом воздуха. Позади раздался грохот. Понимая уязвимость своего положения теург резко обернулся, но лишь на мгновение: землю пропахала широкая и глубокая борозда, как след от смертоносного клинка.

Ада посмотрела на сероватые когти. Из указательного пальца вылез новый костяной отросток. Она ухмыльнулась, угрожающе оскалилась. Внезапно пропала из виду. Теург растерялся, но тут же опустил глаза взглянул перед собой. Она возникла словно из пустоты. Удар был сильным. Слишком сильным, чтобы его отразить и слишком стремительным, чтобы уклониться. Пришелся точно в грудь.

Теург зажмурился, из горла вырвался сдавленный короткий крик. Тело понесло по воздуху, а затем рухнуло на землю. Он перекувырнулся несколько раз. Вцепился в сухую землю голыми пальцами, так, что едва не сорвал все ногти. Рот и нос забила пыль. Он кашлянул и приподнялся, опираясь на руку.

Раздался свист ветра.

Времени валяться не было. Нокс вскочил, мысли метались со скоростью молнии. Формулы заполняли сознание сами собой, срывались с уст потоком забытой речи.

Тварь материализовалась снова. Воздух наполнили звуки отчаянного боя: взмах чудовищной руки, рассекающий ночную прохладу, шальной звон металла, который держал натиск. Он отбросил ее, нанес короткий удар, затем укол. Чудовище грациозно избегало черной стали, словно танцевало под неслышный ритм. Очередной удар разразился глухим лязгом. От приложенной силы обоих отбросило на несколько метров назад.

Однако она едва ли растерялась после неудачной атаки. Смертельная пляска продолжилась. Нокс выругался. Даже с усиленным восприятием он едва поспевал за нечеловеческой скоростью. Тварь на мгновение исчезла и так же резко появилась в попытке атаковать исподтишка, готовая пронзить его одним ударом. Нокс схватил тварь за руку, но едва ли мог остановить импульс ее невероятной силы. Эссенция бешено редела в его жилах, раскаленными иглами пронзала мышцы, ускоряла мысль до уровня недоступного ни одному человеку, но этого явно не хватало. Силы были неравны.

Он бросил тщетные попытки остановить атаку, в грубой силе она выигрывала с большим отрывом. Вместо этого Нокс сделал короткий шаг, развернулся и что было сил швырнул ее через плечо. Темную улицу разорвал грохот лопнувшего камня. Ада мгновенно вскочила. Явно пораженная внезапной атакой она отпрыгнула в сторону.

Нокс прочем мотив, влил еще больше эссенции в тело, ноги. Зрение стало ясным, все кругом вдруг показалось медленным, тягучим, словно неподвижным. Лишь демоница перед

ним двигалась как прежде, с неестественной для живого существа прытью. Она слегка качалась, схватившись за руку. Конечность неестественно изогнулась и деформировалась словно ее связали узлом сразу в нескольких местах.

Не теряя ни мгновения, теург призвал два огненных копья. Смертоносные снаряды устремились вперед. Она махнула рукой. Один раз, второй. Оба копья, разразившийся снопом раскаленных кистей, с гулким хлопком взорвались. Синие светящиеся глаза на искаженном яростью лице бешено вращались в разные стороны. Она сделала еще один взмах, словно стремилась отбить невидимую цель.

Нокс нахмурился, в попытках понять, что она делала. Он решил попробовать еще раз. Влив силу в ноги, заклинатель рванулся с места. Зашел ей за спину и метнул еще несколько копий. Она развернулась и отбила атаку, но тут же начала озираться по сторонам и хаотично двигаться, как будто пыталась уклониться.

Теург исчез. Кажется, он понял. Со всех сторон в демоницу полетели огненные копья. Тварь махала руками, когти вспарывали воздух, сталкивались с концентрированным пламенем, после третьей атаки она перестала попевать. Смертоносные снаряды ударили разом, раздался взрыв. Ревущее пламя охватило существо, взвилось до самого неба. Скрыло создание тьмы из виду.

Теург остановился. Он тяжело дышал, обливался потом, но не обращал на это никакого внимания: концентрация была слишком высокой, чтобы придавать значение таким мелочам. Теург напряженно смотрел перед собой, не смея моргнуть.

Ей хватило всего мгновения.

Ада вылетела из пекла и ловко перевернувшись выставила ногу вперед. Нокс сжал зубы. Ноги как тугие пружины оттолкнули тело от земли, назад и вбок. Он избежал смертельного ранения: острые придатки скользнули по сутане, повредили лишь ткань, но не сумел увернуться полностью. Лапа с острыми когтями врезалась в живот. Затрещали ребра. Теург покатился по земле, больно ударился о камень улицы. По затылку потекло что-то теплое и липкое. В глазах потемнело.

Она стояла перед ним. Рука срослась. Ожоги, которые убили бы любого, медленно уходили. Обугленная плоть сменялась чистой кожей.

— Ах, если бы любимый видел меня сейчас. Я уже не та слабая никчемная девочка, которая чуть не погибла от лап келмура. Теперь он наконец меня признает!

Она сделала несколько шагов вперед. Нокс встал, пошатываясь.

— Благодарю. Мнимая смерть оказалась лучше всякой крови, даже самой сильной, так чтобы ты мне больше не нужен.

Она замахнулась. До того, как почувствовать боль от нового удара, теург ощутил что-то еще. Странное чувство охватило его тело. Оно было знакомым. Где-то сзади витала опасность. Нокс перекувырнулся и бросился прочь. Как оказалось, вовремя.

Земля заколыхалась и зашевелилась как живая. По дороге прошла широкая трещина. Вздвигнувшись, грунтовая дорога обратилась широкой колонной. Грубый камень вырвался из-под земли и с огромной скоростью ударил чудовище. Ада воскликнула, отлетела в сторону и вписалась спиной в стену одного из особняков. Оправиться она не успела. Части дороги и валуны, большие и поменьше, все обломки со свистом ринулись к ней. Ударили с такой силой, что не выдержали массивные стены дворца какого-то аристократа. Земля задрожала. Особняк сложился и похоронил чудовище под могучими сводами.

Нокс услышал шаги и повернулся в сторону шума.

— Фух. Не против компании, Нокс?

Теург оцетинился клинком. Чутье его не подвело. Ластер. Вид у него был потрепанный. По лицу стекала струйка крови. Камзол был помят и местами порван, сквозь некогда изящное одеяние зияли дыры.

Ластер приподнял руки.

— Ты должен быть мертв.

— Я не драться пришел, Нокс.

— Мне плевать зачем ты пришел. Сейчас мне не до тебя. Убирайся прочь, не то я прикончу первым тебя. Еще раз.

— Я здесь, чтобы помочь.

— Если ты так настаиваешь, будь посему.

Нокс поднял черную сталь и сделал несколько шагов.

— Постой, я больше не марионетка! Я это я! Снова! Вот смотри.

Он подошел к теургу и уверенно коснулся его руки.

— Видишь? Больше не осталось той скверны, которая отравляла мои тело и разум.

Он потер голову.

— Те твои удары привели меня в чувства.

— Без разницы, — сказал Нокс, — сейчас это не важно.

— Ты не понимаешь...

— Убирайся. В таком состоянии ты все равно, что балласт!

— Я могу помочь!

— Уходи!

— Да послушай же! У тебя нет ни шанса против этой твари.

— Ты все еще бредишь. — Ответил Нокс.

— Если бы. Она годами копила силу. Ты не представляешь скольких она поглотила!

Сколько силы в себя вобрала!

Теург презрительно фыркнул.

— Это не имеет значения. Я не доверю свою жизнь тому, кто был так слаб, чтобы потерять себя.

— Я, это была случайность! Я просто...

Раздался взрывной грохот. Камни взмыли в небо и с мощным стуком рухнули на землю. Посреди руин стояла Ада. Она источала злобу и великую силу. Вихри колдовской энергии рвали пространство вокруг нее. Раны затягивались на глазах. Что бы ни происходило, она явно продолжала развиваться, становилась сильнее прямо во время боя. Создание корчилось в злобе и тяжело дышало. Время шло на секунды.

— Ее регенерация. Она стала еще быстрее. Раньше эта тварь так не умела.

Он посмотрел на Нокса.

— Тебе нужна моя помощь.

Теург поморщился. Его воротило от одной мысли, что ему придется работать с без пяти минут оскверненным еретиком. Тот факт, что Ластер был невольной жертвой не слишком менял дело.

Однако он сильно устал. Эссенции становилось все меньше, воля потихоньку притупилась. Между тем Ада и не думала выдыхаться. Такими темпами он бы точно проиграл. Выхода не оставалось.

— Хорошо. Может ты на что и сгодишься.

— Тебе приходилось сражаться с регенераторами?

Нокс кивнул.

— Да, но с такими приткими — никогда. Она словно темник особого уровня. Сила, скорость. Как будто было мало, так еще и регенерация, которой позавидуют лучшие из красных теургов.

Ада к тому времени пришла в себя и полностью восстановилась. Существо оскалило острые зубы и, раскинув руки, шло на них. На наглой физиономии чудовища читалось ликование.

— Значит нужно рубить ее быстрее, чем она восстанавливается, — сказал Ластер.

— У тебя еще остался тот порошок?

— Что?

— Дрянь, которую ты дал тому фигляру Гилюону.

— А, этот? Есть немного.

Он порывлся в кармане и хотел было достать мешочек, но Нокс его остановил.

— Нет. Не сейчас. Погоди.

— Ты хочешь, чтобы я распылил его? Не самая разумная мысль Тогда мы оба скорее всего трупы.

— Не совсем. Натри ей клинок.

— Ты в своем уме? Я сразу выйду из игры. Кроме того, что это даст? Хватит ненадолго. Как будто нас спасет один единственный удар.

— Может и спасет, если делать все по уму.

Ластер расширил глаза, но тут же все понял и кивнул. Они пришли к безмолвному согласию.

— Ты думаешь сработает?

— Похоже, она еще не привыкла к своей силе. Ее разум, реакция не поспевают за ее же усиленным телом. Однако эта тварь пугающе быстро приспосабливается. Я ее отвлеку. Не профукай момент, понял? У нас ровно один шанс. — Нокс посмотрел ему прямо в глаза, — замешкаешься и мы точно не жильцы.

— Делай свое дело, а я сделаю, что нужно.

Они разошлись в стороны. Нокс вздохнул и начал читать мотив.

Тело охватил прилив нечеловеческой силы. У него было совсем мало времени. Эссенция иссякала со скоростью сходящей лавины. Ластер в последний раз посмотрел на Нокса и ринулся прочь.

Ада повернулась в его сторону и бросилась в погоню. Когти почти достигли его шеи. Однако Нокс не позволил ей довести дело до конца. Он появился прямо перед чудовищем. Взмахнул клинком по широкой дуге. Та выставила когти, удар отбросил демоницу, хотя и не причинил ей никакого вреда.

— Добыча объединяется, чтобы выжить и дать отпор охотнику, как интересно!

Ее голос больше не походил на человеческий. Чудовище вонзило когтистую лапу в землю, камень раскололся и пошел глубокими черными трещинами. От импульса задрожала земля. Нокс скакнул с колыхающейся дороги на твердую поверхность. Рука описала сложный знак. С кончиков пальцев вырвались языки пламени, всего через мгновение они обратились острыми иглами.

Ночная темнота осветилась алым. Одна из игл взорвалась рядом с демоницей. Снаряд разорвался и прыснул огненными остриями поменьше. Она взревела, махнула крыльями,

чтобы сбить пламя. Нокс выпустил еще несколько зарядов. Ада махала когтями в попытках отбросить надоедливую магию.

"Теперь пора!"

Нокс сорвался с места, как арбалетный болт. Раздался новый взрыв: очередная игла словно дикий цветок расцвела раскаленным бутонем. Он нырнул в собственное пламя. Жар был нестерпимым, но он не обращал внимания на боль.

Ада с ног до головы покрылась волдырями. Бледная кожа местами обуглилась. Тварь оскалилась и не мешкая набросилась на него. Теург принял стойку, поднял меч повыше. Двое сошлись в новой схватке.

Воздух вокруг разразился какофонией звона, завываний ветра и топотом ног. Красные всполохи сменились мерцанием чего-то черного. Со стороны сражение выглядело как череда мерцающих пятен и послеобразов. Скорость двоих непримиримых врагов не оставляла ни шанса простому глазу.

Нокс ударил поперек, темная сталь достигла своей цели. Ада взревела и отшатнулась как от раскаленного пламени. На землю плеснула бурая кровь. Нокс взмахнул мечом еще раз. Черная сталь рассекла плоть точно под левой грудью, показались белые ребра. Он обернулся, придал импульс своему движению, однако клинок перехватила мощная рука. Меч врезался в кожу, рассек мышцы и намертво застрял в хватке чудовища.

Ада с безумным оскалом притянула его к себе и саданула коленом в живот. Ноксу показалось, что его приложили кузнечным молотом. Он отлетел, но не выпустил меча. Теург приземлился на ноги, попытался сохранить равновесие, но тут почувствовал, как его стопы оторвались от земли.

— Я не позволю тебе! Я не проиграю! Я больше не буду слабой!

Она усилила хватку, горло перехватило спазмом, в глазах потемнело. Ему казалось, будто череп вот-вот лопнет. Раны чудовища с шипением затягивались. Он с трудом воздел руку и поднял два пальца вверх. Позади монстра раздался взрыв. Ударная волна толкнула чудовище, создание тьмы оступилось и ослабило хватку. Нокс лягнул врага прямо в грудь, оттолкнулся и оказался на ногах.

— Давай!

— Что? — Ада попыталась обернуться, но было поздно. Рот существа раскрылся в хриплом крике. Из груди показалось сияющее острие.

— Вот тебе моя благодарность, чудовище!

Клинок вышел на всю длину. Ластер вогнал его по самую рукоять с ревом боли. Его руки обожгло проклятым порошком. Раздался отвратительный запах распадающейся плоти. На импульсе чистого гнева вперемешку с болью она махнула крыльями и резко крутанулась. Ластер едва заметил движение. Удар пришелся точно по лицу. И без того раненый колдун несколько раз перекувырнулся, упал. С его губ слетел короткий стон, затем он затих.

Нокс вновь сорвался с места, на ходу перехватил клинок. Колдун примерился и ударил точно по спине. Тварь изогнулась как ошпаренная. Из горла существа вырвался клокочущий рев. Она развернулась и принялась махать длинными как кинжалы когтями.

Нокс вильнул влево, выставил клинок поперек поймал атаку, а затем и следующий удар. Коротким финтом связал ей обе руки. Монстр отчаянно зарычал. Нокс сжал губы от напряжения. Ее тело начало сдавать. Живот и грудь покрылись темной слизью, тело начало распадаться, обнажая отвратительные шматки гниющей плоти. Хотя она серьезно ослабла, в схватке грубой силы преимущество было не на его стороне. Ноги начали вжиматься в землю.

Чудовище открыло усеянную короткими игольчатыми зубами пасть и высунуло язык. Оно издало утробный рык, предвкушая смерть ненавистного врага. Нокс сжал зубы, пот лился градом. Руки побелели и онемели от напряжения. Когти становились все ближе. Одно неудачное движение, еще немного и ее пальцы пронзят ему грудь.

Нокс ослабил давление. Чудовище довольно ухмыльнулось и надавило еще сильнее. Роковая ошибка. Теург скользнул мечом по когтям, резко отступил в сторону. Посыпались разноцветные искры, Ада оступилась лишь на мгновение, но и этого короткого мига хватило.

Нокс выбросил ногу вперед. Мощный удар в живот заставил чудовище шумно выдохнуть. Ада с мучительным стоном грохнулась на колени. Пораженная гниением плоть отпала, обнажая кости и распадающиеся органы. Голова безвольно висела на груди. Израненный монстр перестал регенерировать. Пышные волосы свисали вперед. Теург влил последние силы в клинок, схватился за рукоять меча обеими руками, замахнулся и обрушил сталь на ее голову. Клинок словно гильотина рассек белоснежную плоть. Брызнула темная кровь.

Все было кончено.

Нокс задыхался от усталости. Внезапно мир и без того почти стоящий на месте замедлился еще сильнее. Тело существа падало слишком неспешно, будто застыло во времени. Похоже, он влил слишком много эссенции. Теург почувствовал, что покидает мир. Глаза медленно закрылись. Он лишился сознания, но лишь на мгновение, которое под действием опасных чар превратилось в целую жизнь. Что-то вновь коснулось его сознания.

Он стоял в каморке. Бедный интерьер затхлого помещения был ему знаком, как и обитатель этого нищенского жилища.

— Это, это больно? — Спросила девушка в синем платье, выбивающимся из-под плаща.

— Нет, дитя. Ты ничего не почувствуешь.

Она понуро посмотрела в пол.

— Я смогу ее когда-нибудь вернуть? Свою душу?

— Тебе не о чем волноваться, дитя. Я заберу лишь малый ее фрагмент. Небольшую часть твоего естества, ты останешься собой и не заметишь никаких изменений.

— Не важно, — она помотала головой и подняла голову, в ее глазах блеснула упрямая решимость. — Если я смогу вернуть ему надежду, я пойду на все.

— Очень хорошо. Твоя решимость, твоя любовь. Они достойны восхищения. Он достал странный предмет, похожий на медальон или амулет. Вещица была сделана из плоти.

Незнакомец положил руку ей на грудь. Девушка пронзительно закричала.

Он видел ту скорбную лечебницу и склянку со страшным зельем. Лица влюбленных и мгновения, что не предназначались для чужих глаз. Образы сменялись со скоростью лихорадочных мыслей.

Нокс резко обернулся. Он оказался посреди очередной комнаты. Пышное убранство заливала алая жидкость. Кровь заляпала одеяла, забрызгала стены. На полу изуродованным мешком застыл труп юноши. Кругом валялись части тела. Его рассекло пополам на уровне пояса. Там и тут сгудились трупы женщин и мужчин, детей. Пожилые и молодые встретили конец.

У дальней стены стояла девушка в голубом платье. Ее лицо ничего не выражало. Глаза стеклятели бездушной пустотой. Она вытерла рот тыльной стороной ладони, замазав руку,

которая все еще держала чье-то сердце, кровью.

Она тупо уставилась на красную жидкость, затем на сердце. Девушка вышла из оцепенения, воскликнула и отшвырнула еще теплые органы, как ядовитого паука. Ее лицо исказилось ужасом.

— Н-нет, я!

Она издала душераздирающий вопль.

Образы менялись, перемешивались.

Лица, кровь, оторванные конечности и органы. Ненасытный голод и пустота. Путаные мысли без смысла и связи, на грани полного темного безумия. Путаные образы и беспомыслие. Он словно проживал чью-то жизнь.

— Такова любовь, дитя. Он не выдержал ее и потерял себя из-за твоей мнимой слабости.

— Так он бросил меня? Потому что я была слаба?

Воспаленный разум, давно лишенный большей части воспоминаний, лихорадочно искал объяснения собственному существованию и тому, что еще оставалось в какой-то мере нетронутым.

Незнакомец в плаще кивнул.

— Значит я стану сильнее и он вернется! Вновь полюбит меня!

И вновь кивок. Ободряющий жест, рука на плече. Лица и кровь. Много крови. Еще больше плоти и тел. Молодых: юноши, мужчины и даже мальчики.

Его голову разрывало от потока мыслей и воспоминаний. Кровавый отвратительный поток становился все сильнее.

— Владыка! Смилуйся!

Теург взмолился, обратив лицо к небу.

В это мгновение все стихло. Он вновь стоял над мертвым разлагающимся телом. Из изувеченной плоти вырвался яркий оранжевый сгусток. Пространство затрепало и исказилось. Раздалась отвратительная вонь. Знакомый запах. Реальность смялась как тонкая бумага и разорвалась.

Сквозь трещины хлынули черные кляксы, принявшие очертания щупалец. Придатки обхватили сгусток света и уволокли за собой.

Перед Ноксом открылась красная пустошь посреди черного бесконечного ничего, где не было звезд. Он осмотрелся, потом еще раз. Тогда мир, лишенный образов, начал принимать ужасающие очертания. Вдали раздался отчаянный вопль. Затем еще один. Душераздирающие голоса появлялись один за другим словно клопы из-под гниющей коры. Перед его лицом возникла кричащая физиономия с неестественно раскрытой пастью. Черный провал зиял, разрываясь от оглушительного крика. Затем появилось новое лицо. Еще и еще. Меньше, чем через минуту вся округа, в затем и все пространство, насколько хватало глаза обратилось inferнальным хором.

Нокса охватил приступ ужаса, он упал на колени и задрожал всем телом, закрывая уши, чтобы не разорвались перепонки. Его сковало чувство первобытного страха. Настолько глубокого, что меркли все остальные чувства. Он понял, что стал свидетелем тому, что не должно видеть.

Преодолевая леденящий ужас он поднял глаза на бесконечный конструкт, который тянулся до небес и закрывал собой черноту вокруг. Среди страдающих образов появилось еще одно лицо, лицо девушки в голубом. Лик смотрел на него безумными глазами. Внезапно

физиономия расплылась. Она раскрыла бесформенную пасть и присоединилась к нестройному бесконечному хору, добавив свой истошный отчаянный вопль.

Теург почувствовал звон в ушах и тошноту. Голова закружилась. Наконец, вопли стихли, уступив место мертвой тишине.

— Ты в порядке?

Нокс резко открыл глаза, мысли все еще трепыхались в возбужденном мозге. Возвращение к реальности было резким как падение с горы и таким же болезненным.

"Что это было?"

Колдун без лица, душа, что расколота, безумные крики, которые никто не услышит.

Он повернул голову и тупо уставился на Ластера. Тот выглядел неважно. Обожженные от порошка руки покрылись глубокими язвами и кровотечениями. Он кое-как, наспех перевязал раны лоскутами порванной одежды. Импровизированные грязные повязки уже пропитались кровью и сукровицей. Ластер сидел на земле и тяжело дышал.

— Что случилось?

— Ты моргнул и на мне мгновение словно выпал из реальности. Ух!

Он попытался встать, но тут же рухнул обратно. Закрыв глаза и с болезненным выражением лица коснулся головы. Ластера била дрожь как от лихорадки.

— Голова разрывается. Буду приходить в себя не один день.

— На мгновение?

— Да, мне показалось, что ты отрубился.

Нокс посмотрел вниз. Под ногами валялось изувеченное и обезглавленное тело. Даже смерть не остановила действие проклятого снадобья. Тело продолжало стремительно распадаться. На темника порошок подействовал даже сильнее. Смертоносная смесь тщательно разрушала все, чего могла коснуться, очередь дошла до костей. Он присел к трупу, сунул руку за воротник. Грубым движением сорвал с шеи перевязь и вытянул нечто наружу.

Его глазам предстал бесформенный ком плоти, пульсирующий при слабом лунном свете. Амулет. Он вонял темным колдовством, источал миазмы серой скверны. Теург покрутил вещицу перед глазами, завернул в платок и положил в карман.

— Хорошо, что этой дряни было не много, иначе нам обоим пришел бы конец. Ты сумасшедший, однако, кажется сработало.

Ластер улыбнулся, стараясь сохранить присутствие духа. Однако Нокс чувствовал, как за напускной веселостью зреет страх. Он сумел встать, но все еще шатался и норовил рухнуть словно марионетка, которой обрезали нити. Ластер медленно подошел и посмотрел на тело. Затем смачно харкнул.

— Земля тебе тернием. Долгие месяцы впустую. Похоже я не преуспел пока охотился.

— Охотился? Из какого ты ордена?

— Заградитель. Был когда-то. Но меня изгнали, с тех самых пор я сам по себе. Все было неплохо, пока я не вышел на ее след, — он кивнул в сторону чудовища.

— Так ты принял заказ от какого-то вельможи?

— Не от какого-то, бери повыше. От патриарха дома Ардес. Кто-то выпотрошил брата главы, жену, дочерей и сына. Он не скупился на плату. Темный тебя побери, я ведь знал, что тут что-то не так, мне такая добыча не по силам! Я не охотник.

— Ты позволил себя очаровать.

— Я был слабым, слабым и глупым. Стоило только ранить ее, как я тут же подумал, что

победа в кармане. Тогда-то она и осквернила меня. Ее кровь...это как наркотик.

— Тот темник, которого вы послали покончить со мной, ты его создал?

— Владыка, разумеется нет! У меня бы не хватило сил. Это дитя ее крови. Бедный Хорстам-младший. Я до сих пор не могу вспомнить без содрогания, через что ему довелось пройти. На него ушло много ее крови. Барона пришлось пичкать остатками того, что мог дать ее больной организм. На всех не хватило. Остальных я просто запугал, чтобы они приняли новый порядок. А затем явился ты. Слава Владыке, все закончилось.

Он мгновение помолчал.

— Я сделал много ужасного, Нокс. Непростительно ужасного.

Ластер посмотрел куда-то вдаль.

— Я все понимаю, и я готов.

Он сел на землю и склонил голову.

Теург смотрел на него безучастным взглядом. Больше не было той бушующей ярости, ненависти за поруганные жизни, его собственные раны. Не было сочувствия той, которая пала жертвой своих желаний и тому, что попал по ее чары против своей воли. Только холодный рассудок и понимание, что другого выхода нет. Что это должно сделать. Эти случайные жертвы требовали очищения. Не ради мести, но ради мира. Он был готов. Такова воля Владыки. А его воля абсолютна.

— Ничего личного, да? — Ластер посмотрел и нервно усмехнулся.

— Ничего личного, — ответил Нокс.

Он обнажил свой клинок. Внезапно Ластер закашлялся, на ладони остался большой сгусток крови. Он в недоумении посмотрел на руку. Задрожал всем телом, кровь хлынула из ушей, глаз и носа. Колдун воскликнул и закрыл лицо руками, затем с ужасом уставился на свою руку. Кончики пальцев почернели, кожа начала слезать как с мумифицированного мертвеца.

— Вот значит как...проклятая кровь, ее оказалось слишком много.

Разложение охватывало все новые ткани, распространялось по руке. Он отчаянно закричал.

— Умоляю! Прощу! Дай мне умереть человеком!

— Да проведет Повелитель Заката твою душу в сады Владыки.

Нокс поднял клинок и одним движением даровал Ластеру милосердие.

Повисла тишина. Теперь он стоял один. Посреди всей этой разрухи не осталось никого

Невдалеке послышался топот копыт. Нокс отер черный клинок и обернулся на звук. Из-за особняка неподалеку показался всадник. За ним следовал с десятков других. Конники были все ближе. Наконец, теург рассмотрел приближающихся.

— Держись! Я иду на помощь!

Барон окинул взглядом округу, посмотрел на трупы.

— Все кончено, барон. Все позади.

Над Ольнией взошло солнце. Новый день ознаменовался суетой и новыми заботами. С момента кровопролития минула целая неделя. Улицы внутреннего города галдели, звучали на разный лад нестройным хором голосов.

— А ну, взяли!

Дородный мужик махнул рукой и скомандовал внушительным басом. Рабочие, облаченные в простые серые рубахи, потянули за веревку, подняли широкую деревянную балку. Особняк одного из аристократов был в ужасном состоянии, от утонченной постройки остались одни развалины. Хозяин, что стоял поблизости, суетливо бегал, махал руками, раздавая невнимательным строителям приказы налево и направо.

Мимо проходили люди в красных балахонах. В руках они держали странного вида щупы, маятники, драгоценные камни в сложной рунической оправе и бог весть еще какую техническую ерунду, которую Нокс не мог распознать, да и не хотел.

После смерти темного существа барон чувствовал себя неважно. Господин Ольнии был не в себе. Управление доменом давалось ему неважно. Очередное донесение Нокса добралось необычайно быстро и вызвало настоящий переполох, по крайней мере так он понял. На следующий же день в город собственной персоной явился прохибитор Рем, а за ним — младшие служители и исследователи всех мастей. Вид у теургов был напряженный и тревожный.

Воздух звенел ударами молотков, смехом и пением собравшихся людей. Ничего не говорило о кошмаре, который развернулся накануне, и только потрескавшиеся дороги да здания разной степени порушенности служили напоминанием о жестокой битве. Жизнь медленно возвращалась к своему размеренному, насколько возможно для такого города, течению.

Нокс обтирал бока мицелана тряпицей. Он провел по кожистой, молочно-серой плоти мокрой тканью. Кожа существа как всегда, прохладная и гладкая, отталкивала воду.

Теург был мрачен. Он настаивал на смерти барона. После столь долгого вливания темной крови Лангос не мог остаться нетронутым скверной. А раз он затронут проклятыми эманациями, оставлять в живых аристократа было сродни самоубийству. Нокс убеждал, уговаривал и даже планировал собственными руками прикончить оскверненного, однако до дела так и не дошло: Рем быстро прознал о его задумке. Но и на этом Нокс не остановился. Остудить его пыл смогло только увещание одного из магистров ордена Малефикантов, мастера Талиона. Очень вежливое и крайне настоятельное.

Нокс остановился на мгновение, перестал мыть мицелана и в задумчивости поскреб грязный пол конюшни носком сапога. Как будто этого было мало, он не понимал, с чем имеет дело. Тварь, с которой он расправился, воспоминания которой видел собственными глазами. Тварь, которая не была темником в полном смысле этого слова. Уж в этом он уверен. Тогда чем она была? А что, если кругом рыскали другие такие же?

Теург достал из-за пазухи мешочек, осторожно его развернул. Призвал тайное зрение. Отвратительная плоть пульсировала странной энергией, темной, но в то же время незнакомой. Амулет покрывали бесчисленные светящиеся символы, ни один из которых он так и не сумел расшифровать. Ему определенно требовалась помощь более опытных братьев. В голове возник образ таинственного незнакомца в темном одеянии. Он с такой легкостью

манипулировал ее душой. Скорее всего эта мерзость была его рук делом. А значит...

Раздумья оказались прерваны легким тычком. Нокс слегка вздрогнул. Скакун повернулся, посмотрел белыми, лишенными зрачков глазами и слегка боднул хозяина, приободряюще фыркнул.

— Скоро в путь, дружище. Готов убраться из этого захолустья?

Мицелан снова фыркнул. Внезапно у входа раздались мерные шаги. Нокс медленно обернулся и настороженно нахмурил брови. Трое.

В конюшню, как он и предсказывал, вошла троица. Взглянув на пришедших, Нокс расслабился и принялся снова мыть мицелана: долгие годы на грани смерти сделали его параноиком. Барон в сопровождении двух стражников подошел чуть ближе, сделал жест.

— Ждите у входа. Никого не впускать.

Охрана поклонилась и отправилась прочь, выполнять приказ. Лангос теребил бороду, не зная, что сказать.

— Наконец, решил нас покинуть? — Спросил он.

— Моя работа здесь сделана. Не вижу смысла задерживаться дольше, чем это необходимо. Впрочем, позаботиться о твоей дочери я так и не сумел. — Ответил Нокс ровным тоном.

Лангос нервно улыбнулся и хихикнул в неловкости.

— Мда. Нянька из тебя никудышная, это правда.

— Но воспитатель неплохой. Я знаю, как угомонить проблемных детей и тех, кто упорно ими притворяется.

Лангос разразился приступом хохота. Адепты посчитали, что он свободен от проклятья. Теперь барон выглядит куда свежее. Кожа приобрела здоровый розоватый оттенок, обвисшие скулы приподнялись, из-под глаз ушли мешки. Нокс слегка ухмыльнулся в ответ. Витавшее в воздухе напряжение разветрилось.

— Прости, я был неправ и подверг твою жизнь ненужной опасности. — Сказал Лангос виноватым тоном.

— Не стоит, барон, — тут же открестился Нокс. — Все мы ошибаемся. В твоем случае удалось избежать трагедии, этого мне достаточно.

Нокс закончил обтирать бока скакуна, бросил тряпку и утер пот.

— Как ты себя чувствуешь? Какие-нибудь странные ощущения, перемены, пугающие сны или мысли?

— Сны? Кошмаров хоть отбавляй, спасибо. А как еще? Держу пари, любой бы на моем месте обделался. Если бы его пыталась сожрать безумная тварь, которая промыла мозги и явилась в образе несуществующей дочери. Слава Владыке, я оказался покрепче, спасибо моему кишечнику за стойкость. Голова как в тумане, но постепенно прихожу в себя. Однако кое-что меня беспокоит, Нокс. Как я мог оказаться в такой ситуации? Почему именно я?

Теург вздохнул и пристально посмотрел на барона. Он пытался подобрать нужные слова. Это все равно, что объяснять ребенку основы мироздания. Так же не просто.

— Мы на большом поле боя, барон. Битва Владыки и Темного идет каждое мгновение уже тысячи лет. Даже сейчас она продолжается. В этом титаническом сражении все мы — заложники, участники и в то же время приз победителю. Случиться такое могло с каждым. Ты всего лишь оказался на пути у этой непреодолимой силы, вот и все.

— Да, но Ольния защищена барьером! — Возразил барон. — Таким, что даже Эшт с зависти давится! Как?

Нокс озадаченно хмыкнул и перевел взгляд в сторону.

— Этого я не знаю. Новая загадка, которую предстоит разгадать.

Барон заметно погрузтел.

— Она все еще снится тебе, не так ли? — спросил Нокс. Он догадывался.

— Да. Ее жизнь... она словно стала частью меня. Я вижу фрагменты, ощущаю ее печаль.

Это невыносимо. Та кровь. Как ты думаешь, Нокс, я обречен?

Теург подошел и положил жилистую руку на плечо Лангоса.

— То существо, которое называлось Ариадной — это проклятое создание. Отродье Темного. Ни больше, ни меньше. Ты попался под руку. Она промыла тебе мозги, пичкала своей кровью и вместе с Ластером, который был таким же невольным слугой, заставила исполнять свою волю. Тебя просто обманули. Ты не она, ты не проклят. Адепты проверили тебя с головы до пят и не нашли ни капли скверны.

Нокс отпустил плечо барона и сделал несколько шагов обратно к мицелану.

— Все образуется, забудь об этом как о страшном сне и живи дальше. Наш мир слишком хрупок, чтобы заикливаться на таких вещах. Каждым ужасным делом и нечистым помыслом мы делаем Темного сильнее.

— Должен ли я забыть, Нокс? — Спросил Лангос, в его голосе звучало отчаяние. — Ведь я же барон! Правитель, который допустил чудовищное предательство!

— Не допустил. Мы не позволили. Поверь. Есть вещи куда страшнее, чем то, через что ты прошел. И деяния куда ужаснее.

— Ты, ты так спокойно обо всем этом говоришь. Пройдя через нечто подобное... Ты не боишься стать игрушкой темных сил? Неужели тебе не страшно?

На мгновение теург замолчал и замер.

— Страшно, — признался Нокс, — даже очень. Я видел кошмары, которые сломали бы любого. Но все еще стою на ногах. Я не один, барон. Мою руку направляет Владыка. У меня есть боевые братья. Я знаю ради чего борюсь и понимаю, что другого выхода у меня нет. Его нет ни у кого. Я исполняю свой долг. Исполни и ты свой.

— Красноречиво, — усмехнулся барон.

Лангос потер бороду и пробормотал что-то насчет вдохновляющей речи и того, что место Ноксу в ораторах.

— Тебе никогда не хотелось спокойной жизни? Без чудовищ, мрака и прочей липкой дряни, которая пытается тебя сожрать, подчинить или бог весть как еще изнасиловать твои разум и тело?

Нокс поднял вопросительный взгляд.

— Я не последний человек, Нокс. Я член благородного дома Латвер, одного из самых могущественных родов. По мне — так самого могущественного. Мне всегда нужны люди. Верные своим убеждениям, сильные и честные. Я бы мог предложить тебе место, подальше от всех ужасов, которые терзают вашего брата на каждом шагу.

Нокс поднял ладонь отрицательным покачал головой.

— Прости, барон. Твое предложение мне льстит. Но я служу только Владыке, он один направляет меня. Я не могу оставить свой долг.

— Что ж, если передумаешь...

— Это невозможно, барон. Моя жизнь посвящена Ему и никому более. Я не волен ей распоряжаться.

— В таком случае возьми золото, возьми хоть что-то! Клянусь именем Светлого, Лангос

Латвер никогда не был скупердям, он умеет благодарить, как того требует честь!

— И награды мне не нужно, барон. Впрочем провизия бы не помешала.

Барон потер лицо ладонью и шумно выдохнул.

— Фух. Какой же ты упрямец! Эх, молодость, молодость. Будет тебе провизия, юноша.

Столько, что не сможешь увезти. Я распоряжусь. А пока у меня есть дела. Не пристало владыке Ольнии ляды точить да без дела стоять.

Лангос развернулся, приосанился и с гордым видом вышел из конюшни.

Нокс проводил его взглядом и тихо усмехнулся. Перекинув ногу через седло, он взгромоздился на мицелана.

— Ну что, двигаем?

Больше книг на сайте - Knigoed.net